

**АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ НОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Углова Евгения Анатольевна

**ЭКОЦИД: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И
КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**

Научная специальность

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

**Диссертация
на соискание ученой степени кандидата юридических наук**

**Научный руководитель:
Кучин Олег Стасьевич
доктор юридических наук, профессор**

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	2
ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЦИД	23
§ 1.1. Экологические угрозы в системе прав человека: генезис понятий и место экоцида	23
§ 1.2. Эволюция международно-правовых основ криминализации экоцида.....	43
§1.3. Международно-правовые инициативы по признанию экоцида преступлением в рамках МУС: история, современное состояние и перспективы	64
§ 1.4. Европейский подход к криминализации экоцида: история и современное состояние	75
§ 1.5. Сравнительно-правовой анализ российского и европейского подходов к криминализации экоцида	93
ГЛАВА 2. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКОЦИДА	101
§ 2.1. Методологические основы криминологической характеристики экоцида	101
§ 2.2. Детерминанты экоцида: военно-политические, экономические, коррупционные и правовые факторы.....	115
§ 2.3. Криминологическая характеристика лица, совершающего экоцид.....	128
§ 2.4. Латентность экоцида и феномен «медленного насилия»	145
§ 2.5. Последствия экоцида: экологические, социальные, экономические и политические аспекты	151
ГЛАВА 3. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКОЦИДА	162
§ 3.1. Объект и предмет экоцида в уголовном праве России	162
§ 3.2. Объективная сторона экоцида: проблемы квалификации и обоснование замены «отравления» на «загрязнение».....	188
§ 3.3. Субъект экоцида и его признаки в уголовном праве России	210
§ 3.4. Субъективная сторона экоцида и проблемы её квалификации в правоприменении	233
§ 3.5. Проблемы квалификации экоцида и совершенствования законодательства	250
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	260
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	275

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в XX–XXI веках человечество столкнулось с беспрецедентными по своим масштабам и последствиям экологическими угрозами. Антропогенное изменение климата, стремительная утрата биоразнообразия, загрязнение окружающей среды и кризис истощения ресурсов ставят под угрозу не только благополучие, но и само существование человечества как биологического вида.

Как справедливо отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин, «многие живут по принципу «после нас – хоть потоп». Такая логика – тупиковая и крайне опасная»¹.

Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.И. Матвиенко, в свою очередь, подчеркивает, что экологические проблемы не знают государственных границ, касаются каждого континента, каждой страны и каждого человека². Сочетание этой тупиковой, потребительской логики с трансграничным характером экологических угроз наиболее ярко проявляется в феномене экоцида – массовом уничтожении растительного или животного мира, отравлении атмосферы или водных ресурсов, а также иных действиях, способных вызвать экологическую катастрофу.

В международном праве предпринимаются попытки усилить уголовно-правовую охрану окружающей среды от наиболее опасных посягательств. В 2024 году была принята Директива (ЕС) 2024/1203, вводящая понятие «действий, сопоставимых с экоцидом», однако сфера ее применения

¹ Путин призвал отказаться от потребительского подхода к природным ресурсам // Портал Союзного государства : [сайт]. – 05.06.2025. – URL: <https://soyuz.by/ekonomika/putin-prizval-otkazatsya-ot-potrebitelskogo-podhoda-k-prirodnym-resursam> (дата обращения: 06.06.2026).

² Представители из более 70 стран приняли участие в работе XI Невского международного экологического конгресса // IACIS : [сайт]. – 23.05.2025. – URL: https://iacis.ru/novosti/tavricheskij_dvoretc_1/predstaviteli_iz_bolee_70_stran_prinyali_u_chastie_v_rabote_XI_nevskogo_mezhdunarodnogo_ekologicheskogo_kongressa (дата обращения: 05.06.2026).

ограничена государствами – членами Европейского союза, а эффективность реализации зависит от имплементации в национальные законодательства, при том что в большинстве стран этот процесс еще не завершен. В декабре 2025 года Советом Европы открыта для подписания новая Конвенция о защите окружающей среды посредством уголовного права, однако число подписавших её государств остаётся незначительным, а перспективы вступления в силу — неопределёнными. Офис Прокурора Международного уголовного суда представил Политику по противодействию ущербу окружающей среде в рамках Римского статута, при этом крупнейшие мировые державы (Россия, США, Китай, Индия) не являются участниками Статута, что делает практическую реализацию данной Политики маловероятной.

Можно констатировать, что международно-правовой механизм противодействия экоциду и сопоставимым с ним действиям находится на начальном этапе формирования и не может рассматриваться как эффективно действующий. В таких условиях особое значение приобретает совершенствование национального законодательства об ответственности за экоцид.

В России норма об ответственности за экоцид впервые была установлена ст. 358 УК РФ 1996 года. За прошедшие три десятилетия уголовные дела по ней возбуждались лишь дважды (в 2001 г. на Камчатке и в 2021 г. по факту водной блокады Крыма), при этом ни одно из них не завершилось обвинительным приговором.

Отсутствие практики, вполне объяснимое спецификой экоцида как криминального феномена, не снимает вопроса качества самой правовой нормы. Несовершенство законодательной конструкции ст. 358 УК РФ проявляет себя в оценочном характере ключевых понятий («массовое уничтожение», «экологическая катастрофа», «иные действия»), некорректности термина «отравление» применительно к неживой природе, неопределённости вопроса о субъекте экоцида, коллизии между

определением прямого умысла и конструкцией формального состава преступления, отсутствии дифференциации ответственности за экоцид и т.д.

Необходимость преодоления этих недостатков, а также выявления пробелов и коллизий в законодательной регламентации признаков экоцида, стимулируют научную разработку теоретических основ противодействия этому преступлению в интересах надлежащей охраны природной среды и обеспечения справедливой ответственности виновных лиц.

Очевидно, что решение этой задачи может быть мыслимо исключительно как результат комплексного осмысления темы, включающего обращение не только собственно к догматическо-правовым (международным и национальным), но и к социально-криминологическим аспектам темы. Последнее особенно важно, учитывая, что отечественная наука до настоящего времени практически не уделяла внимания криминологии экоцида, хотя и признает криминологическую и социальную обусловленность уголовного закона важнейшим условием его эффективности.

Степень научной разработанности темы. Проблемы экоцида составляют важный элемент академического дискурса в российской и зарубежной правовой науке.

Его особенность состоит в том, что проблемы противодействия экоциду разрабатываются, с одной стороны, как самостоятельный предмет теоретико-правовых (Д.Ф. Васин), международно-правовых (О.И. Макаров) и уголовно-правовых (О.Ю. Греченкова) исследований, с другой стороны, как часть учения об экологических преступлениях (Е.В. Виноградова, С.И. Голубев, О.Л. Дубовик, Э.Н. Жевлаков, Н.А. Лопашенко, Ю.А. Тимошенко), преступлениях против мира и безопасности человечества (А.Г. Кибальник, А.Г. Князькина, Е.Н. Трикоз), преступлениях против общественной безопасности (Д.И. Тисленко, А.Е. Симонова). Аналогичная ситуация складывается в зарубежной библиографии, где особым образом следует отметить работы Р. Фальк (R. Falk), М.А. Грей (M.A. Gray), М. Кильберг (M.

Kihlberg), Й. Лекандер (J. Lekander), Л. Минкова (L.G. Minkova), Р. Никсон (R. Nixon), Р. Перейра (R. Pereira), а также исследования в рамках деятельности фонда «Stop Ecocide International».

Несмотря на достигнутые успехи в правовом осмыслении экоцида, надо признать, что в российской науке комплексное исследование, объединяющее историко-правовой, криминологический и уголовно-правовой анализ экоцида с учётом новейших международно-правовых инициатив до настоящего времени не проводилось. Отсутствуют также научные разработки, посвящённые сравнительно-правовому анализу российского и европейского подходов к криминализации экоцида, а также криминологической характеристике личности преступника, совершающего экоцид, с учётом современных тенденций.

Указанное обстоятельство дополнительно актуализирует выбор темы исследования, определяет предметно-целевые параметры и основные направления ее научной разработки.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе уголовно-правового и криминологического исследования и предупреждения актов экоцида.

Предметом диссертационного исследования выступают нормы международного, российского и зарубежного права, направленные на охрану окружающей среды от наиболее опасных посягательств, и практика их применения; доктринальные концепции ответственности за экоцид; а также криминологическая характеристика экоцида и меры его предупреждения.

Цель диссертационного исследования заключается в получении нового знания о социально-исторической, международно-правовой и криминологической обусловленности криминализации экоцида и теоретической разработке на этой основе перспективных направлений повышения эффективности уголовно-правовой нормы об ответственности за экоцид.

Достижению указанной цели способствует решение следующих **задач**:

1. Выявить место экоцида в системе экологических угроз, исследовать генезис понятий («экологическая катастрофа», «экологический кризис» и др.), соотнести экоцид со смежными понятиями («экологический терроризм», «экологический экстремизм», «биотерроризм») и определить его соотношение с экологическими правами человека (§ 1.1).

2. Проанализировать эволюцию международно-правовых основ криминализации экоцида, выделить ключевые этапы и охарактеризовать основные международные акты, повлиявшие на формирование данной нормы (§ 1.2).

3. Исследовать международно-правовые инициативы по признанию экоцида самостоятельным преступлением в рамках Международного уголовного суда, включая проект поправки 2021 г., Политику Офиса Прокурора 2024/2025 гг., и оценить перспективы признания экоцида пятым международным преступлением (§ 1.3).

4. Охарактеризовать европейский подход к криминализации экоцида, выявить его достоинства и недостатки, проанализировав Директиву (ЕС) 2024/1203 и Конвенцию Совета Европы 2025 г. (§ 1.4).

5. Провести сравнительно-правовой анализ российского и европейского подходов к криминализации экоцида, установив их сходства, различия и определив преимущества российской модели (§ 1.5).

6. Разработать методологические основы криминологической характеристики экоцида, обосновав возможность её построения в отсутствие официальной судебной и статистической практики (§ 2.1).

7. Выявить детерминанты экоцида, систематизировав их по группам (военно-политические, экономические, коррупционные и правовые факторы), и установить особенности формирования латентности этого преступления (§ 2.2).

8. Разработать криминологическую характеристику лица, совершающего экоцид, выделить основные типы (военно-политический

руководитель, корпоративный менеджер, коррупционный посредник, транснациональный координатор) и проанализировать их мотивацию (§ 2.3).

9. Исследовать проблему латентности экоцида, обосновав различие между классической латентностью («медленное насилие» в мирное время) и феноменом «политически мотивированной латентности» (псевдолатентности) в военное время (§ 2.4).

10. Проанализировать последствия экоцида, систематизировав их по уровням (экологическому, социальному, экономическому, политическому), и обосновать тезис о том, что политические последствия являются наиболее трудно обратимыми и системными (§ 2.5).

11. Определить трехуровневую структуру объекта экоцида (родовой — «мир и глобальная безопасность», видовой — «безопасность человечества», непосредственный — «экологическая безопасность»), а также уточнить предмет экоцида и обосновать предложения по его совершенствованию (§ 3.1).

12. Проанализировать объективную сторону экоцида, обосновать формальный характер его состава, выявить юридико-техническую некорректность термина «отравление» применительно к неживой природе и аргументировать необходимость его замены на «загрязнение» (§ 3.2).

13. Исследовать субъект экоцида, обосновав вопреки доминирующей доктрине, что он является специальным, а не общим, а также определить признаки, характеризующие его служебное положение и профессиональные обязанности (§ 3.3).

14. Установить, что субъективная сторона экоцида характеризуется исключительно прямым умыслом, разрешить коллизию между определением прямого умысла и конструкцией формального состава, а также доказать предпочтительность российского подхода перед европейским (§ 3.4).

15. Выявить проблемы квалификации экоцида, обусловленные несовершенством законодательной конструкции ст. 358 УК РФ, и

сформулировать научно обоснованные предложения по совершенствованию уголовного законодательства Российской Федерации (*de lege ferenda*) (§ 3.5).

Методологическую основу исследования составили категории и принципы диалектического познания социально-правовых явлений: историзм, причинность, объективность, закономерность, логическая определенность, единство теории и практики. На этой основе в работе реализован гносеологический потенциал общенаучных и частно-научных методов юридических исследований:

- системно-структурный метод использован в целях организованного представления основных элементов криминологической и уголовно-правовой характеристики экоцида, позволил исследовать нормы об ответственности за экоцид в качестве одного из элементов механизма уголовно-правового обеспечения экологической безопасности человечества;

- историко-правовой метод использован для познания проблем генезиса экологических угроз и эволюции правовых основ криминализации экоцида;

- сравнительно-правовой метод позволил провести сопоставительный анализ российского и европейского подходов к криминализации экоцида;

- логико-правовой метод стал основой для толкования правовых норм, выявления пробелов и коллизий в законодательной регламентации ответственности за экоцид;

- документальный метод использован для изучения материалов законотворческой и правоприменительной практики, отражающей результаты противодействия экоциду;

- статистический метод сводки и группировки данных позволил выявить и проанализировать основные тенденции динамики экологических угроз и последствий их реализации;

- контент-анализ доктринальных источников позволил систематизировать и типологизировать теоретические подходы к толкованию

норм об ответственности за экоцид, выявить дискуссионные подходы к квалификации экоцида;

– метод теоретического моделирования применен в интересах разработки предложений по совершенствованию уголовного законодательства Российской Федерации (*de lege ferenda*).

Теоретическую основу исследования составили труды ведущих российских и зарубежных учёных в области уголовного права, криминологии, международного права, экологического права, философии и социологии. В их числе работы М.И. Ашихмина, И.П. Блищенко, А.И. Бойко, Д.Ф. Васина, С.В. Векленко, М.И. Веревичева, Е.В. Виноградовой, А.Г. Волеводза, С.Г. Геворкян, И.С. Геворкян, С.И. Голубева, О.Ю. Греченковой, И.В. Дворянскова, А.И. Долговой, О.Л. Дубовик, А.Э. Жалинского, С.Н. Жарова, Е.В. Ивановой, Л.В. Иногамовой-Хегай, А.Г. Кибальника, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, Г.П. Лозовицкой, Н.А. Лопашенко, И.М. Мацкевича, И.П. Можасовой, А.В. Наумова, В.П. Павлика, А.В. Петровского, В.И. Плоховой, М.Л. Прохоровой, Ю.Е. Пудовочкина, А.И. Рарога, И.Г. Соломоненко, Ю.А. Тимошенко, И.В. Тишутинной, А.Н. Трайнина, Е.Н. Трикоз, С.И. Улезько, Т.Я. Хабриевой, А.В. Федорова, Д.А. Шестакова, И.Р. Шикеры, А.В. Шмонина, а также зарубежных учёных – Р. Фалька (R. Falk), М.А. Грея (M.A. Gray), Р. Никсона (R. Nixon), Л.Г. Минковой (L.G. Minkova) и других.

Нормативно-правовую базу исследования составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права (в частности, отраженные в Конвенции о запрещении военного воздействия на природную среду 1976 г., Дополнительном протоколе I к Женевским конвенциям 1977 г. и др.), Уголовный кодекс РФ, законодательство об охране окружающей среды. В сравнительно-правовом аспекте исследовалось законодательство ряда зарубежных государств (Вьетнама, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Грузии, Украины, Молдовы, Армении, Беларуси, Франции, Бельгии, Чили). В качестве

источника сравнительно-правового анализа использованы также международные правовые акты, не имеющие правовой силы для Российской Федерации (в частности, Римский статут Международного уголовного суда 1998 г., Конвенция Совета Европы о защите окружающей среды посредством уголовного права 2003 г. и др.).

Эмпирическую основу исследования составляют материалы уголовных дел, возбуждённых по ст. 358 УК РФ (Камчатка, 2001 г.; водная блокада Крыма, 2021 г.); документы, свидетельствующие об исторических актах экоцида (действия США во Вьетнаме в 1961–1971 гг., действия Ирака в Кувейте в 1990–1991 гг., массовая вырубка лесов Амазонии); официальные статистические данные ГИАЦ МВД России о регистрации экологических преступлений и сведения Судебного департамента при Верховном Суде России о судимости за экологические преступления; результаты изучения аналитических документов международных организаций (ООН, ЮНЕП, МУС, Европейская комиссия), отражающих проблемы защиты окружающей среды. Кроме того, в работе использован личный опыт практической деятельности автора в органах Министерства юстиции Российской Федерации и органах и организациях прокуратуры Российской Федерации.

Научная новизна исследования состоит в модернизации и содержательном развитии имеющихся знаний о социально-исторических, международно-правовых и криминологических основаниях криминализации экоцида, создающих в своей совокупности теоретическую основу для совершенствования российской нормативной модели противодействия этому преступлению. Приращение научного знания обеспечено за счет следующих новых результатов:

– дана сопоставительная оценка отечественной модели криминализации экоцида и европейской модели «криминализации экоцидных деяний без криминализации экоцида», обоснована целесообразность и перспективность российского подхода с его точечным совершенствованием;

– разработана криминологическая типология экоцида (военный и мирный), соотнесенная с системой его детерминант (военно-политические, экономические, коррупционные, правовые) и типами личности преступника (военно-политический руководитель, корпоративный менеджер, коррупционный посредник, транснациональный координатор);

– выявлен феномен «политически мотивированной латентности» (псевдолатентности) экоцида, совершаемого в условиях вооружённых конфликтов, который принципиально отличается от традиционной латентности «мирного» экоцида, объясняемой концепцией «медленного насилия» Р. Никсона;

– конкретизировано содержание трехуровневой структуры объекта экоцида (родовой – «мир и глобальная безопасность», видовой – «безопасность человечества», непосредственный – «экологическая безопасность») и обоснован многообъектный характер данного преступления, что позволило уточнить его место в системе Особенной части УК РФ и отграничить от смежных составов экологических преступлений;

– уточнено содержание объективных признаков состава экоцида; обоснована юридико-техническая некорректность термина «отравление» и необходимость его замены на «загрязнение»; признано, что одним из проявлений экоцида выступает загрязнение атмосферы, гидросферы или почвы, способное вызвать экологическую катастрофу;

– доказано, что субъект экоцида является специальным, а не общим; совершить экоцид невозможно без обладания властными полномочиями, доступом к значительным ресурсам и возможностью принимать решения на государственном или корпоративном уровне;

– развито представление о субъективных признаках экоцида за счет разрешения коллизии между законодательным определением прямого умысла, включающим психическое отношение к последствиям, и конструкцией формального состава экоцида, не предусматривающего последствий;

– разработана система теоретических аргументов в пользу совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации, основные направления которого включают: разработку новой редакции ст. 358 УК РФ (с заменой «отравления» на «загрязнение», расширением предмета экоцида за счёт включения почвы, гидросферы и распространением признака способности вызвать экологическую катастрофу на загрязнение, а также включением признака специального субъекта в основной состав); дополнение ст. 358 УК РФ частью второй (квалифицированный состав – деяния, повлекшие экологическую катастрофу) и примечанием (легальное определение экологической катастрофы); дополнение ст. 25 УК РФ (уточнение умысла для формальных составов); включение ст. 358 УК РФ в перечень преступлений, предусмотренных примечанием к ст. 104.1 УК РФ; а также изменение структуры раздела XII УК РФ путём выделения в нём двух глав: «Преступления против мира» и «Преступления против глобальной безопасности».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Экологические права человека (на чистый воздух, воду, благоприятную среду) занимают подчинённое положение по отношению к личным и экономическим правам, что не соответствует их фундаментальной роли в обеспечении жизни. Данное несоответствие имеет прямое криминологическое значение: правовая неопределённость статуса экологических благ создаёт благоприятную среду для их безнаказанного уничтожения, а также является одной из детерминант экоцида как преступления против безопасности человечества. Криминологическая взаимосвязь экологических прав и экологических угроз проявляет себя в двух аспектах. С одной стороны, борьба за экологические права, осуществляемая в неправовых формах, может трансформироваться в преступления (экологический экстремизм, экологический терроризм). С другой стороны, любые преступления (не только экологические) могут повлечь за собой экологические последствия и, как следствие, нарушение экологических прав

человека. В этой системе экологический компонент мотивации, содержания преступных действий и последствий остается явно недооцененным. Фундаментальное несоответствие между объективной ролью экологических прав в поддержании жизни на земле и их второстепенным местом в иерархии прав человека имеет прямое отношение к проблеме экоцида: правовая неопределённость статуса экологических благ создаёт благоприятную среду для их безнаказанного уничтожения, а также является одной из причин, препятствующих унификации международных стандартов противодействия экоциду.

2. Эволюция международно-правовых основ криминализации экоцида прошла несколько этапов: от Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. и Конвенции 1976 г. до Директивы (ЕС) 2024/1203 и Конвенции Совета Европы 2025 г. Россия, криминализовав экоцид одной из первых в мире (1996 г.), внесла значительный вклад в формирование международно-правовых основ противодействия этому преступлению. Однако до настоящего времени экоцид не признан самостоятельным международным преступлением, а его криминализация в международном праве остаётся фрагментарной.

3. Несмотря на многолетние усилия, экоцид до настоящего времени не признан самостоятельным пятым международным преступлением в рамках Римского статута Международного уголовного суда. Принятая в 2025 г. Политика Офиса Прокурора, хотя и позволяет квалифицировать экологический ущерб как преступление против человечности, сознательно дистанцируется от создания нового состава преступления, оставаясь в рамках существующих норм. Крупнейшие мировые державы (Россия, США, Китай, Индия) не являются участниками Римского статута, что делает перспективы включения экоцида в юрисдикцию МУС крайне неопределёнными, а совершенствование национального законодательства — приоритетным направлением противодействия экоциду.

4. В отсутствие универсальных международных стандартов криминализации экоцида, европейский подход к противодействию наиболее опасным экологическим преступлениям, реализованный в Директиве (ЕС) 2024/1203, представляет собой модель «криминализации экоцидных деяний без криминализации экоцида». Достоинствами модели являются: чёткие критерии квалификации деяний; распространение действия нормы на мирное время; включение юридических лиц в круг субъектов; ориентация применяемых мер воздействия на восстановление окружающей среды. Недостатками выступают: отсутствие единого понятия экоцида, ведущее к фрагментации правоприменения, и нерешённость вопроса о квалификации экоцида как преступления против безопасности человечества. По своей сути европейская модель является временным компромиссным решением, не заменяющим полной международно-правовой криминализации экоцида.

5. Российская модель криминализации экоцида исходит из признания его самостоятельным преступлением против мира и безопасности человечества, которое не может быть поглощено системой экологических преступлений. Сравнительно-правовой анализ российского уголовного законодательства и европейских актов о «действиях, сопоставимых с экоцидом» позволяет установить принципиальные отличия между ними: по субъекту ответственности (европейские акты предусматривают ответственность юридических лиц, УК РФ – только физических); по форме вины (российский законодатель установил исключительно прямой умысел, европейский подход допускает «серьёзную неосторожность»); по критерию незаконности действий; по квалификации последствий; по применимым срокам давности привлечения к ответственности; по принципу универсальной или территориальной юрисдикции. Преимущества российского подхода предопределены нормативным закреплением статуса экоцида в качестве преступления против безопасности человечества.

6. Отсутствием статистически значимых эмпирических данных о совершенных преступлениях и привлечённых к ответственности лицах не

является непреодолимым препятствием для построения криминологической теории экоцида. Однако криминологическая оценка экоцида, будучи итогом теоретического моделирования, требует особого подхода к обоснованию надлежащей методологической рамки. Учитывая специфику экоцида, его криминологический анализ может быть эффективным в случае смещения исследовательских акцентов с политической характеристики на экологическую сущность преступления. В общем контексте экологической преступности, анализируемой с позиций концепции устойчивого развития, экоцид может быть описан как разрушение окружающей среды, которое выступает не побочным эффектом, а прямым следствием сознательных решений, продиктованных логикой военного или экономического противостояния, и для которого характерны неоднородность мотивации, высокая латентность, организованный характер, транснациональность, диффузность и отсроченность вреда.

7. Криминологическая детерминация экоцида может быть представлена в виде двухуровневой системы. На низовом уровне действуют обстоятельства, непосредственно продуцирующие акты экоцида. Это военно-политические факторы, которые создают условия для катастрофических экологических разрушений в период вооруженных конфликтов, и политико-экономические факторы, которые формируют системный фон многолетней деградации окружающей среды в мирное время. На втором уровне проявляется детерминирующее влияние факторов, обеспечивающих латентность и безнаказанность свершившихся актов экоцида. Среди них коррупционные факторы (лоббизм, попустительство контролирующих органов), которые обеспечивают среду безнаказанности, и правовые детерминанты (отсутствие универсальных конвенционных решений, содержательные и технические дефекты законов, отсутствие методик расследования и расчета ущерба), которые создают препятствия для правоприменения и формируют убеждение в безнаказанности.

8. Личность преступника, совершающего экоцид, характеризуется высоким социальным статусом, властными полномочиями и доступом к значительным ресурсам. Типология личности преступника коррелирует системе факторов детерминации экоцида и включает в себя три основных типа:

- военно-политический руководитель (мотивированный военно-политической целесообразностью, убежденный в том, что военная необходимость оправдывает любые средства достижения поставленных целей);

- корпоративный менеджер (бизнес-ориентированный тип, мотивированный максимизацией прибыли и минимизацией издержек, ориентированный на захват ресурсов). Разновидностью этого типа служит транснациональный координатор, выстраивающий сложные международные цепочки для незаконной добычи ресурсов, их переработки, легализации и продажи;

- коррупционный посредник (является критически важным элементом системы, обеспечивающим безнаказанность экоцида, легитимизирующий преступную деятельность, движимый корыстным интересом и карьерным конформизмом).

9. Сфера совершения действий, составляющих экоцид, в единстве с данными о системе его детерминации и типологией личности виновного, позволяет выделить два типа экоцида: военный (тактика «выжженной земли», удары по инфраструктурным объектам) и мирный (экономический), детерминированный стремлением к максимизации прибыли, минимизации издержек и захвату ресурсов. Каждому из этих типов соответствует свой механизм формирования латентности. Для военного экоцида характерен феномен «политически мотивированной латентности» (псевдолатентности), когда разрушения очевидны, но наказание отсутствует в силу государственных иммунитетов и отсутствия политической воли. Латентность экономического экоцида объясняется концепцией «медленного насилия»,

доказывающей, что постепенное накопление растянутых во времени и пространстве последствий существенно затрудняет их осознание, а следовательно, и правовое реагирование.

10. Анализ последствий экоцида в контексте концепции устойчивого развития позволяет установить, что они носят системный, необратимый, трансграничный, кумулятивный и отсроченный характер, проявляясь на экологическом, социальном и экономическом уровнях, но не ограничиваясь этим. Наиболее трудно обратимыми выступают политические последствия: экоцид выступает катализатором государственной несостоятельности, триггером вооружённых конфликтов за ресурсы, инструментом ослабления суверенитета и фактором кризиса глобального управления. Экоцид способен активировать механизмы политической дестабилизации на локальном, региональном и глобальном уровнях, превращая экологическое преступление в экзистенциальную угрозу для государственного суверенитета и международного миропорядка.

11. Объект экоцида имеет трехуровневую структуру: родовой – «мир и глобальная безопасность», видовой – «безопасность человечества», непосредственный – «экологическая безопасность». Ключевое отличие экоцида от экологических преступлений состоит в качественной характеристике угрозы: экологические преступления посягают на экологическую безопасность как на условие благополучия жизнедеятельности людей, тогда как экоцид – на экологическую безопасность в качестве условия выживания человечества. Многообъектный характер экоцида, с учетом содержания его социальных последствий, позволяет признать это преступление для целей уголовно-правового регулирования деятельностью, направленной против безопасности Российской Федерации, с соответствующей корректировкой первого примечания к ст. 104.1 УК РФ.

12. Преступление экоцида является сложным по конструкции объективной стороны. Во-первых, состав экоцида (ст. 358 УК РФ) является

формальным и альтернативным: три его формы (массовое уничтожение растительного или животного мира, загрязнение атмосферы, гидросферы или почвы, иные действия) следует считать оконченными с момента совершения самих действий, независимо от фактического наступления экологической катастрофы. Во-вторых, экоцид может быть представлен не только как актовое, но и как продолжаемое преступление. Как единичное продолжаемое преступление экоцид может складываться, из тождественных преступных деяний, каждое из которых подпадает под признаки ст. 358 УК РФ; из экологических преступлений (например, предусмотренных ст. 250–252 УК РФ), в совокупности образующих экоцид; из различных комбинаций преступных и противоправных деяний, указанных в предыдущих случаях.

Нормативное описание объективных признаков состава экоцида обнаруживает ряд дефектов:

- перечень предметов экоцида является неполным (в законе не указаны, в частности, почва, микроорганизмы), отсутствует легальное определение «растительного мира», понятие «животный мир» необоснованно ограничено только дикой фауной, термин «водные ресурсы» сужен до поверхностных и подземных вод в водных объектах, в характеристике понятия «атмосферный воздух» имеется терминологическая рассогласованность уголовного и бланкетного законодательства;

- при описании действий использован термин «отравление» применительно к атмосфере и водным ресурсам, что является некорректным, поскольку в медицине, биологии и токсикологии он означает патологическое состояние живого организма;

- признак «способности вызвать экологическую катастрофу» характеризует только «иные действия», но не связан логически с посягательством на атмосферу и воздух, что затрудняет отграничение экоцида от смежных экологических преступлений;

– отсутствует дифференциация ответственности за экоцид в зависимости от факта наступления негативных экологических последствий, а равно определение понятия экологической катастрофы.

13. Вопреки доминирующему в доктрине мнению, признающему субъектом экоцида любое вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет, объективные признаки преступления свидетельствуют о невозможности совершения экоцида рядовым гражданином. К числу специальных признаков субъекта экоцида следует относить служебное положение и профессиональные обязанности. Поскольку субъект экоцида является специальным, признак «использование служебного положения и (или) профессиональных обязанностей» подлежит включению в основной состав преступления.

14. Субъективная сторона экоцида характеризуется исключительно прямым умыслом. Ни косвенный умысел, ни тем более неосторожность, которые допускаются в европейской модели криминализации экоцидных преступлений, не соответствуют природе экоцида. Российский подход, закрепляющий прямую форму умысла, является предпочтительным, поскольку соответствует осознанному, целенаправленному характеру данного преступления, исключает произвольное толкование субъективной стороны и сохраняет высокий порог ответственности за экоцид как за наиболее опасное посягательство на окружающую среду и безопасность человечества. В преступлениях, для наличия которых не требуется наступления общественно опасных последствий, прямой умысел устанавливается по отношению лица к общественно опасному деянию.

15. Юрико-техническое и содержательное устранение дефектов нормативного регулирования ответственности за экоцид способно составить значимое направление повышения эффективности уголовно-правового противодействия экоциду. Модель нормы об ответственности за экоцид может выглядеть следующим образом: «1. Массовое уничтожение растительного или животного мира, а равно загрязнение атмосферы,

гидросферы, почвы или совершение иных действий при условии, что такие загрязнения и действия способны вызвать экологическую катастрофу, совершенное лицом с использованием служебного положения и (или) профессиональных обязанностей, наказывается...; 2. То же деяние, повлекшее экологическую катастрофу, наказывается ... Примечание. Под экологической катастрофой в настоящей статье следует понимать экстремальную ситуацию антропогенной природы, влекущую за собой разрушение локальных экосистем либо их резкое и существенное негативное изменение».

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его положения и выводы вносят вклад в развитие науки уголовного права и криминологии. В работе, в частности: уточнено понятие экоцида и его место в системе угроз правам человека и глобальной безопасности, типологизированы модели криминализации экоцида, разработана авторская криминологическая характеристика экоцида, включающая его типологию, детерминанты, типологию личности преступника, системный анализ последствий и механизма формирования латентности, выявлены внутриотраслевые и межотраслевые противоречия в нормативном описании признаков экоцида. Сформулированные теоретические положения могут служить основой для дальнейших научных исследований в области противодействия как экологическим преступлениям, так и преступлениям против мира и безопасности человечества.

Практическая значимость исследования заключается в том, что сформулированные автором предложения по совершенствованию уголовного законодательства Российской Федерации (*de lege ferenda*) могут быть использованы в законотворческой деятельности. Выводы и рекомендации могут быть применены в правоприменительной практике при квалификации экоцида и смежных составов преступлений. Материалы диссертации могут быть использованы в учебном процессе при преподавании курсов «Уголовное право», «Криминология», «Международное уголовное право»,

«Экология», а также при подготовке учебных и учебно-методических пособий.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечиваются комплексным использованием методов научного познания, анализом широкого круга нормативных правовых актов (международных договоров, российского и зарубежного законодательства), изучением доктринальных источников, эмпирической базы, исторических примеров актов экоцида и данных международных организаций.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования представлены автором в докладах на 18-ти международных и всероссийских научно-практических конференциях, проходивших в Дальневосточном федеральном университете (2021–2024 гг.), Дальневосточном юридическом институте Университета прокуратуры Российской Федерации (2024–2025 гг.), Восточно-Сибирском филиале Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева (2025 г.), Уральском государственном юридическом университете им. В.Ф. Яковлева (2025 г.), Костромском государственном университете (2025 г.), Восточно-Сибирском институте МВД России (2025 г.), Волгоградской академии МВД России (2025 г.), Байкальском государственном университете (2025–2026 гг.), Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации (2025 г.), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (2026 г.), а также на Дальневосточном историко-архивном форуме (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, 2026 г.).

Результаты исследования внедрены в практическую деятельность Главного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Северо-Кавказскому и Южному федеральным округам, Управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Дальневосточному

федеральному округу, прокуратурах Магаданской и Ростовской областях, Кемеровской области – Кузбасса, прокуратуре города Санкт-Петербурга.

Также результаты диссертационного исследования используются в научном и учебном процессе Дальневосточного юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», Юридической школы ФГАОУ ВО «Дальневосточного федерального университета», Владивостокского филиала ФГКОУ ВО «Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» имени И.Ф. Шилова», ФГБОУ ВО «Морской государственный университет имени адмирала Г.И. Невельского», АНО ВО «Российский новый университет», АНО ВО «Российский университет адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева».

Результаты исследования прошли апробацию. Основные положения и выводы освещались в 18 научных статьях, в том числе в 6 научных статьях в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура диссертации обусловлена целями и задачами исследования и состоит из введения, трёх глав, включающих 15 параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

ГЛАВА 1

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЦИД

§ 1.1. Экологические угрозы в системе прав человека: генезис понятий и место экоцида.

Осознание важности сохранения окружающей среды на тысячелетия опередило появление первых правовых механизмов. Уже этот факт свидетельствует об ограниченном потенциале права в регулировании столь сложной сферы. Данный вывод находит своё подтверждение и при современном рассмотрении конкретных экологических проблем сквозь призму права. Вместе с тем целесообразность и важность дальнейших исследований юридических механизмов предупреждения экологических катастроф, преступных посягательств на окружающую среду и их последствий обусловлены ценностью и значением права как универсального регулятора общественных отношений³.

В основу исследования положено понимание права как инструмента организации общественных взаимодействий и разрешения противоречий. Ценностный аспект права (свобода, равенство, справедливость) учитывается, но имеет подчинённое значение в силу тематики работы.

Идея о том, что благополучие человека неразрывно связано с состоянием природы, зародилась задолго до появления современной экологии как науки. Уже в первых цивилизациях Месопотамии и Египта

³ См. Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации : сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2020; Фабрика И.В. К вопросу о ценности права // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2011. – № 40 (257). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tsennosti-prava> (дата обращения: 30.11.2025); Рожковский В. Право как ценность и правовые ценности // Thesaurus : сб. наук. пр. / Магілёўскі інстытут МУС. – Магілёў, 2017. – Вып. 4: Міждысцыплінарныя даследаванні. – С. 227–234; Серебренникова А.В. К 70-летию Нюрнбергского процесса: «формула Радбруха» (radbruchsche Formel) и опыт ее применения на практике после объединения Германии // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-70-letiyu-nyurnbergskogo-protsessa-formula-radbruha-radbruchsche-formel-i-opyt-ee-primeneniya-na-praktike-posle-obedineniya-germanii> (дата обращения: 30.11.2025).

существовали практики, регулирующие использование воды и земли, что свидетельствовало о понимании людьми зависимости их жизни от окружающей среды. Фалес Милетский (ок. 624–546 до н. э.), которого называют первым философом западной традиции, видел в воде первооснову всего сущего. Его знаменитый тезис о том, что «вода есть начало онтологическое, т. е. тот элемент, та субстанция, которая лежит в основе всех вещей»⁴, можно рассматривать как одну из первых натурфилософских попыток объяснить единство мироздания и важность природной стихии для жизни. Древнегреческие учёные заложили основы системного изучения взаимодействия человека и природы. Гиппократ в трактате «О воздухе, водах и местностях» напрямую связывал здоровье людей с факторами окружающей среды – качеством воздуха, воды, климатом и особенностями географических условий⁵. Аристотель (384–322 до н. э.) и его ученик Теофраст (ок. 371–287 до н. э.) значительно продвинули изучение природы, занимаясь в своих трактатах описанием природных явлений и взаимодействием с ними человека. Аристотеля считают основателем биологии, а Теофраста — «отцом ботаники» за его систематические наблюдения за растительным миром⁶. В эпоху Средневековья итальянский математик Фибоначчи (ок. 1170–1240) открыл числовую последовательность, отражающую гармонию природных систем⁷.

Этот длительный этап, характеризуемый разрозненными наблюдениями и отсутствием собственного категориального аппарата, обычно именуют периодом «предэкологии» или «наивной» экологии.

⁴ Лега В.П. История западной философии. Часть 1. Античность. Средневековье. Возрождение. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Viktor-Lega/istorija-zapadnoj-filosofii-chast-pervaja-antichnost-srednevekovye-vozhrozhdenie/> (дата обращения: 16.01.2026).

⁵ Солопова М.А. Гиппократ // Античная философия : энциклопедический словарь. – Москва : Прогресс-Традиция, 2008. – С. 275–280. – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/greekdic/document/HASH01b349a33b840e3dada8d712> (дата обращения: 16.01.2026).

⁶ Редакторы Британники. Теофраст // Encyclopedia Britannica : [сайт]. – 11.04.2024. – URL: <https://www.britannica.com/biography/Theophrastus> (дата обращения: 18.01.2026).

⁷ Числа Фибоначчи // Skillfactory Media : [сайт]. – 29.04.2022. – URL: <https://blog.skillfactory.ru/glossary/chisla-fibonachchi/> (дата обращения: 16.01.2026).

Однако долгое время эти идеи оставались достоянием философии. Реальным толчком к действию стали экологические кризисы: например, «Великое зловоние» в Лондоне (1858 г.) вынудило парламент принять закон и модернизировать систему канализации города⁸.

В эпоху Просвещения тема взаимоотношений человека и природы стала центральной для многих дисциплин – научный ландшафт в этой сфере формировался благодаря трансъевропейскому диалогу. Например, английский мыслитель Томас Мальтус поднимал вопрос об ограниченности ресурсов. Французские философы XVIII в. Д. Дидро, Д’Аламбер, Вольтер, Гельвеций, Кондильяк, Руссо в центр своих философских размышлений ставили, прежде всего, вопросы природы человека, его места в мире, воспитания способностей к самостоятельному достижению счастья, разумного общественного устройства⁹. Александр фон Гумбольдт¹⁰ – географ, ботаник, зоолог и путешественник – вошёл в историю как основоположник современной географии, климатологии и биогеографии¹¹. В результате к середине XIX в. был накоплен критический массив наблюдений и теорий, который требовал своего обобщения в рамках новой, самостоятельной науки. Кульминацией этого многовекового процесса стали исследования немецкого естествоиспытателя и философа Эрнста Геккеля (1834–1919), который в своей книге «Общая морфология организмов», вышедшей в 1866 г., впервые институционализировал новую дисциплину: он ввёл в научный оборот неологизм «экология» (от греч. *oikos* – дом, жилище и

⁸ Великое зловоние // Центр гигиенического образования населения Роспотребнадзора : [сайт]. – URL: <https://cgon.rosпотребнадзор.ru/istoriya/istoriya-sanitarnogo-prosveshcheniya/iz-istorii-epidemi/velikoe-zlovonie/> (дата обращения: 06.09.2025).

⁹ Философия эпохи Просвещения: о предмете и назначении философии // Российское гуманистическое общество : [сайт]. – URL: <https://www.humanism.ru/biblioteka/88-cks/701-cks32.html> (дата обращения: 16.01.2026).

¹⁰ Человек, который знал всё // Русское географическое общество : [сайт]. – 10.06.2019. – URL: <https://rgo.ru/activity/redaction/news/chelovek-kotoryy-znal-vsye/> (дата обращения: 18.01.2026).

¹¹ Этте О. Александр фон Гумбольдт: кочующая мысль и жизненная наука // Epistemology & Philosophy of Science. – 2018. – № 1. – С. 206–217. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aleksandr-fon-gumboldt-kochuyuschaya-mysl-i-zhiznennaya-nauka> (дата обращения: 26.01.2026).

logos – учение), определив её в знаменитой формулировке как «науку об экономии, об образе жизни, о внешних жизненных отношениях организмов друг с другом»¹². Это определение, ставшее классическим, впервые выделило изучение взаимодействий различных природных явлений в самостоятельную область знания, отделив её от морфологии и физиологии.

Тем не менее, накопленные человечеством знания о ценности природы и взаимосвязи всех живых существ долгое время оставались достоянием науки и только развитие в XX веке военных технологий и появление таких методов ведения военных действий, которые имели не избирательное поражающее воздействие в отношении всего живого, а сознательное разрушение природы на территории противника стало одной из основ стратегии и тактики воюющих стран ¹³ . Мировое сообщество было вынуждено признать глобальную угрозу и поставить вопрос об ответственности за преступления против природы в вооружённых конфликтах. Стало очевидным, что продолжение использования предлагаемых моделей развития может представлять глобальные угрозы. Критической массы достигли последствия или возможные последствия таких процессов, как гонка вооружений, разработка бактериологического оружия, растущее вмешательство человечества в земную экосистему¹⁴.

Осознание надвигающегося кризиса привело к активному развитию идей «энвайронментализма» (*environmentalism* – от англ. *environment* – окружающая среда), возникших ещё в XIX веке и получивших импульс в 60-х годах XX века, – новой мировоззренческой модели системного анализа

¹² Креймер М.А. Эрнст Геккель и экология // Вестник СГУГиТ (Сибирского государственного университета геосистем и технологий). – 2013. – № 4 (24). – С. 112–119. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ernst-gekkel-i-ekologiya> (дата обращения: 16.01.2026).

¹³ Греченкова О.Ю. Экоцид как преступление против мира и безопасности человечества : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Краснодар, 2007. – 26 с.

¹⁴ Шалаев В.С., Хуторова Н.А. Энвайронментализм как движение в защиту окружающей среды // Вестник Московского государственного университета леса - Лесной вестник. – 2013. – № 7. – С. 6–22.

экологических проблем, которая стала общим знаменателем знаменателем для всех попыток переосмыслить место человека в биосфере.

Широкий спектр экологических угроз, от локальных до планетарных, породил и соответствующую терминологическую палитру: от управляемой ситуации «экологический кризис» до точки глобального коллапса «экологическая катастрофа»¹⁵, от «природоохранных правонарушений» до «экологических преступлений»¹⁶. При этом эти термины постоянно эволюционируют, отражая рост осознания масштаба проблемы не только экологами, но и обычными гражданами: в повседневный оборот прочно вошли слова: «экоцид», «геоцид», «биоцид», «омницид», «экологический терроризм», «биотерроризм», «экологический экстремизм», «эколого-правовой конфликт», «экологический активизм» и «экологический радикализм» и др.

В 1970–1990-х годах волна экологических катастроф породила массовые общественные движения в защиту природы, которые инициировали масштабные научные исследования и их международное обсуждение. Например, основанная в 1969 г. в США организация «Друзья Земли» уже через два года открыла зарубежные филиалы и провела заседания при участии представителей Франции, Швеции, Великобритании и США¹⁷. Впоследствии экологические движения трансформировались в политические партии, стали участвовать в выборах, получив возможность влиять на государственную политику развитых стран, прежде всего США и Европы.

¹⁵ Тимофеев А.Д. Семантика понятий «Экологический кризис» и «Экологическая катастрофа» // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2015. – № 176. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-ponyatiy-ekologicheskij-krizis-i-ekologicheskaya-katastrofa> (дата обращения: 18.01.2026).

¹⁶ Александров С.В. Экологическая катастрофа как перманентное явление современного общества // МНИЖ. – 2021. – № 1-2 (103). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-katastrofa-kak-permanentnoe-yavlenie-sovremennogo-obschestva> (дата обращения: 18.01.2026).

¹⁷ Шалаев В.С., Хуторова Н.А. Указ. соч.

Первым значимым результатом деятельности таких общественных организаций стала прошедшая в 1972 г. в Стокгольме Конференция ООН по проблемам окружающей среды. В принятой на ней Декларации было указано, в частности, что страны несут ответственность за обеспечение того, чтобы их деятельность не наносила ущерба окружающей среде других стран (A/CONF.48/14/Rev.1, гл. 1)¹⁸. В том числе, одним из итогов Конференции явилось учреждение резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 2997 от 15 декабря 1972 г. (A/RES/2997(XXVII)) Программы Организации Объединённых Наций по окружающей среде (ЮНЕП)¹⁹, назначением которой является обеспечение руководства и поощрение партнёрства в области бережного отношения к окружающей среде путём создания возможностей для улучшения качества жизни государств и народов без ущерба для будущих поколений²⁰. Стокгольмская декларация стала основой для многих политик в области экологии, принятых в 113 странах-участницах. Сегодня крупнейшие мировые державы, в том числе и Россия, участвуют в деятельности этой центральной природоохранной организации системы ООН²¹.

Общественные движения и международные конференции заложили институциональный фундамент защиты природы, однако ключевым катализатором формирования понятия «экоцид» стали не декларации, а конкретные действия: термин «экоцид» (от греч. «οἶκος» — «дом» и

¹⁸ История Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду // Организация Объединённых Наций : Аудиовизуальная библиотека международного права : [сайт]. — URL: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/cpmhuemt/cpmhuemt_ph_r.pdf (дата обращения: 21.12.2025).

¹⁹ Стокгольмская декларация : [принята 16.06.1972 на Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901880141> (дата обращения: 07.12.2025).

²⁰ Программа ООН по окружающей среде // Организация Объединённых Наций : [сайт]. — URL: <https://www.un.org/ru/ga/unep/> (дата обращения: 17.11.2024).

²¹ ЮНЕПКОМ // Российский национальный комитет содействия Программе ООН по окружающей среде : [сайт]. — URL: <http://www.unepcom.ru/index.php?go=home> (дата обращения: 21.12.2024).

латинского «*caedo*» – «убиваю»²²) ввел в оборот американский биолог и заведующий кафедрой ботаники Йельского университета Артур Галстон, назвав им в феврале 1970 г. на конференции «Военные преступления и совесть американцев» действия армии США во Вьетнаме²³. По иронии судьбы именно этот человек, работая в 1940-х годах в Университете Иллинойса над поиском химических способов ускорения созревания сои, установил, что в умеренном количестве 2,3,5-трийodobензойная кислота оказывает на растения положительное воздействие и ускоряет их созревание. Через несколько лет его открытие использовали американские ученые при разработке «Agent Orange» – смеси дефолиантов и гербицидов, которую распыляли американские военные над территорией Вьетнама, Камбоджи и Лаоса в период с 1961 по 1971 г.²⁴. Это применение привело к масштабной экологической катастрофе и, как следствие, к возникновению самого термина «экоцид».

Современная наука выделяет четыре основные экологические угрозы: антропогенное изменение климата, утрата биоразнообразия, загрязнение окружающей среды и кризис истощения ресурсов.

Эти угрозы концентрируются в «рукотворных экологических катастрофах» – внезапных разрушительных событиях, вызванных деятельностью человека. В отличие от постепенных кризисов, они носят ярко выраженный характер шокового удара по природным системам, могут возникать в результате хозяйственной деятельности человека или как результат ведения военных действий, когда противоборствующие стороны

²² Экоцид // Экологический энциклопедический словарь / гл. ред. И.И. Дедю. – Кишинев : Главная редакция Молдавской советской энциклопедии, 1989. – URL: <https://ecolog.academic.ru/2253/%D0%AD%D0%BA%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B4> (дата обращения: 21.12.2024).

²³ Легайдо В. Артур Галстон против агента «оранж»: как американский биолог боролся против экоцида во Вьетнаме и чем его история важна для современной биоэтики // Нож : [сайт]. – 18.09.2024. – URL: <https://knife.media/galston/> (дата обращения: 03.12.2025).

²⁴ Agent Orange последствия // Вьетнамский дом : [сайт]. – 10.07.2025. – URL: https://viet-house.ru/news/agent_orange/ (дата обращения: 26.02.2026).

пытаются нанести друг другу максимальный ущерб, жертвой которого становится окружающая природная среда.

Основным понятием в таких ситуациях является экологическая катастрофа. Однако, как показало исследование, это понятие отсутствует в российском законодательстве, хотя само словосочетание активно используется в нормативных актах различного уровня. Например, Уголовный кодекс Российской Федерации²⁵ (далее – УК РФ) упоминает это понятие дважды: в ч. 3 ст. 41 УК РФ при определении обоснованного риска и в ст. 358 (экоцид) УК РФ. Эта же дефиниция используется в ст. 28.3 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» для перечисления обстоятельств, исключающих дисциплинарную ответственность военнослужащих. Оно же нашло свое применение в п. 5 ч. 3 ст. 67 (проведение патолого-анатомических исследований) Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в ч. 2, 3 ст. 7 (пресечение террористических актов в воздушной среде) Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», в ст. 134 (очередность удовлетворения требований кредиторов) Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Наравне с этим понятием законодатель использует и другие, очень близкие к «экологической катастрофе», понятия. Так, в примечании к ст. 207.1 УК РФ «публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» законодатель использует несколько иное понятие: «чрезвычайная экологическая ситуация». В примечании к ст. 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) (злоупотребление свободой массовой информации) используется понятие «экологическая ситуация». Подобного рода примеры можно приводить и

²⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СПС КонсультантПлюс

далее, опускаясь на уровень подзаконных актов, но представляется, что для понимания проблемы этого достаточно.

Отсутствие легального определения экологической катастрофы в российском законодательстве затрудняет её понимание, доказывание признаков и привлечение виновных к ответственности. Учёные-правоведы давно указывают на необходимость решения этой проблемы и предлагают свои определения. Например, достаточно подробно этот вопрос прорабатывался С.В. Александровым²⁶, С.Г. Геворкян и И.С. Геворкян²⁷, А.И. Проскуряковым²⁸, А.Д. Тимофеевым²⁹, И.Р. Шикулой³⁰ и многими другими учеными. В научной литературе представлено множество подходов к определению экологической катастрофы, однако все они используют разную терминологию, выделяют несовпадающие признаки и предлагают противоречивые трактовки одного явления, которые мы здесь анализировать не будем, ограничившись лишь констатацией факта множественности этих точек зрения. Ситуация типична для всей понятийной сферы: «экологический кризис», «геоцид», «биоцид» и другие термины не имеют общепризнанного содержания, что препятствует формированию единой научной позиции.

Дополнительно ситуация осложняется наличием у словосочетания «экологическая катастрофа» множества аналогов: «экологическое бедствие», «стихийное бедствие», «техногенная катастрофа», «чрезвычайная ситуация» и др., которые активно используются в нормативных актах и в научной литературе, но не имеют четких определений. Между тем, специальная научная литература хорошо разделяет эти понятия, считая их

²⁶Александров С.В. Указ. соч.

²⁷Геворкян С.Г., Геворкян И.С. Экоцид как высшая форма антропогенной экологической катастрофы. К постановке проблемы // Электронное научное издание Альманах «Пространство и Время». – 2018. – Т. 16, № 3-4. – С. 1.

²⁸Проскуряков А.И. Экоцид в уголовном праве России: истоки зарождения, перспективы развития // Образование и право. – 2023. – № 6. – DOI 10.24412/2076-1503-2023-6-368-375.

²⁹Тимофеев А.Д. Указ. соч.

³⁰Шикула И.Р., Проскуряков А.И. Актуальные вопросы уголовно-правового регулирования экоцида // Вопросы российского и международного права. – 2024. – Т. 14, № 6-1. – С. 388–395.

неравнозначными как минимум по главному критерию: кризис приводит к изменению экосистемы, а катастрофа – к смене экосистемы.

Классифицируя экологические катастрофы по их масштабу, можно разделить их на локальные и глобальные. В первом случае происходит разрушение одной или нескольких экосистем. Во втором – это гипотетическая ситуация, возможная в результате превышения допустимой нагрузки на биосферу под влиянием внешних или внутренних факторов (например, «ядерная зима»)³¹.

Другая классификация – по источнику возникновения: природные (возникающие под воздействием сил природы) и антропогенные (возникающие в результате деятельности человека и его техногенного вмешательства в окружающую среду)³². В этом понимании деятельность человека – «человеческий фактор» – может выступать как спусковой механизм, приводящий к катастрофическим природным последствиям³³ как природного, так и антропогенного характера.

Таким образом, в условиях терминологического многообразия наиболее продуктивной стратегией представляется поиск общих элементов в понимании и правовом определении экологических угроз. В уголовном праве концептуальным и нормативным ядром для определения понятия экологической катастрофы являются нормы об экоциде и экологических преступлениях – именно они должны стать ключевым объектом научного анализа и основой для законодательного закрепления этого понятия в массиве уголовно-правовых норм.

Следует признать, что осознание существования экологических угроз в масштабах всего человечества одновременно привело и к переосмыслению

³¹ Экологическая катастрофа // Большая российская энциклопедия : [сайт]. – URL: <https://old.bigenc.ru/text/4941826> (дата обращения: 16.11.2025).

³² Болтыров В.Б. Экологические последствия природных и антропогенных катастроф // Известия УГГУ. – 2012. – № 27-28. – С. 80–85. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskie-posledstviya-prirodnih-i-antropogennyh-katastrof> (дата обращения: 16.11.2025).

³³ Тимофеев А.Д. Указ. соч.

структуры прав человека. Сейчас наука к неотъемлемым биологическим правам относит право на дыхание, на приемлемую температуру среды, на воду и пищу. В то же время оказались утраченными не менее фундаментальные экологические права: право на личную территорию, право на социальную значимость, право на внутреннюю гармонию. Эти права были утрачены до того, как люди осознали, что они существуют³⁴. Нельзя игнорировать и общепризнанные права человека, императив которых направлен на защиту интересов всего человечества. С этими выводами, безусловно, следует согласиться: концептуальные подходы к пониманию прав человека как на международном, так и на внутригосударственном уровне свидетельствуют о том, что сейчас биологические и экологические права человека находятся в тени личных, политических, экономических и иных прав. Такое положение не соответствует фундаментальной роли экологических прав в обеспечении жизни человека.

Например, Всеобщая декларация прав человека (ст. 3)³⁵, Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 6)³⁶ и Конституция РФ (ст. 20) открывают перечень прав и свобод правом на жизнь, содержание которого заключается в том, что никто не может быть умышленно лишен жизни³⁷. Биоэкологические права прослеживаются лишь фрагментарно: в праве на питание (ст. 25 Всеобщей декларации прав человека), на достаточный жизненный уровень и непрерывное улучшение

³⁴ Макарьева А.М., Горшков В.Г. Знакомьтесь, Homo sapiens – человек бесправный (о гуманитарной катастрофе вселенского масштаба) // Биотическая регуляция : [сайт]. – 14.02.2007. – URL: https://www.bioticregulation.ru/life/life3_r.php (дата обращения: 18.01.2026).

³⁵ Всеобщая декларация прав человека : [принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 20.05.2026).

³⁶ Международный пакт о гражданских и политических правах : [принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г.] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 20.05.2026).

³⁷ Матузов Н.И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов // Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 198–212.

условий жизни (ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах³⁸), в мероприятиях по гигиене среды и борьбе с болезнями (ст. 12 того же Пакта). В российском праве – это право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ней и возмещение ущерба (ст. 42 Конституции РФ), которое вместе с обязанностью сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (статья 58) выражает один из основных принципов правового регулирования отношений в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности – принцип приоритета публичных интересов³⁹.

Нельзя не признать, что за последние три десятилетия в Российской Федерации сформировалась обширная законодательная база в сфере экологии. Нормы, регулирующие охрану окружающей среды и ответственность за её нарушение, нашли отражение в таких ключевых правовых актах, как Гражданский и Земельный кодексы Российской Федерации, в Федеральном законе «Об охране окружающей среды», а также во множестве профильных законов, подзаконных актах и государственных программах.

Однако на фоне развития промышленности и военных технологий очевидно несоответствие места и содержания экологических прав их фундаментальной роли в обеспечении жизни человека. Это требует пересмотра и признания экологических прав неотъемлемыми (абсолютными), что не только повысит их статус, но и выдвинет на первый план остроту экологических угроз, нарушающих основные права человека.

³⁸ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах : [принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г.] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 20.05.2026).

³⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2009 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения подпункта "б" пункта 4 Постановления Правительства Российской Федерации "Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия" в связи с запросом Верховного Суда Республики Татарстан» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 22. – Ст. 2752.

Таким образом, очевидна серьёзная терминологическая проблема: ключевые понятия, описывающие экологические угрозы, существуют преимущественно в доктринальном и научном поле, но не в правовых конструкциях действующих правовых норм. Как следствие, отсутствие их легальных дефиниций в нормативных актах и чётких юридических критериев делает эти термины инструментами политической или научной дискуссии, но не эффективными правовыми средствами, порождая широкий простор для манипуляций, разночтений и множества интерпретаций. Именно этим во многом объясняется высокая латентность экологических преступлений и, в особенности, экоцида – деяния, которое посягает не на отдельные компоненты природы, а на саму основу существования человечества.

Представляется, что единственно разумной логикой на фоне выявленного многообразия взглядов и определений угроз окружающей среде будет являться поиск общих точек соприкосновения в вопросах понимания и нормативного определения этих угроз. В области уголовного права таким полем пересечения являются нормы об экоциде и об экологических преступлениях. Полагаем, что именно они должны быть объектом первостепенного и самого пристального научного анализа.

Следует отметить еще один важный для темы настоящей работы аспект: применительно к угрозам экологического порядка, кроме описанных выше, в научной литературе встречаются такие понятия, как «биодиверсия»⁴⁰, «биотерроризм»⁴¹, «экотаж»⁴² или даже «рыночный

⁴⁰Саранкина Ю.А. Биологический терроризм: понятие, сущность и основные направления противодействия // Крымский научный вестник. – 2016. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biologicheskiiy-terrorizm-ponyatie-suschnost-i-osnovnye-napravleniya-protivodeystviya> (дата обращения: 24.01.2026).

⁴¹Ткаченко Н.Н., Ищенко Д.П. К вопросу о понятии и мерах по борьбе с биологическим терроризмом // ЮП. – 2019. – № 4 (91). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-i-merah-po-borbe-s-biologicheskim-terrorizmom> (дата обращения: 23.01.2026).

⁴²Каратуева Е.Н. Проблемы классификации экологического терроризма // ПОЛИТЭКС. – 2021. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-klassifikatsii-ekologicheskogo-terrorizma> (дата обращения: 26.02.2026).

экоцид»⁴³. Однако авторы не могут ни определиться с этими понятиями и отграничением их от существующих, ни обосновать необходимость их введения в научно-правовой дискурс, что исключает возможность их оценки.

Отдельного упоминания и рассмотрения заслуживают понятия экологического терроризма, экологического экстремизма и биотерроризма.

Например, А.Р. Турова предлагает рассматривать экологический терроризм как системную организованную преступную деятельность, направленную против принципов международного права, основ конституционного строя и общества, осуществляемую через вредное воздействие на окружающую среду или опосредованно природные ресурсы и представляющую опасность для жизни и здоровья людей вследствие возможных или наступивших нарушений нормативов качества окружающей среды⁴⁴. Д.В. Муленков и Н.В. Филина полагают, что экологическим экстремизмом являются радикальные взгляды и действия отдельных групп, лиц, сообществ, борющихся за права животных и совершающих противоправные действия в отношении отдельных корпораций, организаций, предприятий, способствующих значительному ухудшению экологической ситуации⁴⁵.

Довольно сомнительно, на наш взгляд, охватывать понятием экологического терроризма деятельность экорадикалов, использующих неправомерные методы, но все же направленные на защиту окружающей среды, а не на причинение ей ущерба. Для этих целей есть иной термин – «экологический активизм (радикализм)». Его содержательные рамки

⁴³ Субетто А.И. Диктатура кажимости или симуляции в современных «демократиях» на фоне рыночного экоцида основ жизни человечества на Земле // Уровень жизни населения регионов России. – 2019. – Т. 15, № 3. – С. 82–93. – DOI 10.19181/1999-9836-2019-10075. – URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vcugjournal/article/view/6934> (дата обращения: 23.01.2026).

⁴⁴ Турская Е.Р., Козина А.А. Экологический терроризм как современная угроза человечеству // Бизнес. Образование. Право. – 2022. – № 3 (60). – С. 266–270. – DOI 10.25683/VOLBI.2022.60.379.

⁴⁵ Муленков Д.В., Филина Н.В. Понятие, формы и виды экстремизма // Журнал прикладных исследований. – 2023. – № 1. – С. 146–149. – DOI 10.47576/2712-7516_2023_1_146.

подвижны и дискуссионны, но тем не менее позволяют провести отграничение от экологического терроризма, что и делает значительное количество авторов, разделяя их, в первую очередь, по признаку направленности умысла⁴⁶.

Достаточно много научных работ посвящено биотерроризму⁴⁷. В основном авторы рассматривают биотерроризм как использование террористами различных бактериологических культур, в том числе бактерий, вирусов, токсинов и др., в целях возбуждения эпидемий и эпизоотии.

Например, анализ научных работ на тему биотерроризма показал, что биотерроризм практически единодушно рассматривается авторами как разновидность терроризма, а использование биологического оружия – как один из методов совершения терактов. Многие авторы отмечают его международный характер и указывают, что объектом этого преступления выступают мир и безопасность человечества⁴⁸, а сам биологический

⁴⁶ См.: Рыженков А.Я. Экологический терроризм как глобальная проблема современности // Legal Concept. – 2017. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskii-terrorizm-kak-globalnaya-problema-sovremennosti> (дата обращения: 24.01.2026); Логинова Л.В., Щепланова В.В. Феномен экологического активизма в перспективе социологического дискурса // Logos et Praxis. – 2021. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-ekologicheskogo-aktivizma-v-perspektive-sotsiologicheskogo-diskursa> (дата обращения: 25.01.2026); Гереп А.Э., Гереп С.А. Факторы эоактивизма в России // Петербургская социология сегодня. – 2018. – № 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-ekoaktivizma-v-rossii> (дата обращения: 25.01.2026); Ежов Д.А. К проблеме типологизации технологий экологического протеста // АНИ: экономика и управление. – 2019. – № 4 (29). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-tipologizatsii-tehnologiy-ekologicheskogo-protesta> (дата обращения: 25.01.2026); Гольбрайх В.Б. Экологический активизм: новые формы политического участия // Власть и элиты. – 2016. – Т. 3. – С. 98–120. – DOI 10.31119/pe.2016.3.4.

⁴⁷ См.: Кобец П.Н. Генезис опасной разновидности террористической угрозы - биологического терроризма и меры по его профилактике // Правопорядок: история, теория, практика. – 2021. – № 1 (28). – С. 72–78; Камалиева Л.А., Сейфетдинов М.Р. Проблемы уголовно-правового регулирования биотерроризма // Отечественная юриспруденция. – 2017. – № 4 (18). – С. 26–27; Бураева Л.А., Дадова З.И. Биологический терроризм: понятие, сущность, проявления // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – № 2. – С. 134–136; Шабельников М.П., Михайлов В.Г., Комратов А.В. и др. К вопросу о биотерроризме в современных условиях // Военно-медицинский журнал. – 2018. – Т. 339, № 1. – С. 24–29.

⁴⁸ Капитонова Е.А. Особенности ядерного и биологического терроризма как новых разновидностей террористического акта // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 1 (41). –

терроризм рассматривают как особую разновидность международного терроризма⁴⁹. Мировая история знает немало примеров использования болезнетворных бактерий и вирусов в военных целях: в 1346 г. во время осады Каффы войска Золотой Орды забросили в город тело умершего от чумы, вызвав эпидемию; в 1763 г. британские военные использовали зараженные оспой одеяла против индейцев племени делавар, отправка писем, зараженных сибирской язвой, американским чиновникам в сентябре 2001 г. и мн. др. Однако здесь возникает вопрос: если бактерии, вирусы и т. д. используются как оружие и из этого факта возникает понятие биотерроризма, то почему при использовании террористами тротила мы не говорим о тротилотерроризме, а при использовании бомб – бомботерроризме?

Следует отметить, что понятия экологического терроризма, экологического экстремизма и биотерроризма базируются на хорошо знакомых уголовному праву составах терроризма и экстремизма и тем самым в большей степени, чем все другие рассмотренные выше термины, претендуют на статус самостоятельных преступных деяний. Однако данная претензия видится абсолютно необоснованной поскольку авторы, предлагающие данные понятия для уголовно-правового определения экологических угроз, единодушно обходят стороной естественный вопрос о том, в чем их преимущества в сравнении с уже имеющимися в УК РФ составами преступлений экоцид (ст. 358 УК РФ), экологические преступления (гл. 26 УК РФ), терроризм (ст. 205 УК РФ), которая в своей части 3 устанавливает ответственность за терроризм, если он сопряжен с посягательством на ... потенциально опасные биологические объекты либо с использованием ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-yadernogo-i-biologicheskogo-terrorizma-kak-novyh-raznovidnostey-terroristicheskogo-akta> (дата обращения: 24.01.2026).

⁴⁹Симонова А.Е. Международно-правовые аспекты борьбы с биотерроризмом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. – Москва, 2007. – 26 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/mezhdunarodno-pravovye-aspekty-borby-s-bioterrorizmom> (дата обращения: 23.01.2026).

химических веществ или патогенных биологических агентов) и экстремизм (ст. 280 УК РФ).

Между тем в науке уголовного права неоднократно и справедливо подчеркивалось, что многие проблемы применения уголовного закона являются следствием не только его пробельности, но и избыточности норм. Последняя трактуется как включение в УК РФ таких составов преступлений, которые граничат с проступками⁵⁰, а также как появление в уголовном законе новых статей, по сути, лишних, дублирующих уже имеющиеся⁵¹. При этом в качестве примера второго варианта избыточной криминализации приводится ст. 159 УК РФ, разросшаяся в соответствии с Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» еще на шесть статей, предусматривающих ответственность за специальные виды мошенничества. При этом ст. 159.4 УК РФ, введенная в действие Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ с 11.12.2012 г., спустя менее чем 4 года была признана Федеральным законом от 03.07.2016 № 325-ФЗ утратившей силу с 12 июня 2015 г., поскольку Постановлением Конституционного суда Российской Федерации (далее КС РФ) от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» разъяснено, что ст. 159.4 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, нарушая принцип равенства, позволяла назначать разное

⁵⁰Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В.Н. Кудрявцева. – Москва : Городец, 2007.

⁵¹ Номоконов В.А. О криминогенности российской политики в сфере борьбы с преступностью // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10, № 3. – С. 438–446. – DOI 10.17150/2500-4255.2016.10(3).438-446.

наказание за сходные акты мошенничества в особо крупном размере, что противоречило Конституции РФ⁵².

Полагаем, что предложения включить в УК РФ составы экологического терроризма, экологического экстремизма и биотерроризма также можно рассматривать как одно из проявлений избыточной криминализации, которой не следует допускать.

Таким образом проведенный анализ соотношения экологических прав и экологических угроз обнаруживает два разнонаправленных, но взаимосвязанных аспекта.

Первый аспект заключается в том, что борьба за экологические права, осуществляемая в неправовых формах, может трансформироваться в правонарушения, в том числе преступного характера. Как отмечается в литературе, действия экорадикалов, направленные на защиту окружающей среды, но сопряженные с уничтожением имущества корпораций или блокированием инфраструктурных объектов, квалифицируются как экологический экстремизм или экологический терроризм.

Второй аспект состоит в том, что любые правонарушения (не только экологические) могут повлечь за собой экологические последствия и, как следствие, нарушение экологических прав человека. Например, нарушение правил обращения с опасными отходами (ст. 247 УК РФ) или нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ (ст. 216 УК РФ) может привести к загрязнению вод, почвы, атмосферы, что напрямую затрагивает право на благоприятную окружающую среду, закрепленное в ст. 42 Конституции РФ.

Учитывая изложенное со всей очевидностью, следует вывод что экоцид занимает особое место в этой системе, поскольку, в отличие от иных деяний, он:

⁵² ВС успокоил судей по вопросу применения утратившей силу статьи о бизнес-мошенничестве // Право.ru : [сайт]. – 31.07.2015. – URL: <https://pravo.ru/news/view/120724/> (дата обращения: 23.01.2026).

1. Посягает не на отдельные компоненты окружающей среды, а на экологическую безопасность как элемент безопасности человечества. Родовым объектом экоцида выступают мир и безопасность человечества, тогда как экологические преступления (гл. 26 УК РФ) направлены на охрану окружающей среды как таковой.

2. Характеризуется особым субъектом. В отличие от экологических преступлений, субъектом экоцида, как правило, выступают не рядовые граждане, а лица, обладающие властными полномочиями (высшее военное-политическое руководство, топ-менеджмент корпораций), что сближает его с преступлениями против мира и безопасности человечества.

3. Отличается масштабом последствий. Если экологические преступления могут иметь локальный характер, то экоцид способен вызвать экологическую катастрофу, последствия которой носят необратимый, трансграничный и долговременный характер.

4. Характеризуется специальной целью и умыслом. В отличие от терроризма (ст. 205 УК РФ) и экстремизма (ст. 280 УК РФ), где целью является дестабилизация деятельности органов власти или воздействие на принятие решений, при экоциде целью выступает массовое уничтожение компонентов природной среды.

Таким образом, отграничение экоцида от смежных составов (экологических преступлений, терроризма и экстремизма) должно проводиться по четырем ключевым критериям: родовому объекту, субъекту, масштабу последствий и цели деяния, что позволит максимально «высветить» его совершенно иную природу, угрожающую не отдельным компонентам природной среды на ограниченной территории, а представляющую глобальную угрозу миру и безопасности человечества.

В этой связи представляется необоснованным введение в научный оборот таких понятий, как «экологический терроризм», «экологический экстремизм» и «биотерроризм», поскольку их сторонники не могут ни определить их отличия от существующих составов, ни обосновать

необходимость их криминализации. Предложения о введении новых самостоятельных составов (экологический терроризм, экологический экстремизм, биотерроризм) при отсутствии убедительной аргументации следует рассматривать как пример именно такой избыточной криминализации, которой следует избегать.

Выводы:

Осознание зависимости человека от природы сформировалось еще в античности, однако правовые механизмы охраны окружающей среды возникли лишь в XIX–XX вв. под влиянием реальных экологических катастроф.

В российском законодательстве отсутствует легальное определение ключевых понятий – «экологическая катастрофа», «чрезвычайная экологическая ситуация», что создает терминологическую неопределенность и затрудняет правоприменение.

Биологические и экологические права человека (дыхание, вода, благоприятная среда) занимают подчиненное положение по отношению к личным и экономическим правам, что не соответствует их фундаментальной роли и требует законодательного пересмотра.

Соотношение экологических прав и экологических угроз обнаруживает двустороннюю связь: борьба за экологические права может приобретать формы правонарушений (экологический экстремизм, терроризм), а любые иные правонарушения способны повлечь экологические последствия и нарушение экологических прав. В этой системе экоцид занимает особое место: в отличие от всех остальных деяний, он посягает не на отдельные компоненты окружающей среды, а на безопасность человечества, совершается специальным субъектом (властные лица), отличается трансграничным и необратимым масштабом последствий, а также специальной целью — массовым уничтожением природы.

Экоцид принципиально отличается от экологических преступлений (гл. 26 УК РФ) по четырем критериям: родовому объекту (мир и безопасность

человечества), субъекту (лица с властными полномочиями), масштабу последствий и цели деяния. Предложения о введении составов «экологический терроризм», «биотерроризм» и т.д. являются избыточной криминализацией.

§ 1.2. Эволюция международно-правовых основ криминализации экоцида.

Изучение истории криминализации экоцида выявило две точки зрения на возникновение самой идеи установления ответственности за экоцид. Одни авторы (милитаристический подход) говорят о том, что экоцид является результатом или последствием военных действий и отмечают, что история войн – это история уничтожения природы и экологических катастроф⁵³. Другие, напротив, говорят об отсутствии жёсткой связи экоцида с войнами: экоцид возможен, скорее всего, в результате применения запрещенных средств и методов ведения войны, хотя в принципе не сводится к этому⁵⁴.

Представляется, что между двумя приведенными точками зрения нет противоречия: сегодня мировая история знает реальные примеры совершения актов экоцида как во время ведения военных действий, так и в мирное время.

Тем не менее, анализ международных документов и специальных научных трудов убеждает в том, что формирование корпуса правовых норм об экоциде все же началось как результат осознания государствами необходимости защиты окружающей природной среды в периоды войн и вооруженных конфликтов⁵⁵. Об этом свидетельствует и сама идея установления ответственности за экоцид тогда, когда войны стали угрожать

⁵³ См.: Герасимов А.Н., Зюзин С.Г., Соловьев А.И. География военных конфликтов современного мира и экологические последствия войны // Научная мысль. – 2021. – Т. 17, № 3-1 (41). – С. 40–49; Дятлова А.В. Экоцид как международное преступление // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 1А.

⁵⁴ Греченкова О.Ю. Указ. соч.

⁵⁵ См.: Малышев А.И., Пивоваров Ю.Ф., Хахалев В.Ю. Категории «война» и «вооружённый конфликт»: сходство и различие // Военная мысль. – 2022. – № 2. – С. 21–30; Казарин П.С. О соотношении понятий «война» и «вооруженный конфликт» // Вестник военного образования : [сайт]. – 12.11.2018. – URL: <https://vvo.ric.mil.ru/Stati/item/155699/> (дата обращения: 30.11.2025).

безопасности не отдельным регионам или странам, а охватили целые континенты и в военные действия оказались втянуты крупнейшие мировые державы.

Как известно, на последние десятилетия XIX в. пришлось завершение длительного периода развития капитализма классического образца, начатого буржуазными революциями XVII и XVIII вв. Огромное влияние на развитие хозяйственной жизни стали оказывать успехи, достигнутые наукой и техникой, стремительными темпами расширялось промышленное производство, менялась картина мира – на политическое лидерство стали претендовать США и Германия. Началась гонка вооружений. То и дело конкурирующие страны стояли на грани большой войны в результате напряжённости в Африке, на Дальнем Востоке или в других регионах⁵⁶.

К самому концу XIX в. Российская империя, которая так же, как и другие страны, была вынуждена участвовать в войнах и вооружённых конфликтах и тратила к тому времени значительную часть (около четверти своего бюджета) на военные цели, выступила инициатором проведения мирной конференции, которая собрала представителей 27 стран и прошла в Гааге с 9 (18) мая по 17 (29) июля 1899 г. Итогом стало заключение Конвенции 1899 г. «О мирном разрешении международных столкновений»⁵⁷, которая стала первым многосторонним договором в этой сфере и основой для последующих международных актов.

Вопросы сохранения окружающей среды в сферу действия этой конвенции не вошли, но страны-участницы договорились: «С целью предупредить по возможности обращение к силе в отношениях между

⁵⁶Фархутдинов И.З. Гаагские мирные конференции 1899 и 1907 гг. Кто развязал Первую мировую войну. Опыт доктринального исследования проблем формирования современной модели международных отношений в контексте развития международного права // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 4 (143). – URL: <https://eurasianlaw-journal.ru/gaagskie-mirnye-konferentsii-1899-i-1907-gg-kto-razvyazal-pervuyu-mirovuyu-voynu.html> (дата обращения: 04.12.2025).

⁵⁷Конвенция 1899 г. о мирном решении международных столкновений // Постоянная палата третейского суда : [сайт]. – URL: <https://docs.pca-cpa.org/2016/01/b01cad1e-1899-convention-for-the-pacific-resolution-of-international-disputes-russian-version.pdf> (дата обращения: 21.12.2025).

Государствами Подписавшиеся Державы соглашаются прилагать все свои усилия для того, чтобы обеспечить мирное разрешение международных разногласий» (ст. 1)⁵⁸. В качестве приложения к конвенции было принято «Положение о законах и обычаях сухопутной войны», в котором впервые было ограничено право воюющих сторон на выбор средств нанесения противнику вреда: стороны договорились запретить «бросание взрывчатых снарядов с аэростатов, употребление снарядов, единственной целью коих является распространение удушающих газов, пуль, взрывающихся в человеческом теле»⁵⁹.

Конференция не достигла всех поставленных на ней целей – не остановила гонку вооружений и не все страны её в результате ратифицировали. Однако главный результат был достигнут – был начат процесс определения правил ведения войны.

Вторая Гаагская конференция, созванная уже по инициативе США и прошедшая со 2 (15) июня по 5 (18) октября 1907 г., была более результативна: по итогам дискуссии во второй комиссии Гаагской конференции под председательством русского дипломата и юриста Ф.Ф. Мартенса⁶⁰ была принята Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны⁶¹, а также приложение к ней «Положение о законах и обычаях сухопутной войны». Принятие этой конвенции положило начало нормативному наполнению принципа мирного разрешения международных споров. Хотя она не исключала войну как средство, она ограничила право на её ведение, впервые запретив применение оружия, способного причинять

⁵⁸Саямов Ю.Н. О Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг. // РСМ. – 2017. – № 3 (96). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-gaagskih-konferentsiyah-1899-i-1907-gg> (дата обращения: 21.12.2025).

⁵⁹Гаагская мирная конференция 1899 года // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона : [сайт]. – URL: <https://www.vehi.net/brokgauz/all/024/24367.shtml> (дата обращения: 21.12.2025).

⁶⁰Фархутдинов И.З. Указ. соч.

⁶¹Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (рус., англ.) от 18 октября 1907 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901753259> (дата обращения: 04.12.2025).

излишние страдания (п. «д» ст. 23 Положения о законах и обычаях сухопутной войны).

Именно на этом принципе, сформулированном в 1907 г., на сегодняшний день строятся все международные договоры, конвенции, декларации и т. д., регулирующие вопросы воздействия на окружающую среду во время войн и вооруженных конфликтов.

Двадцатый век принёс новые экологические проблемы. Так, Первая мировая война, в которой участвовало 38 государств⁶², и ее катастрофические последствия не только для экономик, но и для экологии стран, оказавшихся втянутыми в эту войну, сподвигли международное сообщество на принятие международных договоров, регулирующих способы и методы ведения войн. Одним из основных таких международных договоров можно считать Женевский протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств, подписанный 17.06.1925 г. СССР присоединился к данному Протоколу, подписав Декларацию о присоединении Союза ССР 02.12.1927 г., грамота о ратификации сдана 05.04.1928 г. На сегодняшний день к протоколу присоединилось 146 стран⁶³.

Если в первой половине XX века международные экологические соглашения были редкостью – антропогенное воздействие ещё не достигло критических масштабов, то после окончания Второй мировой войны стало ясно, что она не только привела к уничтожению огромного количества людей, но и причинила огромный вред природе как среде существования человека, хотя на фоне человеческих потерь этот ущерб и не казался катастрофическим. Представляется, что именно этот аспект – потрясение от утраты миллионов жизней, разрушенная экономика, передел границ государств и изменение расстановки сил на мировой арене не позволил сразу

⁶²Малышев А.И. и др. Указ. соч.

⁶³ Базы данных по международному гуманитарному праву // ICRC : [сайт]. – URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/geneva-gas-prot-1925/state-parties> (дата обращения: 21.12.2025).

после войны в полной мере поднять вопрос об ущербе, нанесенном природе. Лишь к концу 60-х годов, после распыления военными США дефолиантов во время войны во Вьетнаме в 1961–1971 гг. и осознания последствий их применения (диоксин вызывал онкологию, разрушал иммунитет («химический СПИД») и крайне негативно сказывался на наследственности⁶⁴ американских, южнокорейских солдат и вьетнамского населения), мировая общественность вновь озаботилась необходимостью заключения международных соглашений, запрещающих причинение излишних страданий окружающей среде.

Не останавливаясь подробно на описании множества конференций и форумов на которых обсуждались вопросы необходимости охраны окружающей среды и актов, которые в результате не привели по разным причинам к ожидаемому результату, констатируем, что в настоящее время в науке уголовного права сложилось мнение, что основными международными актами, послужившими основанием для установления в национальных правовых системах ответственности за экоцид, являются пять международных соглашений:

1. Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду, принятая в 1976 году;
2. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г., принятый в 1977 году;
3. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых государств, принятый в 1996 году;
4. Римский статут, принятый в 1998 году;

⁶⁴ Животова П. 10 августа 1961 года американцы впервые применили химикат Agent Orange во Вьетнаме // Российское историческое общество : [сайт]. – 10.08.2022. – URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/10-avgusta-1961-goda-amerikantsy-vpervye-primenili-khimikat-agent-orange-vo-vetname.html> (дата обращения: 14.02.2026).

5. Директива (ЕС) 2024/1203 Европейского парламента и Совета от 11 апреля 2024 г. о защите окружающей среды посредством уголовного права, заменяющую директивы 2008/99/ЕС и 2009/123/ЕС.

Рассмотрим более подробно каждый из этих актов.

Безусловно, главное место среди международных документов, направленных на защиту природы от военных угроз, занимает Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (далее – Конвенция), принятая резолюцией 31/72 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1976 г. и открытая для подписания и ратификации 18 мая 1977 г. Конвенция вступила в силу 5 октября 1978 г. в соответствии с п. 3 ее статьи IX⁶⁵, ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16.05.1978 г. № 7538-IX и вступила в силу для СССР 05.10.1978 г. Срок действия соглашений Конвенции не ограничен, она является открытым документом, т. е. каждое государство имеет право в любое время самостоятельно к ней присоединиться. Российская Федерация является ее участником⁶⁶.

Конвенция предусматривает обязанность государств-участников не прибегать к военному или любому иному враждебному использованию средств воздействия на природную среду, «которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия, в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому другому государству-участнику» (ст. I). Одновременно государства-участники обязались «не помогать, не поощрять и не побуждать любое государство, группу государств или международную организацию к осуществлению деятельности, связанной

⁶⁵ Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду [рус., англ.] : [принята 10.12.1976 Резолюцией 31/72 Генеральной Ассамблеи ООН] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml (дата обращения: 30.11.2025).

⁶⁶ См.: Правовой департамент МИД России. Перечень многосторонних международных договоров Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multi_lateral_contract/51093/ (дата обращения: 21.12.2025).

с враждебным использованием средств воздействия на природную среду». Здесь же было дано определение понятия «средства воздействия на природную среду» – «любые средства для изменения – путем преднамеренного управления природными процессами – динамики, состава или структуры Земли, включая ее биоту, литосферу, гидросферу и атмосферу, или космического пространства» (ст. II).

Как видно из приведенного текста, «рамками анализируемой Конвенции охватывается экоцид, совершенный как в мирное, так и в военное время либо в период вооруженного конфликта»⁶⁷. Тем не менее несмотря на достаточную проработанность и определённую норм Конвенции, само слово «экоцид» в ней не упомянуто и как международное преступление экоцид не определен. Более того, в документе отсутствуют нормы, криминализирующие это деяние в международном праве или возлагающие обязанность криминализировать его в национальном праве государств – участников Конвенции. Следует отметить и то, что в Конвенции акцент сделан на причинение вреда другому государству-участнику, а не населению. Тем не менее это значимый для криминализации экоцида акт в силу многочисленности стран-участниц и заложенных в ее основу принципов.

Вторым по значимости с точки зрения исследования вопроса об основаниях установления в международном праве ответственности за экоцид, безусловно, следует назвать Дополнительный протокол от 8 июня 1977 г.⁶⁸ (далее – Протокол I, протокол) к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов. Протокол I был принят 8 июня 1977 г. на Дипломатической

⁶⁷ Коняхин В.П. Экоцид в контексте международного, зарубежного и российского уголовного права: сравнительно-правовой анализ // Реализация и защита экологических прав граждан : сборник материалов Всероссийской конференции по вопросам реализации и защиты экологических прав граждан, Самара, 19 октября 2017 года / под ред. А.Г. Безверхова, А.В. Юдина. – Самара : Вектор, 2018. – С. 66–73.

⁶⁸ Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся жертв международных вооруженных конфликтов от 08 июня 1977 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901755843> (дата обращения: 08.12.2025).

конференции по вопросу о подтверждении и развитии международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, проходившей с 17 марта по 10 июня 1977 г., созванной по инициативе правительства Швейцарии как государства – депозитария Женевских конвенций 1949 г. в Женеве⁶⁹. Это соглашение явилось результатом напряженных переговоров по военным, гуманитарным, политическим и юридическим вопросам⁷⁰. Протокол был ратифицирован Постановлением Верховного Совета СССР от 04.08.1989 № 330-1 «О ратификации Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) и Дополнительным протоколом к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II)»⁷¹.

Впоследствии Федеральным законом от 12.11.2019 № 368-ФЗ Российская Федерация, оставшись участником этого протокола, отказалась от признания компетенции Международной комиссии по установлению фактов, образованной в 1991 г. – постоянного органа, обеспечивающего применение и соблюдение международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов и расследующего заявления о серьезных нарушениях международного гуманитарного права⁷².

⁶⁹Батырь В.А. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов (Протокол I) // Большая российская энциклопедия : научно-образовательный портал. – URL: <https://bigenc.ru/c/i-dopolnitel-nyi-protokol-k-zhenevskim-konventsiiam-ot-12-avgusta-1949-403bc3/> (дата обращения: 28.12.2025).

⁷⁰Козирник Р. Протоколы 1977 г. – важный этап развития международного гуманитарного права // Международный журнал Красного Креста. – 1997. – № 320 (октябрь). – URL: <https://international-review.icrc.org/ru/articles/1977-protocols-landmark-development-international-humanitarian-law> (дата обращения: 28.12.2025).

⁷¹Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 августа 1989 года № 330-1 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901756534> (дата обращения: 08.12.2025).

⁷²Международная комиссия по установлению фактов // ICRC : [сайт]. – 2018. – URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/document/file_list/mezhdunarodnaya_komissiya_p_o_ustanovleniyu_faktov.pdf (дата обращения: 16.12.2025).

Важным для целей настоящего исследования является то, что Протокол I, определяя «методы и средства ведения войны» (часть III раздел I ст. 35 «Основные нормы»), отнес к ним запрет: 1) на неограниченный выбор сторонами, находящимися в конфликте, методов и средств ведения войны; 2) применять оружие, снаряды, вещества и методы ведения военных действий, способные причинить излишние повреждения или излишние страдания; 3) применять методы или средства ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде. Фактически данная статья подтвердила, конкретизировала и развила существующий в международном праве принцип, ограничивающий воюющих в выборе средств и методов ведения вооруженной борьбы и сформулированный в самом общем виде еще на Второй Гаагской конвенции 1907 г.⁷³ как запрет «употреблять оружие, снаряды или вещества, способные причинять излишние страдания» – п. «д» ст. 23 Положения о законах и обычаях сухопутной войны⁷⁴ Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г..

Помимо этого, статья 55 Протокола I ввела два ключевых положения: запрет на использование методов ведения войны, способных причинить обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде, угрожающий здоровью или выживанию населения, а также запрет на

⁷³См.: Чернявский С.И. Вторая Гаагская конференция мира 1907 года: взгляд через 110 лет // *Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств*. – 2017. – Т. 4, вып. 1. – URL: <http://ta.bsu.edu.ru/ru/archive/110> (дата обращения: 30.11.2025); Саямов Ю.Н. О Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг. // *Россия и современный мир*. – 2017. – № 3 (96). – С. 33–46; Фархутдинов И.З. Гаагские мирные конференции 1899 и 1907 гг. Кто развязал Первую мировую войну. Опыт доктринального исследования проблем формирования современной модели международных отношений в контексте развития международного права // *Евразийский юридический журнал*. – 2020. – № 4 (143). – URL: <https://eurasialaw-journal.ru/gaagskie-mirnye-konferentsii-1899-i-1907-gg-kto-razvyazal-pervuyu-mirovuyu-voynu.html> (дата обращения: 04.12.2025).

⁷⁴Положение о законах и обычаях сухопутной войны (Приложение к Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны) от 18 октября 1907 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901753259> (дата обращения: 16.12.2025).

репрессалии против природы. Статья 56 впервые на международном уровне защитила плотины, дамбы и АЭС — они и объекты рядом с ними не могут быть атакованы, если это грозит выбросом опасных сил.⁷⁵

Третьим актом, оказавшим влияние на установление в национальных системах стран постсоветского пространства ответственности за экоцид, стало принятие 17 февраля 1996 г. постановлением 7-5 на Седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств модельного Уголовного кодекса для государств – участников Содружества Независимых государств (далее – МУК СНГ) как рекомендательный законодательный акт Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств⁷⁶. Россия является одним из государств-основателей этого Содружества.

МУК СНГ состоит из XIII разделов, один из которых – VI – посвящён преступлениям против мира и безопасности человечества. В этот раздел включена ст. 108 «экоцид» – массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, вызвавших экологическую катастрофу.

На тот момент в состав СНГ входило 12 государств-участников: Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина, Грузия, из которых 9 стран включили экоцид, отнеся его к преступлениям против мира и

⁷⁵См.: Ибрагимов А.М., Самович Ю.В. Репрессалии в современном международном праве: понятие и возможные меры // СибСкрипт. – 2013. – № 4 (56). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/repressalii-v-sovremennom-mezhdunarodnom-prave-roputatie-i-vozmoznnye-meru> (дата обращения: 04.12.2025). (Репрессалии в международном праве относятся к санкционным мерам международно-правового принуждения (наряду с реторсиями и вооруженными самозащитными мерами). Они применяются в ответ на международное правонарушение и представляют собой действия, которые, если бы были совершены государством первым, считались бы международными правонарушениями.)

⁷⁶Модельный Уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств : [принят в г. Санкт-Петербурге 17.02.1996 Постановлением № 7–5 на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901914836> (дата обращения: 22.12.2025).

безопасности человечества, в свои уголовные законы: Россия в 1996 г., Казахстан и Кыргызстан в 1997 г., Таджикистан в 1998 г., Грузия в 1999 г., Украина в 2001 г., Молдова в 2002 г., Армения в 2003 г., Беларусь в 2003 г..

Грузия в 2008 г. и Украина в 2014 г. вышли из состава СНГ, Туркменистан, будучи страной-основателем, договор не ратифицировал.

Особого внимания заслуживает тот факт, что Российская Федерация была второй страной в мире, которая включила норму об экоциде в свое уголовное законодательство: ранее, в 1990 г. это сделала Социалистическая республика Вьетнам⁷⁷, пострадавшая от действий вооруженных сил США во время Вьетнамской войны.

Четвертым, международным договором, оказавшим наибольшее влияние на вопросы криминализации экоцида, стал Римский статут Международного уголовного суда⁷⁸, принятый на Дипломатической конференции полномочных представителей по учреждению Международного уголовного суда⁷⁹ (далее – МУС) в Риме 17 июля 1998 г. и вступивший в силу 1 июля 2002 г. (далее – Римский статут, Статут)⁸⁰. Россия подписала Статут 13 сентября 2000 г. Однако 16 ноября 2016 г. Россия отказалась становиться участником МУС⁸¹. Инициатором такого решения

⁷⁷ Вьетнам кодифицирует экоцид в своем внутреннем законодательстве // Ecocide Law : [сайт]. – URL: <https://ecocidelaw.com/history/> (дата обращения: 22.12.2025).

⁷⁸ Римский статут Международного уголовного суда [рус., англ.] : [принят в г. Риме 17.07.1998] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901750575> (дата обращения: 04.12.2025).

⁷⁹ Римский статут (Устав МУС) разрабатывался при участии России, Москва одной из первых подписала документ в сентябре 2000 года. Статут вступил в силу 1 июля 2002 года и начал действовать в 2003 году. 16 ноября 2016 г. было принято распоряжение Президента РФ № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда». Россия отозвала свою подпись под этим документом.

⁸⁰ Лазутин Л.А. Римский статут международного уголовного суда и конституция Российской Федерации: грани несоответствия // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2018. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rimskiy-statut-mezhdunarodnogo-ugolovnogo-suda-i-konstitutsiya-rossiyskoy-federatsii-grani-nesootvetstviya> (дата обращения: 30.11.2025).

⁸¹ Распоряжение Президента Российской Федерации от 16.11.2016 № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда» // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. –

выступил Минюст, его одобрили Верховный суд, Генпрокуратура, Следственный комитет, МИД и Президент России. Причиной выхода послужили национальные интересы России⁸².

Тем не менее данный правовой акт, хотя и не определяет, что такое «экоцид», и не устанавливает ответственность за его совершение, является очень близким к «экоциду», определяя эти действия как составную часть «военных преступлений»: «умышленное совершение нападения, когда известно, что такое нападение явится причиной случайной гибели или увечья гражданских лиц, или ущерба гражданским объектам, или обширного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей природной среде, который будет явно несоизмерим с конкретным и непосредственно ожидаемым общим военным превосходством» (ст. 8 п. «b» (iv) ч. 2), когда они совершены в рамках плана, или политики, или при крупномасштабном совершении таких преступлений (п. 1 ст. 8).

В отношении Римского статута следует отметить, что это международный договор с ограниченной юрисдикцией, распространяющийся только на международные вооружённые конфликты, и не распространяющийся на мирное время и внутригосударственные столкновения (гражданские войны), что существенно сужает сферу его применения. Тем не менее, будучи одним из самых многочисленных по числу участников (125 стран на май 2026 г.), он остаётся ключевым актом, заложившим правовые конструкции для привлечения к ответственности за вред, причинённый природе.

Пятым международным актом, являющимся значимым для международного права и национальных правовых систем стран Европы, стала Директива (ЕС) 2024/1203 Европейского парламента и Совета от 11

16.11.2016. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201611160018> (дата обращения: 09.12.2025).

⁸²Голобоков Н. Москва отказывается от международно-юридического наследия 90-х годов // Взгляд : [сайт]. – 16.11.2016. – URL: <https://vz.ru/politics/2016/11/16/844129.html> (дата обращения: 09.12.2025).

апреля 2024 г. о защите окружающей среды посредством уголовного права, заменяющая директивы 2008/99/ЕС и 2009/123/ЕС, и вступившая в силу 20 мая 2024 г.⁸³ (далее – Директива (ЕС) 2024/1203, Директива).

В соответствии с п. 21 Преамбулы и ст. 3(3) Директивы деяния, которые приводят к уничтожению или широкомасштабному и существенному ущербу экосистеме, среде обитания или качеству воздуха, почвы и воды, приравниваются к «действиям, сопоставимым с экоцидом», и должны наказываться более сурово – Директива определяет их как «квалифицированные преступления», выделяя в особую категорию противоправных деяний. Из всех принятых международных актов Директива наиболее близко подошла к определению экоцида, хотя, и не назвав его прямо «по имени», но описала что считает действиями сопоставимыми с экоцидом, и установила за них ответственность, хотя и не напрямую, а через имплементацию своих норм в национальные правовые системы стран-участниц. Еще одним из ключевых отличий Директивы от всех ранее принятых международных договоров является распространение ее действия на «мирное время» и определение четкого круга субъектов, подлежащих ответственности: физические и юридические лица.

Таким образом, из пяти международных договоров, так или иначе могущих быть основанием для привлечения к уголовной ответственности за экоцид, только в одном акте – МУК СНГ дано определение экоциду. Но, как видим, он не является актом прямого действия и носит исключительно рекомендательный характер. Более того, не все страны-участницы СНГ имплементировали нормы об экоциде в свое уголовное законодательство: Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан так и не установили уголовную ответственность за экоцид.

⁸³Директива (ЕС) 2024/1203 Европейского парламента и Совета от 11 апреля 2024 г. о защите окружающей среды посредством уголовного права, заменяющая директивы 2008/99/ЕС и 2009/123/ЕС // Официальный журнал Европейского союза. – 30.04.2024. – L 2024/1203. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/1203/oj> (дата обращения: 02.01.2026).

Директива (ЕС) 2024/1203 так же, как и МУК СНГ, является актом, который может действовать только через национальные системы права, очень близко подошла к установлению ответственности за экоцид, но все же ограничилась не им, а «действиями, сопоставимыми с экоцидом» и рекомендациями по назначению наказания.

В Римском статуте понятие экоцид отсутствует, но установлена ответственность за вред, причиненный окружающей среде, как за составную часть военного преступления. При этом крупнейшие мировые державы, например Россия, США, Индия, Китай и некоторые другие влиятельные страны не являются его участниками и не поддерживают его идеи, что делает его применение практически невозможным.

Конвенция и Протокол I вообще оперируют понятиями, обозначающими либо последствия («широкие, долгосрочные или серьезные последствия», «обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде»), либо средства и методы ведения военных действий, которые обычно считаются характерными для преступления экоцида («применение оружия, снарядов, веществ и методов ведения военных действий, способных причинить излишние повреждения или излишние страдания», в частности «нападение на установки и сооружения, содержащие опасные силы» и др.).

В результате на сегодняшний день в международном праве нет ни одного правового акта или соглашения, напрямую криминализирующего экоцид. Вместе с тем, в перспективе, очевидно достаточно отдаленной в силу существующей на сегодняшний день на международной арене обстановки, признание экоцида международным преступлением может рассматриваться как та самая «наивысшая цель», к которой следует стремиться мировому сообществу.

Безусловно, перечисленными договорами круг международных актов не исчерпывается – существует еще более трёхсот соглашений ⁸⁴ ,

⁸⁴Дворецкий М.Ю., Краснослободцева Н.В. Реализация международно-правовых норм в главе 26 УК РФ «Экологические преступления» // Вестник Тамбовского университета.

регулирующих вопросы запрета на определенные средства ведения войны, охрану окружающей среды либо смежные преступления (геноцид, терроризм, экологические преступления).

Ярким примером такого соглашения является Конвенция о предупреждении преступления геноцида, единогласно принятая резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г.⁸⁵ и вступившая в силу 12 января 1951 г. По состоянию на февраль 2025 г. она является одним из самых многочисленных международных соглашений по количеству участников – 153 государства. Некоторые исследователи, например С.Г. Геворкян и И.С. Геворкян, высказывают точку зрения, что экоцид может быть инструментом геноцида⁸⁶ и обосновывают её событиями Тридцатилетней, Первой и Второй мировых войн, Малайской войны 1948–1960 гг., в ходе которой британская армия впервые применила гербициды и дефолианты в военных целях, Боснийской войны 1992–1995 гг. и другими историческими примерами. Данный вопрос активно обсуждается в науке уже много лет и является крайне интересным. Не анализируя подробно эту точку зрения, отметим лишь тот факт, что рассмотрение экоцида через геноцид следует признать неприемлемым, поскольку это приводит к искажению сущности геноцида – неправомерная и чрезмерная эксплуатация природной среды и её загрязнение все же не являются тем же, что и геноцид.

Другими наиболее значимыми международными актами с точки зрения криминализации экоцида являются:

1. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их

Серия: Политические науки и право. – 2016. – № 1 (5). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/implementatsiya-mezhdunarodno-pravovyh-norm-v-glave-26-uk-rf-ekologicheskie-prestupleniya> (дата обращения: 26.11.2025).

⁸⁵ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multi_lateral_contract/51424/ (дата обращения: 02.12.2025).

⁸⁶ Геворкян С.Г., Геворкян И.С. Указ. соч.

уничтожении (КБТО)⁸⁷ (по состоянию на декабрь 2022 г. – 184 участника). Депозитарии – Россия, США и Великобритания⁸⁸:

2. Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении⁸⁹;

3. Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (далее – Конвенция о «негуманном» оружии или КНО). В настоящее время в КНО участвуют 125 государств⁹⁰.

Нельзя оставить без внимания и многочисленную группу международных договоров, устанавливающих общий запрет на причинение ущерба природе или ее отдельным компонентам. Так, по некоторым оценкам между различными участниками на глобальном и региональных уровнях заключено более 3000 международных договоров и соглашений⁹¹ по

⁸⁷ Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml (дата обращения: 30.11.2025).

⁸⁸ Конвенция о запрещении биологического и токсинного оружия (справка) // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. – URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1856465&lang=ru> (дата обращения: 30.11.2025).

⁸⁹ Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении : [принята 13.01.1993 в Париже] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/chemweapons.shtml (дата обращения: 30.11.2025).

⁹⁰ Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие [рус., англ.] : [принята 10.04.1981] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/conweapons.pdf (дата обращения: 30.11.2025).

⁹¹ Анисимов В.П. Проблемы современного международного экологического права и способы их решения // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2010. – № 4 (47). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sovremennogo-mezhdunarodnogo-ekologicheskogo-prava-i-sposoby-ih-resheniya-1> (дата обращения: 26.02.2026).

различным аспектам охраны окружающей среды⁹². Список из 50 международных соглашений, нацеленных на защиту окружающей среды и принятых в период с 1958 по 2015 г., размещён на сайте ООН в разделах «Конвенции» и «Окружающая среда». В том числе он включает 50 документов, принятых в период с 1958 по 2015 г.⁹³, из которых Россия участвует в 35 многосторонних и двусторонних договорах и соглашениях⁹⁴.

Наиболее значимой из этой категории договоров, безусловно является Стокгольмская декларация ООН 1972 г., в которой впервые на столь высоком уровне было закреплено право человека на «свободу, равенство и адекватные условия жизни в окружающей среде». Для настоящей работы наиболее важное значение имеют закрепленные в ней принципы № 11 и № 26 – о преодолении экономических последствий природоохранных мер и о недопустимости применения оружия массового уничтожения.

Другими значимыми актами из этой категории договоров являются Всемирная хартия природы, принятая резолюцией 37/7 Генеральной Ассамблеи от 28 октября 1982 г.⁹⁵, поддерживаемая всеми государствами-членами ООН, и «Повестка дня на XXI век», принятая на Конференции ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро 3–14 июня 1992 г.⁹⁶

⁹² Гаврилова Ю.А. К вопросу о классификации норм и источников международного экологического права // Вестник КАСУ. – 2009. – № 4. – URL: <https://www.vestnik-kafu.info/journal/20/831/> (дата обращения: 30.11.2025).

⁹³ Окружающая среда : раздел официального сайта ООН с документами // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_environment.shtml (дата обращения: 02.12.2025).

⁹⁴ Международные соглашения : раздел официального сайта Министерства природных ресурсов и экологии РФ // Минприроды России : [сайт]. – URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/international_agreements/ (дата обращения: 02.12.2025).

⁹⁵ Всемирная хартия природы : [принята 28.10.1982 Резолюцией 37/7 Генеральной Ассамблеи ООН] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/charter_for_nature.shtml (дата обращения: 02.12.2025).

⁹⁶ Глава 1. Преамбула : Повестка дня на XXI век : [принята на Конференции ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г.] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. –

представителями 179 государств и являющаяся программным документом, направленным на достижение двух целей – высокого качества окружающей среды и здоровой экономики для всех народов мира⁹⁷.

Несмотря на то, что в течение полутора десятилетий после принятия Конвенции в 1976 году и Дополнительного протокола I в 1977 году

международное сообщество неоднократно предпринимало попытки признать экоцид самостоятельным преступлением, однако значимых результатов достигнуто не было. Однако сама идея криминализации массового уничтожения окружающей среды получила свое развитие в национальных системах некоторых стран.

Так, например, Социалистическая Республика Вьетнам включила в свой Уголовный кодекс ст. 278⁹⁸: «Те, кто в мирное или военное время совершает акты массового уничтожения населения на определенной территории, уничтожает источники его существования, подрывает культурную и духовную жизнь страны, разрушает основы общества с целью его подрыва, а также другие акты геноцида, экоцида или уничтожения природной среды, наказываются лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет, пожизненным заключением или смертной казнью».

Спустя шесть лет ответственность за экоцид в свой Уголовный кодекс включила Россия, в 1997 г. – Казахстан и Кыргызстан. В последующем это сделали еще 5 стран: Грузия (1999), Украина (2001), Молдова (2002), Армения (2003), Беларусь (2003) в той или иной мере сформулировав ее по модели, предложенной МУК СНГ.

URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21_intro.shtml (дата обращения: 02.12.2025).

⁹⁷ Миннекаева Д.Р. «Повестка дня на XXI век – путь к устойчивому развитию». Теоретические основы перспективной программы Организации Объединенных Наций // Вестник ТИСБИ. – 2003. – № 4. – URL: <https://web.archive.org/web/20141011105514/http://old.tisbi.org/science/vestnik/2003/issue4/U3.html> (дата обращения: 07.12.2025).

⁹⁸ Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник. Вьетнам, Социалистическая Республика Вьетнам // Юридический портал LAW.NIV.RU. – URL: <https://law.niv.ru/doc/dictionary/legal-systems-of-countries/articles/35/vietnam-socialisticheskaya-respublika.htm> (дата обращения: 29.12.2025).

Таким образом, к концу XX – началу XXI в. в национальных правовых системах некоторых государств не только был признан факт его глобальной опасности, но и сформировалось в общих чертах понятие экоцида как преступления, угрожающего миру и безопасности человечества.

Примечательно, что реальные шаги по криминализации экоцида в указанный период были предприняты лишь Вьетнамом и государствами – участниками СНГ. Остальные государства, несмотря на активное участие в международных дискуссиях и поддержку самой идеи, не спешили с ее законодательной реализацией. Так, во Франции уголовная ответственность за экоцид была введена только в 2021 году, в Чили – в 2023 году, в Бельгии – в 2024 году.

Приведённый обзор истории развития международных норм, регулирующих различные аспекты защиты окружающей среды, ставит вопрос о том, допустимо ли применять их положения к экоциду как уголовному преступлению и рассматривать в качестве источников формирования правового представления об этом преступном деянии.

Думается, что ответ на данный вопрос должен учитывать имеющиеся научные подходы: большинство ученых (Г.Н. Александров⁹⁹, М.И. Веревичева¹⁰⁰, О.Ю. Греченкова¹⁰¹, М.Д. Давитадзе¹⁰², Ю.А. Иванова, Н.С. Кириченко, А.К. Князькина¹⁰³, А.С. Ращенко¹⁰⁴, Н.Д. Эриашвили),

⁹⁹Кириченко Н.С., Александрова Н.Г. Понятие и сущность военного экоцида // Военное право. – 2024. – № 5 (87). – С. 128–132.

¹⁰⁰Веревичева М.И. К вопросу об уголовной ответственности за экоцид // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2010. – № 2 (8). – С. 64–66.

¹⁰¹Греченкова О.Ю. Указ. соч. С.

¹⁰²Давитадзе М.Д. Экоцид как преступление против безопасности человечества // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 7. – С. 85–89.

¹⁰³Князькина А.К. Международный договор как основа УК РФ // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.) : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Краснодар, 28–29 июня 2021 года / отв. ред. В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2021. – С. 384–394.

¹⁰⁴Эриашвили Н.Д., Иванова Ю.А., Ращенко А.С. К вопросу об ответственности за нарушение международно-правовых норм по охране окружающей среды // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 1. –

специально исследовавших проблемы экоцида, считают нормы международного права важной составляющей ее формирования, опираются на них и уделяют им самое пристальное внимание. Можно заключить, что такие ученые «голосуют» по рассматриваемому вопросу содержанием своих трудов и учитывают не только формальные данные, связанные с терминологией, но и смысловое значение международных актов. Жизненно необходимо достичь баланса между использованием природных ресурсов и охраной окружающей среды, и право, как самый действенный вид социальной регуляции, не может и не должно оставаться в стороне от решения этой важной для всего человечества задачи, выступая одним из обязательных факторов устойчивого развития¹⁰⁵. В полной мере это относится и к международному уголовному праву, которое призвано обеспечить защиту окружающей среды от наиболее опасных посягательств, включая экоцид.

Представляется, что изложенный исторический материал со всей очевидностью показал, что применительно к экоциду на сегодняшний день отсутствует специальное международное соглашение, посвященное данному преступлению. Вместе с тем комплексный анализ всех упомянутых в настоящей работе международных актов позволяет с уверенностью сделать вывод о том, что появление ст. 358 в принятом в 1996 г. УК РФ не было случайным – это результат позиции России, которая внесла значительный вклад в закрепление идеи о необходимости защиты окружающей среды в период проведения военных действий еще при заключении Первой Гаагской конвенции в 1899 г., приложившей значительные усилия к разработке и подписанию II Гаагской конвенции в 1907 г., участвовавшей в принятии

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otvetstvennosti-za-narushenie-mezhdunarodno-pravovyh-norm-po-ohrane-okruzhayuschey-sredy> (дата обращения: 26.02.2026).

¹⁰⁵ Хабриева Т.Я. Право и экология: цели и механизмы взаимодействия // Право и экология : материалы VIII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 23–24 мая 2013 г.) / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.А. Боголюбов. — М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2024. — С. 28.

Конвенции 1976 г., Протоколе I, Римском статуте, Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении, Конвенции по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов¹⁰⁶, Венской конвенции об охране озонового слоя¹⁰⁷, Конвенции о биологическом разнообразии¹⁰⁸ и многих других международных соглашениях.

Выводы:

Эволюция международно-правового регулирования ответственности за экоцид прошла несколько этапов. Начало было положено принятием Конвенции о запрещении военного воздействия на природную среду (1976 г.) и Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям (1977 г.), которые установили запрет на применение средств и методов ведения войны, способных причинить обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде. Однако эти акты не ввели понятия «экоцид» и не установили самостоятельной уголовной ответственности за его совершение, ограничившись декларативными запретами.

Реальные шаги по криминализации экоцида были предприняты на национальном уровне лишь некоторыми странами: Социалистической Республикой Вьетнам в 1990 году и девятью государствами постсоветского пространства (Россия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Грузия, Украина, Молдова, Армения, Беларусь), которые включили экоцид в свои уголовные кодексы и установили ответственность за его совершение.

¹⁰⁶ Конвенция по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов : [принята 29.12.1972] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dumping.shtml (дата обращения: 02.12.2025).

¹⁰⁷ Международные договоры и соглашения с участием Минприроды России : раздел официального сайта // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации : [сайт]. – URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/international_agreements/ (дата обращения: 02.12.2025).

¹⁰⁸ Конвенция о биологическом разнообразии // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multi_lateral_contract/50830/ (дата обращения: 02.12.2025).

Россия, криминализовав экоцид одной из первых (1996 г.) и активно участвуя в разработке ключевых международных соглашений – от Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. до Римского статута, – внесла значительный вклад в формирование международно-правовых основ противодействия этому преступлению против мира и безопасности человечества.

Анализ Римского статута Международного уголовного суда показал, что, несмотря на включение в него ответственности за ущерб окружающей среде как составной части военных преступлений (ст. 8(2)(b)(iv)), экоцид не признан самостоятельным международным преступлением. Крупнейшие мировые державы (Россия, США, Китай, Индия) не являются участниками Римского статута, что существенно ограничивает его применение и делает его широкое применение маловероятным.

Принятая в 2024 г. Директива (ЕС) 2024/1203, хотя и ввела понятие «действия, сопоставимые с экоцидом», также не установила уголовной ответственности за экоцид, оставив имплементацию ее норм на усмотрение государств-членов.

§ 1.3. Международно-правовые инициативы по признанию экоцида преступлением в рамках МУС: история, современное состояние и перспективы.

Знаковым для идеи криминализации экоцида в международном праве стал 1998 год: был принят один из самых многочисленных по числу стран-участниц международный договор, устанавливающий ответственность за международные уголовные преступления: Римский статут. Именно в этом документе впервые на наднациональном уровне была закреплена ответственность за причинение обширного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей природной среде в период вооруженных конфликтов.

Однако как справедливо отмечается в доктрине международного уголовного права, «экоцид до сих пор не признан самостоятельным международным преступлением». Римский статут ограничил юрисдикцию Международного уголовного суда (МУС) четырьмя составами: геноцид,

преступления против человечности, военные преступления и агрессия (ст. 5). Ущерб окружающей среде рассматривается лишь как квалифицирующий признак военного преступления (ст. 8(2)(b)(iv)), что, по мнению большинства исследователей, недостаточно для эффективной охраны природы от наиболее опасных посягательств.

В связи с этим на протяжении всей деятельности МУС не прекращаются дискуссии о необходимости признания экоцида пятым международным преступлением и включения соответствующей поправки в Римский статут. В настоящем параграфе будут проанализированы правовые основы Римского статута применительно к экоциду, рассмотрены инициативы по его криминализации (включая проект поправки 2021 г. и Политику МУС 2024/2025 г.), а также оценены перспективы признания экоцида международным преступлением в обозримом будущем. Особое внимание будет уделено позиции России, которая, подписав Римский статут в 2000 г., впоследствии отказалась от его ратификации, а также анализу причин, препятствующих включению экоцида в юрисдикцию МУС.

Как известно, на своей 52-й сессии Генеральная Ассамблея ООН постановила созвать в 1998 г. под эгидой ООН Дипломатическую конференцию в Риме. 17 июля 1998 г. был подписан Римский статут Международного уголовного суда ¹⁰⁹.

МУС начал свою работу в Гааге 1 июля 2002 года и стал первым постоянным международным органом уголовного правосудия, созданным на основе договора между государствами. В разработке правовой основы для Римского статута приняли участие 160 государств. Однако последующие этапы (голосование, подписание и ратификация) выявили серьезные расхождения в позициях ведущих мировых держав и разную точку зрения на многие его положения. В результате «за» принятие Статута проголосовали 120 государств; «против» проголосовали 7 государств: США, Израиль,

¹⁰⁹Международный уголовный суд. Исторический обзор // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – URL: <http://www.un.org/ru/law/icc/overview.shtml> (дата обращения: 29.12.2025).

Китай, Ирак, Катар, Ливия и Йемен; «воздержалось» 21 государство, в том числе Индия, Россия и Саудовская Аравия.

Суд имеет статус независимой международной организации и не является частью структуры ООН. Он располагается в Гааге (Нидерланды). Расходы суда финансируются за счёт его государств-участников, а также добровольных взносов от правительств, международных организаций, частных лиц, корпораций и других субъектов.

Российская Федерация неоднократно демонстрировала свое позитивное отношение к созданию МУС, активно участвуя в работе Подготовительного комитета и Подготовительной комиссии для Международного уголовного суда, а также дипломатической конференции в Риме¹¹⁰ и стала одной из первых стран, подписавших Римский статут (13 сентября 2000 г.). Однако в дальнейшем Россия не ратифицировала это соглашение и в 2016 году вовсе отказалась от участия в нем поскольку суд «не оправдал возложенных на него надежд и не стал «подлинно независимым, авторитетным органом международного правосудия»¹¹¹.

США, ранее подписавшие Римский статут, 6 мая 2002 г. официально отозвали свою подпись и сообщили, что не намерены ратифицировать соглашение. Основной причиной отказа от ратификации была названа обеспокоенность тем, что расследования могут быть начаты против американских военнослужащих, принимавших участие, в частности, в операциях в Ираке (2003–2010) и в Афганистане (2001–2014). Более того, 6 февраля 2025 г. Президент США подписал указ о финансовых санкциях против Международного уголовного суда, поскольку, по мнению США МУС

¹¹⁰Лазутин Л.А. Указ. соч.

¹¹¹Заявление МИД России от 16.11.2016 // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1538221/ (дата обращения: 01.01.2026).

«совершил незаконные и необоснованные действия», направленные против США и Израиля¹¹².

Некоторые страны принципиально возражают против самой идеи МУС как ограничивающей суверенитет государств и дающей неопределённо широкие полномочия суду. Среди этих стран – Россия, США, Китая, Индия, Израиль, Иран, Турция, Малайзия, Индонезия и почти всех государства Арабского Востока. Таким образом, МУС не является безусловно признанным авторитетным судом в мире – состав его сторонников постоянно меняется. Например, в 2017 г. из его состава вышла Республика Бурунди, в 2019 году покинули Филиппины¹¹³, при этом с 1 января 2025 г. его участницей стала Украина. Но в этом же году намерение о выходе из-под юрисдикции МУС высказала Венгрия¹¹⁴. Тем не менее Римский статут является одним из самых многочисленных международных договоров – по состоянию на январь 2026 г. у него 125 стран-участниц¹¹⁵.

Оставив за рамками политическую сторону деятельности МУС, разберем с точки зрения права его попытки признать экоцид пятым международным преступлением.

Согласно ст. 1 и 5 Статута юрисдикция суда ограничивается четырьмя составами: геноцид, преступления против человечности, военные преступления, преступление агрессии¹¹⁶.

При принятии Статута в 1998 году ответственность за уничтожение окружающей среды была установлена как составная часть военного

¹¹² Трамп ввел санкции против МУС // РБК : [сайт]. – 07.02.2025. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/02/2025/67a538389a79470b867ba00a> (дата обращения: 03.02.2026).

¹¹³ Что известно о Римском статуте Международного уголовного суда // ТАСС : [сайт]. – 03.10.2023. – URL: <https://tass.ru/info/18901013> (дата обращения: 02.02.2026).

¹¹⁴ Парламент Венгрии проголосовал за выход из МУС // РБК : [сайт]. – 29.04.2025. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/04/2025/6810b06d9a79473e00768355> (дата обращения: 01.01.2026).

¹¹⁵ Государства – участники Римского статута // Assembly of States Parties to the Rome Statute : [сайт]. – URL: <https://asp.icc-cpi.int/states-parties> (дата обращения: 02.01.2026).

¹¹⁶ Римский статут Международного уголовного суда : [принят в г. Риме 17.07.1998] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – URL: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 05.01.2026).

преступления пп. b) п. iv) ст. 8 Статута и сформулирована как «серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в международных вооруженных конфликтах в установленных рамках международного права, в том числе умышленное совершение нападения, когда известно, что такое нападение явится причиной обширного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей природной среде, который будет явно несоизмерим с конкретным и непосредственно ожидаемым общим военным превосходством». Эта формулировка остаётся пока неизменной.

Таким образом, здесь следует выделить 5 принципиально важных для настоящего исследования моментов:

- 1) суд обладает юрисдикцией только в отношении физических лиц, которые несут индивидуальную ответственность (ст. 25);
- 2) причинение ущерба окружающей среде включено в состав военных преступлений, совершенных в период вооруженных конфликтов (ст. 8);
- 3) Статут распространяет свое действие только на международные вооруженные конфликты, но не внутригосударственные столкновения (преамбула, ст. 5);
- 4) причинение ущерба окружающей среде не является самостоятельным преступлением и рассматривается как последствие вооружённого нападения (ст. 5);
- 5) обязательным является прямой умысел нападающей стороны, совершенный «намеренно и сознательно» (ст. 30).

На протяжении всего периода деятельности МУС идеи самостоятельной криминализации экоцида неоднократно становились предметом обсуждения. Например, в ходе обсуждений в 2010–2011 гг. многие государства –участники выразили скептицизм и противодействие этой идее в связи с отсутствием четкого и общепризнанного определения экоцида. Результатом этих обсуждений стала попытка разработать понятие экоцида, максимально удовлетворяющего всех: 15 сентября 2016 г. прокурор

Международного уголовного суда Фату Бенсуда опубликовал программный документ по вопросам политики отбора дел и определения приоритетов, согласно положениям которого суд расширяет сферу своей деятельности за счет новых областей, что может означать осуществление уголовного преследования, в том числе по случаям разрушения окружающей среды¹¹⁷. В результате эта инициатива не была принята целым рядом государств и дальнейшего развития не получила: ни новых документов, ни практических шагов со стороны Офиса Прокурора не последовало. Однако, впервые в истории Суда было дано явное указание на готовность прокурора расследовать ущерб окружающей среде¹¹⁸.

Этого программного документа оказалось недостаточно для преодоления проблемы – очевидно, что юрисдикция суда может быть расширена только путём внесения поправок в Устав МУС¹¹⁹.

Следующая активная фаза началась в 2020 году когда международный экологический фонд «Стоп экоцид» (Stop Ecocide), который длительное время сотрудничает с МУС и имеет своих сторонников среди публичных личностей мирового уровня (Антонио Гуттериеш – Генеральный секретарь ООН, папа Франциск – епископ Рима и глава католической церкви, Пол Маккартни и т. д.)¹²⁰ и в правительствах многих стран, создал Независимую экспертную группу, в состав которой вошли 12 международных членов, имеющих опыт в уголовном, экологическом и климатическом праве. Перед группой была поставлена задача разработки правового термина «экоцид»,

¹¹⁷Международный уголовный суд: что впереди? // Российский совет по международным делам : [сайт]. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnyy-ugolovnyy-sud-chno-vpered/> (дата обращения: 06.01.2026).

¹¹⁸Minkova L.G. The Fifth International Crime: Reflections on the Definition of “Ecocide” // Journal of Genocide Research. – 2023. – Vol. 25, No. 1. – P. 62–83. – DOI: 10.1080/14623528.2021.1964688.

¹¹⁹Pereira R. A Critical Evaluation of the New EU Environmental Crime Directive 2024/1203 // eucrim. – 2024. – URL: <https://doi.org/10.30709/eucrim-2024-012> (дата обращения: 04.02.2026).

¹²⁰ Notable Supporters // Stop Ecocide International : [сайт]. – URL: <https://www.stopecocide.earth/notable-supporters> (дата обращения: 05.01.2026).

который дал бы четкое, юридически безупречное и консенсусное определение экоцида, пригодное для включения в Римский статут МУС. Итогом ее работы стала подготовка в июне 2021 г. проекта поправки к Римскому статуту для включения преступления «экоцид» в качестве пятого международного преступления¹²¹ – предложено дополнить Римский статут статьей 8 с литерой «ter» и сформулировать состав экоцида как «противоправные или безрассудные действия, совершаемые с осознанием того, что существует существенная вероятность причинения серьезного и широкомасштабного или долгосрочного ущерба окружающей среде этими действиями»¹²². Для этих целей предложено определить следующие признаки:

- «безрассудный» означает безрассудное пренебрежение ущербом, который явно будет чрезмерным по отношению к ожидаемым социальным и экономическим выгодам;

- «серьезный» означает ущерб, который влечет за собой очень серьезные неблагоприятные изменения, нарушения или вред любому элементу окружающей среды, включая серьезное воздействие на жизнь людей или природные, культурные или экономические ресурсы;

- «широкомасштабный» означает ущерб, который выходит за пределы ограниченной географической области, пересекает границы штатов или затрагивает целую экосистему, вид или большое количество людей;

- «долгосрочный» означает ущерб, который необратим или который не может быть устранен естественным путем в течение разумного периода времени;

¹²¹Ересь Ю. Экоцид может стать пятым международным преступлением // РБК Тренды : [сайт]. – 30.06.2021. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/60dc37359a7947d3b07ff119> (дата обращения: 01.01.2026).

¹²²June 2021: historic moment as Independent Expert Panel launches definition of ecocide // Stop Ecocide International : [сайт]. – URL: <https://www.stopecocide.earth/legal-definition> (дата обращения: 01.01.2026).

– под «окружающей средой» следует понимать Землю, ее биосферу, криосферу, литосферу, гидросферу и атмосферу, а также космическое пространство.

Эта инициатива широко обсуждалась среди ученых, которые высказали ряд критических замечаний в ее адрес. В частности, было указано на два ее главных недостатка, которые могут помешать эффективной защите природы:

1. Антропоцентричный подход: «затраты-выгоды» – возможность оправдать разрушение природы социально-экономическими выгодами;
2. Неясность субъективной стороны – требование «знания» (*knowledge*) о последствиях, что на практике очень трудно доказать¹²³.

Поправка вынесена на обсуждение стран-участниц и пока не принята. Однако она послужила катализатором для несколько иного процесса – Офис Прокурора МУС разработал и 18 декабря 2024 г. внёс на рассмотрение стран-участниц «Проект политики в отношении преступлений окружающей среды в соответствии с Римским статутом»¹²⁴.

Практически параллельно с этим процессом 9 сентября 2024 г. три тихоокеанских государства: Вануату, Фиджи и Самоа попросили МУС классифицировать разрушение окружающей среды (экоцид) как уголовное преступление наряду с геноцидом и другими военными преступлениями¹²⁵.

После консультаций и обсуждений указанных инициатив на Ассамблее государств-участников МУС в Гааге 4 декабря 2025 года¹²⁶ Офисом Прокурора МУС была представлена Политика по противодействию ущербу

¹²³Minkova L.G. Указ. соч.

¹²⁴Проект политики в отношении преступлений окружающей среды в соответствии с Римским статутом // International Criminal Court : [сайт]. – 18.12.2024. – URL: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/2024-12/2024-12-18-OTP-Policy-Environmental-Crime.pdf> (дата обращения: 02.02.2026).

¹²⁵Острова Тихого океана попросили приравнять экоцид к геноциду // Газета.Ru : [сайт]. – 10.09.2024. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/09/10/23887897.shtml> (дата обращения: 01.01.2026).

¹²⁶Stop Ecocide International. Historic ICC Policy Puts Ecological Harm at the Centre of International Criminal Law // Stop Ecocide International : [сайт]. – 04.12.2025. – URL: <https://www.stopecocide.earth/bn-2025/historic-icc-policy-puts-ecological-harm-at-the-centre-of-international-criminal-law> (дата обращения: 06.02.2026).

окружающей среде в рамках Римского статута (Policy on Addressing Environmental Damage through the Rome Statute)¹²⁷(далее – Политика).

Следует признать, что представленная Политика содержит ряд достаточно «революционных» положений, и несмотря на то, что Офис Прокурора сознательно уклонился от прямого признания экоцида самостоятельным составом преступления и инициирования процесса внесения соответствующих поправок в Римский статут, представленный документ отнюдь не стал простой декларацией. Напротив, в Политике предложен механизм привлечения к ответственности за экологические преступления в рамках существующих норм, который, по сути, можно рассматривать как «тихую революцию» в правоприменительной практике МУС.

Например, признается, что юрисдикция суда ограничена и Римский статут, в первую очередь, сосредоточен на защите жизни и имущества человека. Вместе с тем, делается вывод, что поскольку уничтожение, деградация, загрязнение или иное изменение окружающей природной среды зачастую напрямую влияет на жизнь человека и его права и существует причинно-следственная связь между преднамеренными действиями лица, совершившего преступление, и объективным элементом преступления по Римскому статуту, такие действия могут считаться преступлениями как во время вооружённого конфликта, так и в мирное время (п. 5).

Политика дала определения «экологическим преступлениям» (п. 13), указав, что это могут быть преступления, указанные в статье 5 Римского статута (геноцид, преступления против человечности, военные преступления и преступления агрессии), совершенные посредством или приводящие к нанесению экологического ущерба. Одновременно указано, что действие, которое влечет за собой или приводит к нанесению ущерба окружающей среде способом, запрещённым статьёй 8 (2) Римского статута (военные

¹²⁷Policy on Addressing Environmental Damage through the Rome Statute // International Criminal Court : [сайт]. – 04.12.2025. – URL: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/2025-12/2025-env-eng.pdf> (дата обращения: 16.02.2026).

преступления), может быть квалифицировано как военное преступление, если это действие произошло в контексте и было связано с вооруженным конфликтом, будь он международным или немеждународным (п. 35).

Таким образом, Политика:

1. провозгласила, что если разрушение природы ведет к страданиям или гибели людей, это может считаться преступлением против человечности, даже если действия совершались в мирное время;

2. разделила все преступления с экологическим ущербом на три типа: ущерб природе прямо прописан в законе, природа уничтожается как средство совершения преступления и преступления, где экологический вред помогает оценить тяжесть содеянного;

3. установила, что для военных преступлений теперь достаточно доказать, что разрушение природы было связано с конфликтом, даже если оно не подпадает под узкую формулировку закона и совершено в мирное время.

Эти нормы Политики демонстрируют намерение суда распространить свою юрисдикцию не только на время вооружённых конфликтов, но и на мирное время, а также попытку расширить свои полномочия не только на международные вооруженные столкновения, но и не международные конфликты, под которые попадают и гражданские войны внутри стран-участниц. Представляется, что эти инициативы Офиса Прокурора не встретят понимания среди многих стран-участниц Римского статута, а также стран, не являющихся участниками статута, но являющихся сторонами постоянно возникающих в мире конфликтов.

Что касается криминализации экоцида в рамках Римского статута, то, во-первых, Офис Прокурора подчеркнул, что действует строго в рамках существующего Римского статута и его мандат не включает создание новых составов преступлений. Это означает, что все действия прокуратуры по защите окружающей среды базируются на уже имеющихся нормах и защита окружающей среды будет рассматриваться через призму уже существующих

составов. Во-вторых, Политика дистанцируется от поправок, предложенных Вануату, Фиджи и Самоа в 2024 году и фондом «Стоп экоцид» (Stop Ecocide) и рассматривает их как отдельный процесс, который «дополнит усилия Офиса Прокурора по борьбе с безнаказанностью за экологические преступления» (п. 10).

Таким образом, проведенный анализ перспектив признания экоцида пятым международным преступлением в рамках МУС позволяет констатировать, что несмотря на многолетние усилия, экоцид до сих пор не признан самостоятельным международным преступлением, перспективы включения экоцида в Римский статут крайне неопределенны, а принятая в 2025 году Политика сознательно дистанцируется от создания нового состава преступления.

Выводы:

Римский статут, принятый в 1998 году, стал важным этапом в развитии международного уголовного правосудия, впервые закрепив на наднациональном уровне ответственность за причинение обширного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей природной среде в период вооруженных конфликтов (ст. 8(2)(b)(iv)). Однако экоцид до настоящего времени не признан самостоятельным международным преступлением, а ущерб окружающей среде рассматривается лишь как квалифицирующий признак военного преступления.

Юрисдикция МУС ограничена четырьмя составами (геноцид, преступления против человечности, военные преступления, агрессия), распространяется только на физических лиц и только на международные вооруженные конфликты, что существенно сужает возможности привлечения к ответственности за экоцид. Крупнейшие мировые державы (Россия, США, Китай, Индия) не являются участниками Римского статута, что делает его применение ограниченным.

Россия, подписавшая Римский статут в 2000 году и активно участвовавшая в его разработке, впоследствии отказалась от его

ратификации, а в 2016 году заявила о нежелании становиться участником МУС. США также отозвали свою подпись, а в 2025 году ввели финансовые санкции против Суда. Отсутствие поддержки со стороны крупнейших мировых держав существенно ограничивает возможности МУС.

Принятая в 2025 году Политика Офиса Прокурора, хотя и содержит положения о возможности квалификации экологического ущерба как преступления против человечности, сознательно дистанцируется от создания нового состава преступления.

Многолетние дискуссии и инициативы не привели к признанию экоцида пятым международным преступлением. Перспективы его криминализации в рамках МУС остаются неопределенными и зависят от преодоления политических разногласий, что в обозримом будущем маловероятно.

§ 1.4. Европейский подход к криминализации экоцида: история и современное состояние.

В то время как международные усилия по признанию экоцида пятым преступлением в рамках Римского статута зашли в тупик (параграф 1.3), на европейском континенте сформировался принципиально иной вектор развития ответственности за наиболее опасные экологические преступления. В отличие от глобальных инициатив, европейский подход изначально ориентировался не на создание наднационального уголовного преследования, а на гармонизацию национальных правовых систем и введение уголовной ответственности за тяжкие экологические деяния, совершаемые как в военное, так и в мирное время.

Импульсом к развитию этого направления послужили крупные экологические катастрофы 1970-1990-х годов (инцидент на химическом заводе в Севезо в 1976 г., авария на Чернобыльской АЭС в 1986 г., разливы нефти в период войны в Персидском заливе в 1991 г.), со всей очевидностью продемонстрировавшие недостаточность существовавших правовых

механизмов, необходимость принятия жестких законодательных мер и ограниченность точки зрения на экоцид как на преступление, совершаемое исключительно в военное время.

Европейское сообщество и Совет Европы начали разрабатывать правовые инструменты для гармонизации экологических стандартов. Идея о том, что уголовное право должно стать «последним рубежом» защиты природы, получила поддержку в рекомендациях Парламентской ассамблеи Совета Европы и впервые была сформулирована в Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R(88) 18 от 20 октября 1988 г. «О борьбе с экологическими преступлениями»¹²⁸ : уголовная ответственность должна быть зарезервирована для наиболее серьезных нарушений. Её следует рассматривать как крайнюю меру (last resort), когда другие формы ответственности... оказываются неадекватными (п. 3).

В результате в европейском международном праве четко сформировалась идея о необходимости принятия общих для государств Европы норм права, предусматривающих ответственность за совершение тяжких экологических преступлений, тем более что некоторые государства уже пошли по этому пути, криминализовав экоцид как преступление, угрожающее миру и безопасности человечества в своих уголовных законах. Осознание необходимости криминализации экоцида и установления уголовной ответственности за совершение тяжких экологических преступлений достигло уровня, когда представители Совета Европы, в состав которого на тот момент входила Россия, создали в 1994 г. Комитет экспертов по уголовному праву и охране окружающей среды и поручили ему подготовку соответствующего документа. Результатом стала разработка Конвенции о защите окружающей среды посредством уголовного

¹²⁸Рекомендация Комитета министров Совета Европы № R (88) 18 «Об ответственности за ущерб окружающей среде» : [принята 20.10.1988] // Совет Европы : [сайт]. – URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016804d3a1a (дата обращения: 01.01.2026).

законодательства ETS № 172¹²⁹ (далее – Конвенция, Конвенция 1998 г.), заключённая в г. Страсбурге 04 ноября 1998 г. правительствами государств – членов Совета Европы и других государств, подписавших Конвенцию.

По состоянию на момент заключения Конвенции в состав Совета Европы входило 40 стран¹³⁰: Австрия, Албания, Андорра, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Лихтенштейн, Люксембург, Македония, Мальта, Молдова, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Россия (вышла из состава Совета Европы в 2022 г.¹³¹), Румыния, Сан-Марино, Словакия, Словения, Турция, Украина, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония. В последующем к нему присоединились Азербайджан, Армения, Босния и Герцеговина, Грузия, Монако, Сербия, Черногория. По состоянию на январь 2026 г. с учетом вновь вступивших стран и вышедшей из состава Совета Европы в апреле 2024 г. России в Совете Европы 46 стран-участниц. Российские эксперты и дипломаты принимали активное участие в разработке положений этого документа, однако в подписании и её ратификации Россия участия не приняла.

Конвенция была открыта для подписания 4 ноября 1998 г. в Страсбурге. Однако в 2001 г. её ратифицировала Эстония и в 2004 г. Украина. Более ни одно государство её не ратифицировало по причинам размытости и неопределённости формулировок, конкуренции её норм с экологическим правом Евросоюза и противоречий с положениями национального законодательства стран-участниц.

¹²⁹ Конвенция о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства (Страсбург, 4 ноября 1998 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901909718> (дата обращения: 05.12.2025).

¹³⁰ Список государств-участников Совета Европы // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1646846/ (дата обращения: 02.01.2026).

¹³¹ О выходе России из Совета Европы (справочный материал) // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1834254/ (дата обращения: 02.01.2026).

В контексте настоящей работы эта первая попытка унификации экологического уголовного права, так и не вступившая в силу «мертвая» Конвенция, имеет значение, поскольку в ней был заложен целый ряд революционных для того времени идей. Так, Конвенция провозгласила, что жизнь и здоровье людей, окружающая среда, фауна и флора должны защищаться всеми способами, неконтролируемое использование технологий и чрезмерная эксплуатация природных ресурсов влекут за собой серьезную угрозу окружающей среде, тем самым признав отсутствие прямой причинной связи с военными действиями, расширила границы уголовной ответственности, включив в неё юридических лиц, и включила в перечень санкций не только лишение свободы и штрафы, но и мероприятия по восстановлению окружающей среды (преамбула, ст. 1, 6).

Несмотря на то, что в следующие более чем четверть века Совет Европы не возвращался к рассмотрению этих вопросов, Конвенция стала прототипом для последующих международных инициатив в этой сфере и заложила один из основных принципов: тяжёлый экологический вред должен быть уголовным преступлением, а не административным нарушением.

Следующим по хронологии шагом стало принятие Европейским парламентом и Советом Европейского союза Директивы 2008/99/ЕС от 19 ноября 2008 г. об уголовно-правовой охране окружающей среды¹³². На тот момент в состав Европейского союза входило 28 стран. Великобритания в 2020 г. покинула Евросоюз, и сейчас он объединяет 27 стран-участниц.

Указанная Директива:

– провозглашала необходимость усиления ответственности за экологически вредную деятельность, которая обычно является причиной или создает угрозу причинения непосредственного вреда воздушной среде,

¹³² Директива Европейского парламента и Совета 2008/99/ЕС от 19 ноября 2008 г. об уголовно-правовой охране окружающей среды (неофициальный перевод) // WECOOP : [сайт]. – URL: <https://wecoop.eu/wp-content/uploads/2020/04/Директива-Европейского-парламента-и-Совета-200899ЕС.pdf> (дата обращения: 02.01.2026).

включая стратосферу, почве, воде, животным и растениям, включая их охраняемые виды (п. 5 Преамбулы);

– обязывала государства-члены предусмотреть уголовное наказание в своем национальном законодательстве в случаях серьезного нарушения законодательства Сообщества о защите окружающей среды (п. 10 Преамбулы);

– устанавливала в ст. 3 перечень наказуемых деяний, «если они противоправны, совершены виновно и повлекли за собой серьезные негативные последствия»;

– предусматривала ответственность за соучастие, содействие и подстрекательство (ст. 4);

– возлагала на страны-участницы принятие необходимых мер для установления ответственности юридических лиц (не исключая ответственность физических лиц) посредством применения к ним эффективных, соразмерных и устрашающих санкций (ст. 6 и 7).

Директива 2008 г. обязала государства – члены ЕС применять «эффективные, соразмерные и сдерживающие меры наказания» за девять уголовных преступлений, если они были совершены незаконно, умышленно или, по крайней мере, с серьезной неосторожностью¹³³. То есть в основу Директивы были положены основные идеи Конвенции 1998 года.

Все эти три международных акта были адресованы государствам – членам Европейского союза, участницей которого Россия не является.

Директива 2008 года действовала с разной степенью успешности более 10 лет. Однако, поскольку она сложно имплементировалась в национальные правовые системы, а также выявила существенные пробелы в правоприменении в государствах – членах ЕС и во всей цепочке

¹³³Lekander J. The Creation of an Autonomous Environmental Crime through the New EU Environmental Crime Directive // eucrim – The European Criminal Law Associations' Forum. – 2024. – No. 4. – P. 254–262. – DOI: 10.30709/eucrim-2024-011.

правоохранительных органов¹³⁴, в своей рабочей программе на 2021 г. Европейская комиссия объявила о её пересмотре¹³⁵ и в результате Европейским союзом была принята новая Директива (ЕС) 2024/1203, которая вступила в силу 20 мая 2024 г. (ст. 29).

Россия, безусловно, не принимала участия в ее принятии. Однако поскольку Директива с точки зрения предложенных в ней правовых механизмов привлечения к уголовной ответственности за экоцид и многочисленные отзывы о ней как о «революционном шаге в борьбе с экоцидом»¹³⁶ представляет интерес для настоящего исследования, рассмотрим её положения более подробно.

Сразу отметим, что, несмотря на многочисленные пресс-релизы общественных организаций, сообщивших о том, что Директива включила в себя положения о криминализации дел, «сопоставимых с экоцидом»¹³⁷, и посчитавших эту Директиву фактической легализацией в международном праве термина «экоцид», это не соответствует объективной действительности – в Директиве прямое понятие «экоцид» (ecocide) не вводится и не используется – она действует в рамках существующего правового поля Европейского союза и не создает нового состава преступления под названием «экоцид». Собственно, сам термин упоминается в тексте только один раз – в п. 21 Преамбулы Директивы и сформулирован следующим образом:

¹³⁴Kihlberg M. The Revised EU Environmental Crime Directive: Changes and Challenges in EU Environmental Criminal Law with Examples from Sweden // eucrim – The European Criminal Law Associations' Forum. – 2024. – No. 4. – P. 263–271. – DOI: 10.30709/eucrim-2024-013. – URL: <https://eucrim.eu/articles/the-revised-eu-environmental-crime-directive/> (дата обращения: 04.01.2026).

¹³⁵Европейская комиссия. Рабочий документ персонала. Оценка Директивы 2008/99/ЕС Европейского парламента и Совета от 19 ноября 2008 г. о защите окружающей среды посредством уголовного права (Директива о преступлениях в сфере окружающей среды) : SWD (2020) 259 final. – Брюссель, 28.10.2020. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020SC0259> (дата обращения: 04.01.2026).

¹³⁶ЕС вводит уголовную ответственность за серьезное разрушение экосистем // Euronews : [сайт]. – 27.02.2024. – URL: <https://ru.euronews.com/green/2024/02/27/eu-ecocide-new-directive> (дата обращения: 04.01.2026).

¹³⁷Март 2024 года: Европейский совет официально принимает новую директиву о преступлениях против окружающей среды, которая включает положение о криминализации дел, «сопоставимых с экоцидом» // Ecocide Law : [сайт]. – URL: <https://ecocidelaw.com/history/> (дата обращения: 02.01.2026).

«Уголовные преступления, связанные с умышленными действиями, перечисленными в настоящей Директиве, могут привести к катастрофическим последствиям, таким как широкомасштабное загрязнение, промышленные аварии с серьезным воздействием на окружающую среду или крупномасштабные лесные пожары. Если такие преступления приводят к уничтожению или широкомасштабному и существенному ущербу, который является необратимым или долговременным, экосистеме значительных размеров, или экологической ценности, или среде обитания в пределах охраняемой территории или причиняют широкомасштабный и существенный ущерб, который является необратимым или долговременным, качеству воздуха, почвы или воды, то такие преступления, приводящие к таким катастрофическим последствиям, должны рассматриваться как квалифицированные уголовные преступления и, следовательно, наказываться более суровыми наказаниями, чем те, которые применяются в случае других уголовных преступлений, определенных в настоящей Директиве. К таким квалифицированным уголовным преступлениям могут относиться действия, сопоставимые с «экоцидом», который уже охватывается законодательством некоторых государств-членов и обсуждается на международных форумах».

Следует признать, что Директива существенно усиливает и конкретизирует уголовно-правовую защиту окружающей среды, создавая режим, который позволяет разграничить деяния исходя из их масштабности и тяжести последствий, фактически соответствующие экоциду. Это можно назвать «практической криминализацией экоцидных деяний» без провозглашения самого термина, что достигается через сочетание следующих инструментов права:

– в части 2 ст. 3 «Уголовные преступления» установлен перечень из двадцати различных видов правонарушений, которые признаются преступными. Для экоцида наиболее релевантным является «выброс, эмиссия или введение в воздух, почву или воду количества материалов или веществ, энергии или ионизирующего излучения, которое вызывает или может

вызвать смерть, или серьезные травмы любого человека, или существенное ухудшение качества воздуха, почвы или воды, или существенное повреждение экосистемы, животных или растений (пп. (а) п. 2 ст. 3);

– в части 3 ст. 3 Директива устанавливает, что государства-члены должны обеспечить, чтобы уголовные преступления, связанные с поведением, перечисленным в п. 2, квалифицировались как уголовные преступления:

(а) если такое поведение влечет за собой уничтожение или широкомасштабный и существенный ущерб, который является необратимым или долговременным для экосистемы значительных размеров или экологической ценности, или для среды обитания в пределах охраняемой территории, или

(б) широкомасштабный и существенный ущерб, который является необратимым или долговременным для качества воздуха, почвы или воды.

Тем самым в директиве установлены квалифицирующие признаки для «деяний, сопоставимых с экоцидом», и для их обозначения введено понятие «квалифицированные уголовные правонарушения».

Кроме того, «разрушение экосистемы или причинение ей необратимого или долговременного существенного ущерба» отнесено к отягчающим обстоятельствам при совершении всех преступлений, охватываемых Директивой (ст. 8 (а)).

Таким образом, характеристика «деяний, сопоставимых с экоцидом», дана через призму следующих признаков:

1) разделены ущерб «экосистеме» (динамический комплекс сообществ растений, животных, грибов и микроорганизмов, а также их неживой среды, взаимодействующих как функциональная единица, включает в себя типы местообитаний, местообитания видов и популяции видов (ст. 2)) и ущерб, причиненный «качеству воздуха, почвы или воды», т. е. ущерб разделен по принципу живое/неживое;

2) для экосистем действия должны повлечь за собой ее уничтожение, а для неживого достаточно только причинения ущерба;

3) экосистема должна быть «значительных размеров или экологической ценности или средой обитания в пределах охраняемой территории»;

4) использован критерий ущерба: «широкомасштабный и существенный» как для экосистем, так и для качества воздуха, почвы или воды;

5) применена формула причинения вреда не «воздуху, почве или воде», а их качеству;

6) по признаку длительности использовано понятие «необратимый или долговременный ущерб»;

7) состав, равно как и все составы Директивы, сформулирован как формальный: действия должны квалифицироваться как уголовные преступления, если «такое поведение повлечет за собой...» (п. 3. ст. 3), «действия могут привести» (п. 21 Преамбулы).

Приведенный перечень признаков позволяет сделать вывод о том, что Директива (ЕС) 2024/1203, формально не вводя понятие «экоцид», фактически создает полноценный механизм уголовно-правовой охраны окружающей среды от наиболее опасных посягательств. Этот механизм можно определить как «криминализацию экоцидных деяний без криминализации экоцида».

Достоинства такого подхода очевидны. Во-первых, он позволяет обойти политические и юридические препятствия, связанные с отсутствием консенсусного определения экоцида на международном уровне. Во-вторых, он предлагает относительно четкие, юридически измеримые критерии («широкомасштабный и существенный ущерб», «необратимый или долговременный», разделение ущерба живому и неживому), что упрощает правоприменение. Особого внимания заслуживает положение Директивы, согласно которому при оценке существенности ущерба или вероятного

ущерба предписывается учитывать исходное состояние затронутой среды, степень ущерба и обратимость повреждений, но не учитывать, был ли ущерб долговременным, среднесрочным или краткосрочным. В-третьих, он распространяет действие норм не только на военное, но и на мирное время, а также включает в круг субъектов юридических лиц. В-четвертых, Директива ориентирована не столько на наказание, сколько на восстановление окружающей среды и предотвращение вреда, что соответствует принципу устойчивого развития.

Однако недостатки также существенны. Главный из них – отсутствие единого сквозного понятия «экоцид» ведет к фрагментации правового регулирования: в разных государствах-членах схожие по тяжести деяния могут квалифицироваться по-разному. Кроме того, Директива не является актом прямого действия – ее эффективность полностью зависит от имплементации ее норм в национальные законодательства, что, как показывает практика (судьба Конвенции 1998 г.), далеко не гарантировано. Наконец, предложенный подход не решает проблему привлечения к ответственности за экоцид как за преступление против безопасности человечества – он остается в рамках охраны окружающей среды, а не мира и безопасности человечества.

Таким образом, европейский подход «практической криминализацией экоцидных деяний» без провозглашения самого термина, несмотря на его прогрессивность и прагматизм, следует рассматривать как временное компромиссное решение. Он эффективен для борьбы с экологическими преступлениями в мирное время, но не заменяет полной международно-правовой криминализации экоцида, которая необходима для привлечения к ответственности лиц, принимающих решения, и для квалификации деяний, совершаемых в период вооруженных конфликтов. В идеале европейская модель могла бы стать «дорожной картой» для будущего международного договора об экоциде, но не его альтернативой.

Изложенная выше оценка европейского подхода как временного компромиссного решения не умаляет его несомненных достоинств в части детальной правовой регламентации. Помимо перечисленных признаков «действий, сопоставимых с экоцидом», Директива содержит еще ряд значимых положений, заслуживающих отдельного внимания.

Особое внимание уделяется проблеме «законности» и «незаконности действий». Решено это в п. 10 Преамбулы и ст. 3 следующим образом.

1. Действия считаются незаконными, даже если они осуществляются на основании разрешения, выданного компетентным органом государства-члена, если такое разрешение было получено мошенническим путем, путем коррупции, вымогательства или принуждения или если разрешение явно нарушает соответствующие материальные правовые нормы.

2. Если требуется разрешение, тот факт, что разрешение является законным, не исключает уголовного преследования обладателя разрешения, если этот обладатель не выполняет все обязательства, предусмотренные разрешением, или другие соответствующие правовые обязательства, не охваченные разрешением.

Давая определение понятия преступления, Директива указывает на то, что действия должны быть умышленными, а для части действий, перечисленных в ч. 4 ст. 3 (это наиболее тяжкие преступления), совершены «как минимум серьезной неосторожностью».

В Директиве ЕС 2008 г. не содержался перечень конкретных видов и уровней уголовных наказаний. В отличие от неё, Директива устанавливает конкретные виды и уровни уголовных наказаний как для физических, так и для юридических лиц, применение которых должны обеспечить государства-участники.

Так, для физических лиц установлен достаточно широкий перечень наказаний, который содержит: обязанность восстановить окружающую среду в течение заданного периода времени, выплатить компенсацию за ущерб

окружающей среде, штраф, исключение из доступа к государственному финансированию, включая тендерные процедуры, гранты, концессии и лицензии, дисквалификацию, отзыв разрешений и согласований на осуществление деятельности, временный запрет на участие в выборах на государственные должности, а также в исключительных случаях публикацию всего или части судебного решения. Самое суровое наказание – лишение свободы на срок не менее 10 лет за действия, повлёкшие смерть человека (ст. 5).

В статьях 6 и 7 установлена уголовная ответственность юридических лиц и закреплено, что их ответственность не исключает уголовного преследования физических лиц, совершающих, подстрекающих или соучастников уголовных преступлений (ст. 6), и установлен достаточно обширный перечень наказаний для них: восстановление окружающей среды в течение заданного периода времени, выплата компенсаций, исключение из числа лиц, имеющих право на получение государственных пособий или помощи, исключение из доступа к государственному финансированию, включая тендерные процедуры, гранты, концессии и лицензии, временная или постоянная дисквалификация от осуществления предпринимательской деятельности, отзыв разрешений и согласований на осуществление деятельности, помещение под судебный надзор, судебная ликвидация, закрытие заведений, используемых для совершения преступления, и обязательство по созданию схем должной осмотрительности для повышения уровня соблюдения экологических стандартов.

Интересным здесь является также установление в ст. 7 минимальных размеров штрафов: 5 % от общего мирового оборота юридического лица, либо за финансовый год, предшествующий году совершения правонарушения, либо за финансовый год, предшествующий году принятия решения о наложении штрафа, либо сумма, соответствующая 40 000 000 евро, а для менее тяжких преступлений 3 % либо сумма, соответствующая 24 000 000 евро.

Следует отметить, что в целом Директива ориентирована не только и не столько на наказание виновных, сколько на возмещение вреда окружающей среде всеми доступными правовыми механизмами, предотвращение и недопущение экологических преступлений. Например, Директива прямо предписывает, что «необходимо, чтобы государства-члены рассмотрели вопрос о введении наказаний или мер, являющихся альтернативой тюремному заключению, в целях содействия восстановлению окружающей среды» (п. 39 Преамбулы). Для этого предусматриваются механизмы замораживания и конфискации активов (ст. 10), защита лиц, сообщающих о преступлениях в сфере охраны окружающей среды или оказывающих содействие в их расследовании (ст. 14), публикация информации в общественных интересах и обеспечение доступа к правосудию для заинтересованных лиц (ст. 15), меры профилактики (ст. 16), на государства-участников возложена обязанность принять меры к тому, чтобы национальные органы, занимающиеся выявлением, расследованием, преследованием или вынесением судебных решений по уголовным преступлениям в области охраны окружающей среды, располагали достаточным количеством квалифицированного персонала и достаточными финансовыми, техническими и технологическими ресурсами для эффективного выполнения своих функций, связанных с осуществлением Директивы (ст. 17), а также предоставляли специализированную регулярную подготовку судьям, прокурорам, сотрудникам полиции и судебной власти и сотрудникам компетентных органов, участвующим в уголовном судопроизводстве и расследованиях (ст. 18), значительное внимание уделено вопросам национальной стратегии, координации и сотрудничеству стран-участниц и компетентных органов (ст. 19–21).

В завершение Директива устанавливает, что государства-члены должны ввести в действие законы, положения и административные нормы, необходимые для соблюдения настоящей Директивы, к 21 мая 2026 г., о чем должны незамедлительно уведомить Комиссию (ст. 28).

Представляется, что в условиях международного правового вакуума в этой сфере, многообразия национальных систем стран-участниц Евросоюза, наличия общих для многих стран экологических систем, в первую очередь рек и морей, крайне тесного пересечения экономических и социальных интересов, компетентными органами Евросоюза, признавшими, что действующие в настоящее время в государствах – членах ЕС меры недостаточны для эффективной борьбы с экологическими преступлениями, проделана большая работа: значительное количество правовых норм получили более четкие определения и механизмы привлечения к уголовной ответственности за экологические преступления. Но, очевидно, самая большая заслуга европейских законодателей в том, что впервые в международное соглашение, хотя и непрямого действия, были включены положения о преступности «действий, сопоставимых с экоцидом» как наиболее опасных посягательств на окружающую среду и угрожающих безопасности человечества, а также предпринята попытка отграничить их от обычных экологических преступлений.

Вместе с тем по-прежнему осталась нерешенной проблема привлечения к ответственности за экоцид как за преступление, угрожающее миру и безопасности человечества, поскольку в Директиве так и не появилось определение экоцида, а учитывая присущую ему сложность совершенно очевидно возникнет множество проблем при ее включении в национальные правовые системы государств-членов ЕС¹³⁸.

Другим сложным вопросом, который необходимо будет решить в ближайшее время, является вопрос юрисдикции: подпадают ли под действие новой директивы преступления, совершенные за пределами границ ЕС европейскими компаниями? Здесь следует отметить, что в состав Евросоюза входит 27 государств, в том числе только часть Королевства Дании – Дания (часть, находящаяся на материке), 9 стран – Северная Македония, Албания,

¹³⁸Pereira R. A Critical Evaluation of the New EU Environmental Crime Directive 2024/1203 // eucrim – The European Criminal Law Associations' Forum. – 2024. – No. 4. – P. 254–262. – DOI: 10.30709/eucrim-2024-012.

Сербия, Турция, Черногория, Босния и Герцеговина, Молдова, Украина и Грузия имеют статус «официальных кандидатов», Норвегия, Швейцария и Исландия подали заявки на вступление, а потом их отозвали, а Великобритания вовсе вышла из Союза в 2020 г. Учитывая, что страны находятся рядом, совместно пользуются реками и водоёмами, живут в схожем климате и т. д., данный вопрос не является праздным.

В итоге окончательный результат реализации установления Директивой уголовной ответственности за совершение «действий, сопоставимых с экоцидом», будет полностью зависеть от имплементации ее норм в законодательство стран-участниц – в противном случае Директиву ждёт участь Конвенции 1998 г.

Вслед за Евросоюзом спустя более чем четверть века после принятия Конвенции о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства ETS № 172 1998 г., которая, напомним, так и не была ратифицирована и не вступила в силу, в Совете Европы (46 государств) активизировалось обсуждение вопроса о необходимости установления общего подхода к уголовному преследованию за совершение экологических преступлений на территории стран, входящих в состав Совета Европы. После достаточно сложных переговоров и консультаций, на ходе которых мы останавливаться не будем, Советом Европы 3 декабря 2025 г. в г. Страсбурге была открыта для подписания Конвенция о защите окружающей среды посредством уголовного права (далее – Конвенция 2025 г.). Номер и дату она получит после подписания.

Согласно сообщению Генерального директората по окружающей среде Европейского союза, открытая к подписанию Конвенция тесно согласуется с принципами и стандартами Директивы Евросоюза 2024 г., определяет уголовные преступления, наносящие вред окружающей среде, устанавливает минимальные нормы наказаний для физических и юридических лиц, обязательные международные стандарты для определения и криминализации

серьезных экологических правонарушений¹³⁹. Хотя термин «экоцид» не фигурирует в действующих статьях Конвенции, в преамбуле прямо упоминается это понятие и приводятся ссылки на недавние резолюции Совета Европы, призывающие к его признанию.

3 декабря 2025 г. Конвенцию 2025 подписали Молдова, Португалия и Евросоюз, 10 декабря 2025 года – Латвия, 14 января 2026 года – Люксембург¹⁴⁰. Конвенция вступит в силу после десяти ратификаций, в том числе не менее чем восьми государств – членов Совета Европы. Как видно из представленных данных, процедура подписания Конвенции демонстрирует явное нежелание стран Совета Европы брать на себя серьезные обязательства в сфере уголовной защиты окружающей среды.

Подводя итог европейской парадигме развития международных норм, направленных на криминализацию экоцида, хочется отметить, что, несмотря на многолетние призывы, дебаты, консультации и обсуждения, из 27 стран-участниц Евросоюза экоцид криминализирован в национальном законодательстве лишь в двух странах: Франции (2021) и Бельгии (2024), а также в трех странах-кандидатах: Грузии (1999), Украине (2001) и Молдове (2002). Из 46 стран-участниц Совета Европы экоцид криминализирован в 6 странах (13%): Франции, Грузии, Армении (2003), Украине, Молдове и Бельгии, из которых 4 страны – Грузия, Украина, Армения и Молдова были, а две последние остаются членами Содружества Независимых Государств. В 1996 г. эти 4 страны участвовали в принятии МУК СНГ и внесли норму об уголовном преследовании за экоцид в результате исполнения взятых на себя обязательств в рамках этого договора, а не международных соглашений Совета Европы или Евросоюза.

¹³⁹ЕС расширяет свои усилия по борьбе с экологическими преступлениями // European Commission : [сайт]. – 03.12.2025. – URL: https://environment.ec.europa.eu/news/eu-broadens-efforts-combat-environmental-crime-2025-12-03_en (дата обращения: 17.12.2025).

¹⁴⁰Council of Europe Convention on the Protection of the Environment through Criminal Law // Verdragen.nl : [сайт]. – URL: https://verdragen.nl/en/Treaty/Details/014150_p (дата обращения: 18.05.2026).

Напомним, что согласно ст. 28 Директивы Евросоюза 2024/1203 государства-члены должны ввести в действие законы, положения и административные нормы, необходимые для соблюдения Директивы, к 21 мая 2026 г.

Однако анализ официальных данных Европейской Комиссии о транспозиции Директивы (ЕС) 2024/1203 (имплементации положений Директивы в национальное законодательство стран-участниц) свидетельствует о повсеместном практическом бездействии большинства государств-членов. По состоянию на май 2026 года из 27 стран Евросоюза лишь единицы предприняли реальные шаги по приведению своего законодательства в соответствие с требованиями Директивы.

Так, согласно сведениям, опубликованным на официальном портале EUR-Lex, о 38 принятых мерах по имплементации уведомила Чехия, 9 мерах – Румыния, 4 мерах – Австрия, 1 мере – Латвия¹⁴¹. При этом важно отметить, что само по себе уведомление о мерах не означает их полноту и эффективность. Что касается остальных стран-членов, включая такие крупные экономики, как Германия, Франция, Италия, Испания, Польша, Нидерланды, Бельгия, Греция, Португалия, Швеция, Финляндия, Дания, Ирландия, а также Болгария, Хорватия, Словения, Словакия, Эстония, Литва, Люксембург, Мальта, Венгрия и Кипр, – их уведомления о количестве принятых мер на данный момент отсутствуют (количество мер равно нулю).

Таким образом реальная готовность национальных правовых систем стран-членов ЕС к введению ответственности за наиболее тяжкие экологические преступления, сопоставимые с экоцидом, крайне низка. Подавляющее большинство стран Евросоюза фактически не приступило к реализации требований Директивы, что ставит под серьезное сомнение перспективы создания в Европе эффективной и унифицированной системы противодействия экологической преступности и говорить о выполнении

¹⁴¹National transposition measures concerning Directive (EU) 2024/1203 // EUR-Lex : [сайт]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/NIM/?uri=OJ:L_202401203 (дата обращения: 18.05.2026).

странами Евросоюза к 21 мая 2026 г. Директивы 2024 в части криминализации даже не самого экоцида, а только «действий, сопоставимых с экоцидом», очевидно, не представляется возможным.

Выводы:

Европейский подход к противодействию экологическим преступлениям принципиально отличается от глобальных инициатив в рамках Римского статута. В отличие от последнего, ориентированного на создание наднационального механизма уголовного преследования за деяния, совершенные в период международных вооруженных конфликтов, европейская модель избрала путь гармонизации национальных правовых систем государств-членов через выработку единых стандартов и обязательных требований, подлежащих имплементации в национальное законодательство.

Первая попытка установления наднациональной уголовной ответственности за наиболее тяжкие экологические преступления — Конвенция Совета Европы 1998 г. — хотя и не вступила в силу, заложила революционные для конца XX века идеи: признала, что тяжкий вред окружающей среде может быть причинен не только в военное, но и в мирное время; включила в круг субъектов уголовной ответственности юридических лиц; впервые предложила в качестве санкций мероприятия по восстановлению окружающей среды.

Принятая в 2024 г. Директива (ЕС) 2024/1203 является международным актом, в наибольшей степени приблизившимся к законодательному определению понятия экоцида. Однако она не ввела самого термина, ограничившись понятием «действий, сопоставимых с экоцидом», и установила критерии для признания таких действий «квалифицированными преступлениями».

Несмотря на провозглашенные намерения, реальная криминализация экоцида в Европе минимальна: из 27 стран Евросоюза ответственность введена лишь во Франции и Бельгии, а также в трех странах-кандидатах

(Грузия, Украина, Молдова), которые включили нормы об ответственности за экоцид не в рамках развития европейских идей, а руководствуясь МУК СНГ 1996 года.

Срок имплементации Директивы (май 2026 г.) большинством государств-членов не соблюден, что ставит под сомнение эффективность реализации европейской модели установления ответственности за «действия, сопоставимые с экоцидом».

§ 1.5. Сравнительно-правовой анализ российского и европейского подходов к криминализации экоцида.

Проведенный в предыдущих параграфах анализ становления международно-правовых основ противодействия экоциду показал, что, несмотря на многолетние усилия, глобальные инициативы по признанию экоцида пятым международным преступлением в рамках Римского статута зашли в тупик. В то же время на европейском континенте сформировался иной подход к установлению ответственности за причинение вреда окружающей среде, который, не вводя понятие «экоцид» как самостоятельный состав преступления, тем не менее устанавливает ответственность за «действия, сопоставимые с экоцидом» и устанавливает механизм привлечения к ответственности за наиболее тяжкие экологические правонарушения. Это не случайно, поскольку правовая система в области противодействия преступности в любой стране определяется свойствами законодательства, спецификой правосознания, правовой культурой, этнокультурными особенностями населения¹⁴².

Учитывая, что европейские акты содержат ряд правовых конструкций (понятие «экосистемы», дифференциация ответственности юридических лиц, реализацию принципов наказания, предусматривающих меры ответственности, направленные на восстановление окружающей среды и

¹⁴² Петровский А.В. Предупреждение преступного поведения юридическими и иными социальными нормами: институциональный подход. — Краснодар : Кубанский государственный университет, 2025. — С. 3.

т.д.), которые представляют определенный научный интерес с точки зрения формулирования правовых конструкций, устанавливающих ответственность за совершение «действий, сопоставимых с экоцидом», проанализируем в настоящем параграфе ключевые различия и сходства между ними и российскими нормами уголовного права, устанавливающими ответственность за экоцид и наказание за его совершение.

Как было изложено ранее, на сегодняшний день в международном праве существуют два правовых акта, в которых в той или иной степени рассматривается идея криминализации экоцида, а точнее «действий, сопоставимых с экоцидом»: Директива (ЕС) 2024/1203 и Конвенция Совета Европы 2025.

Сравнивая их положения с российским уголовным правом, в первую очередь, следует отметить совершенно четко определённую позицию России в криминализации экоцида – он был криминализован еще в 1996 г. при принятии УК РФ, и наша страна была второй страной в мире (после Вьетнама), которая ввела уголовную ответственность за совершение этого преступления. Страны, в перспективе подпадающие под юрисдикцию Директивы 2024 г. и Конвенции 2025 г., спустя почти 30 лет смогли лишь подойти к определению «действий, сопоставимых с экоцидом», но не самого экоцида.

Следует отметить, что ключевые различия между российским и европейским уголовным правом лежат и в базовых подходах:

- Директива и Конвенция предусматривают ответственность физических и юридических лиц, тогда как УК РФ не предусматривает и не рассматривает возможность даже в перспективе введения уголовной ответственности для юридических лиц;

- российский законодатель пошел по пути установления прямой формы умысла, европейский – кроме прямого умысла, для части преступлений предусматривает возможность совершения действий, сопоставимых с экоцидом, «как минимум с серьезной неосторожностью»;

– в Директиве 2024 г. проводится четкая граница: уголовно наказуемые действия должны быть незаконными. Российский законодатель такого критерия не вводит, полагая, что любые действия вне зависимости от их законности или незаконности, подпадающие под признаки ст. 358 УК РФ, являются уголовно наказуемыми;

– в Директиве дано понятие «катастрофические последствия» – широкомасштабное загрязнение, промышленные аварии с серьезным воздействием на окружающую среду или крупномасштабные лесные пожары. При этом за пределами определения остались действия по осушению/заболачиванию местности, вырубка лесов, критическое уничтожение отдельных видов животных и т. д., которые могут привести к «катастрофическим последствиям». В ст. 358 УК РФ же речь идет о более общих понятиях без излишней детализации, что, безусловно, является положительным фактором, не ограничивающим оценку последствий экоцида какими-либо рамками;

– кроме «уголовных преступлений», европейским законодателем введено понятие «квалифицированные преступления» (анализ их дан ранее). Отграничение от других составов проведено по наступившим последствиям деяний. УК РФ содержит 4 категории преступлений (небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления (ст. 15 УК РФ)) и проводит границу между ними по степени общественной опасности. Представляется, что такой подход является более верным – экоцид представляет глобальную угрозу человечеству и квалификация преступных действий как экоцид должна ставиться в зависимость от его общественной опасности, а не от наступивших последствий, которые могут проявиться не сразу, а спустя длительное время. Ярким историческим примером здесь являются действия Вооруженных сил США во Вьетнаме (распылять дефолианты военные США начали в 1961 г., а его опасное воздействие на живые организмы, в том числе на людей, стало

понятно только к концу 1960-х годов, а признано властями США было еще позже – в 1971 г.);

– специфика некоторых преступлений в международном уголовном праве предполагает местом их совершения территорию двух или более государств¹⁴³. В УК РФ решен принцип территориальности: к уголовной ответственности привлекаются лица, совершившие преступления на территории или в отношении территории России. Директива в этой части остается спорной – вопрос о привлечении к ответственности европейских компаний за совершение преступлений за пределами Евросоюза находится в стадии обсуждения. Более того, Директива не является актом прямого действия – осуществлять уголовное преследование физических и юридических лиц должно государство-участник. В условиях правовой разногласия и непринятия странами-участницами реальных мер к криминализации экоцида такая задача представляется практически невыполнимой;

– Директива и УК РФ содержат как схожие наказания для физических лиц (лишение свободы, штраф и т. д.), так и совершенно разные. Например, Директива предусматривает наказания в виде отзыва разрешений и согласований на осуществление деятельности, повлекшей за собой совершение соответствующего уголовного преступления, обязательство восстановить окружающую среду в течение заданного периода времени, исключение из доступа к государственному финансированию, включая тендерные процедуры, гранты, концессии и лицензии, временный запрет на участие в выборах на государственные должности. В российском праве это не является наказанием, а отнесено к мерам гражданско-правовой ответственности;

– в УК РФ экоцид отнесен к категории преступлений, к которым не применяются сроки давности (ст. 78 УК РФ), тогда как в Директиве 2024 г.

¹⁴³ Прохорова М.Л., Князькина А.К., Сильченко Е.В. Действие международного уголовного права в пространстве // Общество: политика, экономика, право. — 2022. — № 8 (109). — С. 43–52. — DOI 10.24158/per.2022.8.6.

такие сроки ограничены 10 годами (ст. 11) и начинают считаться с момента совершения преступления. Учитывая, что моменты совершения, наступления последствий, установления источника, допустим, загрязнения и предполагаемого виновника, могут быть значительно разнесены по времени, установление срока в данной ситуации, скорее, является фактором, способствующим уклонению от ответственности, чем соответствующим соблюдению принципа неотвратимости наказания.

Безусловно, наряду с различиями есть и схожие черты. Например, экоцид не имеет привязки к военным действиям, состав экоцида в российском праве и «действия, сопоставимые с экоцидом», сформулированы как формальный состав, все три акта (УК РФ, Директива и Конвенция) содержат перечень смягчающих и отягчающих обстоятельств, несколько отличающийся друг от друга, но идеи, заложенные в них, примерно одинаковы. Интересным является несколько иной подход законодателя к отягчающим обстоятельствам: согласно п. «а» ст. 8 Директивы 2024, если преступление привело к разрушению экосистемы или причинению ей необратимого или длительного существенного ущерба, оно должно быть учтено как отягчающее обстоятельство (п. «а» ст. 8). То есть эти последствия не являются квалифицирующим признаком состава преступления, как в российском праве, а рассматриваются европейским законодателем как отягчающие обстоятельства при совершении любого преступления.

Следует отметить и некоторые формулировки Директивы 2024 г., которые, по мнению автора, могли бы в перспективе быть использованы в российском праве.

Так, Директива для описания «действий, сопоставимых с экоцидом», использует термин «экосистема» — динамический комплекс сообществ растений, животных, грибов и микроорганизмов, и их неживой среды, взаимодействующих как функциональная единица, он должен включать типы местообитаний, места обитания видов и популяции видов. Экосистема также должна включать экосистемные услуги, посредством которых экосистема

прямо или косвенно способствует благополучию человека, и функции экосистемы, которые относятся к природным процессам в экосистеме.

В ст. 358 УК РФ используются понятия «растительный и животный мир», которые, как отмечалось в других разделах настоящей работы, достаточно несовершенны – в них, как минимум, не включены грибы, микроорганизмы и их среда обитания, нет указания на «комплекс сообществ», хотя, очевидно, что животные не могут обитать в местах, где уничтожена или сильно повреждена растительность, и, очевидно не остался нетронутым мир микроорганизмов.

Заслуживает внимания и часть формулировки понятия «действий, сопоставимых с экоцидом», как действий, которые привели к «уничтожению или широкомасштабному и существенному ущербу, который является необратимым или долговременным». Здесь, в отличие от российского права, границы ущерба расширены – уголовно преследуемыми являются не только «уничтожение», но и «широкомасштабный и существенный ущерб, являющийся необратимым или долговременным».

Другим представляющим правовой интерес инструментом, которым оперирует Директива, является формула, примененная к ущербу, причиненному неживой природе: в ст. 358 УК РФ речь идет об «отравлении атмосферы или водных ресурсов», тогда как Директива установила ответственность за ущерб «качеству воздуха, почвы или воды», тем самым акцентировав внимание не на самих объектах материального мира, а на их качестве.

Таким образом, рассматривая модель уголовно-правового регулирования ответственности за действия, «сопоставимые с экоцидом», предлагаемые Директивой 2024 и Конвенцией 2025, и уголовное право России при регулировании вопроса об ответственности за «экоцид», следует признать, что они содержат как схожие нормы, так и противоположные положения, которые имеют принципиально разное правовое разрешение. При этом так же совершенно очевидно, что в силу принципиальных отличий

нормы европейских правовых конструкций неприменимы к российской правовой системе, в том числе потому, что она имеет собственные, достаточно хорошо зарекомендовавшие себя механизмы и понятийный аппарат.

Выводы:

Европейское право пошло по пути «практической криминализации» экоцида без введения самого термина. Директива (ЕС) 2024/1203 ввела понятие «действия, сопоставимые с экоцидом» и «квалифицированные уголовные преступления», но не установила уголовную ответственность за экоцид. Практическая реализация этих норм полностью зависит от их имплементации в национальное законодательство странами-участницами. Однако перспективы этого неясны до настоящего времени.

Россия значительно опередила международное право, включив еще в 1996 г. в УК РФ ст. 358, устанавливающую ответственность за экоцид – самостоятельное преступление против мира и безопасности человечества с формальным составом, не имеющим связи с вооруженными конфликтами. Российский подход не требует доказывания незаконности действий, не знает сроков давности по этому преступлению и оценивает деяния по степени общественной опасности, а не по наступившим последствиям.

Российский и европейский подходы принципиально расходятся по вопросам уголовной ответственности юридических лиц, форм вины, оценки законности действий, детализации критериев ущерба, перечня наказаний и сроков давности привлечения к ответственности.

Несмотря на различия, российское законодательство могло бы воспринять отдельные европейские идеи: заслуживают внимания понятие «экосистемы» как комплекса сообществ растений, животных, грибов и микроорганизмов, а также подход к квалификации ущерба неживой природе через ухудшение «качества» воздуха, почвы или воды, а не через «отравление» самих объектов. Кроме того, перспективной является идея

применения мер, направленных не столько на наказание, сколько на восстановление окружающей среды.

ГЛАВА 2

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКОЦИДА

§ 2.1. Методологические основы криминологической характеристики экоцида.

Криминологическое исследование любого вида преступности предполагает формирование его развернутой характеристики, позволяющей выявить сущностные черты, закономерности и тенденции, а также разработать эффективные меры профилактики. В современной криминологической науке под криминологической характеристикой преступности понимается систематизированная совокупность общих и частных признаков, характеризующих качественные и количественные стороны данного негативного социокультурного явления, значимых для прогнозирования преступности и предупредительного воздействия на нее¹⁴⁴. Соответственно под криминологической характеристикой преступлений имеется ввиду система сведений (знаний) об определенном виде (группе) преступлений либо конкретном особо опасном деянии, используемая для их предупреждения.

Необходимость формирования подобной характеристики в полной мере относится и к экоциду – деянию, которое в силу своей беспрецедентной общественной опасности требует самостоятельного криминологического осмысления.

Представляется, что актуальность криминологического исследования экоцида обусловлена еще одним, крайне важным фактором – беспрецедентным обострением глобального экологического кризиса, в условиях которого человеческая деятельность стала главной силой, определяющей состояние основных систем, обеспечивающих жизнь человечества на планете Земля и его устойчивое развитие.

¹⁴⁴ Кургузкина Е.Б. К вопросу о криминологической характеристике преступности // Научный портал МВД России. – 2008. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kriminologicheskoy-harakteristike-prestupnosti> (дата обращения: 17.03.2026).

Именно в контексте этого кризиса современная наука все чаще определяет нынешнюю геологическую эпоху как Антропоцен¹⁴⁵, который выдвинул на первый план новые угрозы, среди которых особое место занимает экоцид – сознательное массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также иные действия, способные вызвать экологическую катастрофу. В отличие от традиционных преступлений, вред от экоцида носит необратимый, трансграничный и отсроченный характер, ставя под угрозу не только благополучие, но и само существование человечества как биологического вида.

Современный экоцид перестал быть исключительно военным феноменом, каким он воспринимался во времена войны США во Вьетнаме. Сегодня акты экоцида совершаются как в условиях вооруженных конфликтов (действия иракских военных во время войны в Персидском заливе в 1991 году), так и в мирное время (массовая вырубка лесов Амазонии в XXI веке).

Криминологический анализ любого преступления предполагает исследование его количественных и качественных показателей, позволяющих составить представление о распространенности, динамике и структуре данного вида противоправных деяний. Однако применительно к экоциду исследователь сталкивается с принципиальной методологической трудностью: отсутствием официальной статистики и приговоров о привлечении виновных к ответственности.

Статья 358 УК РФ, устанавливающая ответственность за экоцид, существует в российском уголовном законодательстве с 1 января 1997 года. Однако за прошедшие почти тридцать лет действия этой нормы никто к ответственности по этому составу привлечен не был.

¹⁴⁵Шешнев А.С. Что такое «антропоцен»? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. – 2017. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-antropotsen> (дата обращения: 07.02.2026).

Однако, несмотря на отсутствие официальной статистики, проведение криминологического анализа экоцида возможно. В данной ситуации эмпирическую базу составляют: изучение материалов немногочисленных уголовных дел, возбужденных по ст. 358 УК РФ; исторические примеры актов экоцида (действия США во Вьетнаме, Ирака в Кувейте, массовая вырубка лесов Амазонии); результаты анализа научных публикаций и доктринальных источников.

Как показал проведенный анализ в Российской Федерации уголовные дела по ст. 358 УК РФ возбуждались дважды: первый раз в 2001 году по факту умышленного отравления хлоркой двумя гражданами нескольких миллионов мальков лосося на лососевом рыбоводном заводе «Озерки» (Камчатка). Впоследствии их действия были переквалифицированы на экологическое преступление, поскольку искусственно выращенные мальки не были признаны предметом экоцида. Второе дело возбуждено Следственным комитетом РФ в августе 2021 года по ст. 358 УК РФ по факту водной блокады Крыма¹⁴⁶. Однако его расследование до настоящего времени не окончено.

Аналогичная ситуация наблюдается и в других странах постсоветского пространства, криминализировавших экоцид вслед за принятием в 1996 году МУК СНГ – во всех этих странах также отсутствует практика привлечения по этой статье. Такая же ситуация и в странах, совсем недавно признавших экоцид уголовным преступлением: Франции (2021), Чили (2023) и Бельгии (2024).

Обращение к истории признания экоцида преступлением показывает, что исторически первым и наиболее изученным актом экоцида, давшим импульс к криминализации этого деяния, являются действия вооруженных сил США во Вьетнаме в период с 1961 по 1971 год, распыливших над территорией Южного Вьетнама более 80 миллионов литров гербицидов,

¹⁴⁶СК возбудил уголовное дело об экоциде из-за водной блокады Крыма // РБК : [сайт]. – 24.08.2021. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/08/2021/612525869a7947e9ce77e880> (дата обращения: 06.02.2026).

основным из которых был так называемый «Эйджент оранж» (Agent Orange). Целью операции «Ранч Хэнд» (Operation Ranch Hand) было уничтожение растительности, что облегчало обнаружение подразделений северовьетнамской армии и партизан Национального фронта освобождения Южного Вьетнама ¹⁴⁷ и причиняло ущерб сельскохозяйственным угодьям, лишая противника доступа к продовольственным ресурсам. Экологические последствия применения дефолиантов оказались долговременными и во многом необратимыми: произошло обеднение видового состава флоры и фауны, деградация почв, нарушение гидрологического режима территорий. Особую опасность представляло загрязнение диоксином, который сохраняется в окружающей среде десятилетиями и оказывает мутагенное и канцерогенное воздействие на живые организмы. По оценке некоторых ученых, за это время были уничтожены тропические леса на территории до 20 тысяч кв. км и около 43% площади сельскохозяйственных угодий страны¹⁴⁸.

Следующим масштабным актом экоцида, привлечшим внимание мирового сообщества, стали действия иракских войск во время войны в Персидском заливе 1990–1991 годов: тушение горящих скважин и сбор нефти из Персидского залива заняли 258 дней и осуществлялось силами более 10000 специалистов из 28 стран¹⁴⁹. Экологические последствия войны в Персидском заливе были катастрофическими для экосистем региона. Массовая гибель морских организмов, особенно птиц и морских млекопитающих, разрушение прибрежных экосистем, загрязнение грунтовых вод – эти последствия ощущались на протяжении многих лет. Как и в случае с Вьетнамом, действия в Персидском заливе продемонстрировали, что

¹⁴⁷ Животова П. Указ. соч.

¹⁴⁸ Геворкян С.Г., Геворкян И.С. Указ. соч.

¹⁴⁹ Сахаб А.А.Н. Ирако-кувейтский вооруженный конфликт 1990-1991 гг. и его международные последствия // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2011. – № 8. – С. 139–144.

военные конфликты могут становиться инструментом сознательного уничтожения окружающей среды противника.

Классическим примером другой категории экоцида, не «военного», а так называемого «мирного» является массовая вырубка и выжигание лесов Амазонии, которая началась ещё в XVI в. после прихода европейцев в Америку, активизировалась в период «каучукового бума» в конце XIX в. и стала массовой в середине XX века, когда правительство Бразилии начало активно осваивать Амазонию в рамках политики экономического развития – создания сельхозугодий и пастбищ для разведения скота. По оценке регионального директора и представителя Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде Хуана Белло, по состоянию на май 2023 г. биом Амазонии уже потерял около 20 процентов своей первоначальной площади, и специалисты говорят, что он быстро достигает «точки невозврата»¹⁵⁰. В 2019 году мир стал свидетелем катастрофических пожаров в Амазонии, уничтоживших миллионы гектаров уникальных тропических лесов. Хотя формально пожары часто связывают с засухой и аномальной жарой, их основной причиной является сознательная деятельность человека – вырубка леса.

Рассмотренные исторические примеры – от джунглей Вьетнама до нефтяных полей Кувейта и тропических лесов Амазонии – при всех их различиях объединены одной ключевой характеристикой: масштабное разрушение окружающей среды явилось не побочным эффектом, а прямым следствием сознательных решений, продиктованных логикой военного или экономического противостояния. Именно эта сознательность и целенаправленность действий по уничтожению природы заставляет нас провести системный анализ причин и условий, порождающих экоцид.

Прежде чем перейти к детальной характеристике экоцида – преступления, представляющего наивысшую опасность для мира и

¹⁵⁰Белло Х. Последний шанс спасти Амазонию // Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) : [сайт]. – 22.05.2023. – URL: <https://www.unep.org/ru/novosti-i-istorii/blog/posledniy-shans-spasti-amazoniyu> (дата обращения: 26.01.2025).

устойчивого развития человечества, необходимо рассмотреть общий контекст – современное состояние экологической преступности в мире и в России, которая перестала быть маргинальным феноменом, превратившись в высокодоходный сектор организованной и корпоративной преступности, тесно переплетенной с коррупцией.

Прежде всего следует отметить, что экологические преступления часто носят транснациональный и межкриминальный характер. Они стали третьей по прибыльности отраслью для организованных преступных группировок, принося преступникам в странах Европы до 280 миллиардов долларов США в год¹⁵¹. Исследование экопреступности сегодня – это не сугубо юридическая задача, а междисциплинарная необходимость, лежащая на стыке криминологии, экологии, экономики и политики и направленная на поиск механизмов защиты планеты Земля.

Криминологическое понимание экологической преступности прошло значительную эволюцию – от вспомогательного раздела традиционной криминологии, изучающего конкретные составы преступлений, до формирования самостоятельной междисциплинарной отрасли знания – «зеленой» криминологии (green criminology).

Сегодня в России сформировалась устойчивая научная школа, исследующая экологическую преступность с позиций уголовного права, криминологии и смежных дисциплин. Современные тенденции связаны с переходом от узконормативного анализа к изучению системных причин, связи с коррупцией и организованной преступностью, а также с осмыслением глобального контекста и идей «зеленой» криминологии. Разработкой проблем экологической преступности занимается широкий круг ученых из различных областей знания: криминологии, уголовного права, экологического права, социологии: Г.Н. Борзенков, С.В. Векленко, Б.В. Волженкин, О.Л. Дубовик, Э.Н. Жевлаков, А.И. Коробеев, А.П. Кузнецов,

¹⁵¹Kihlberg M. Op. cit. – P. 267.

Н.И. Кузнецова, Н.Ф. Кузнецовой, Н.А. Лопашенко, Ю.А. Тимошенко, О.Н. Яницкий и многие другие российские учёные.

Как справедливо указывает Ю.А. Тимошенко, причинный комплекс, который порождает экологическую преступность, многогранен и во многом он зависит от вида экологического преступления, а также субъекта, его совершающего¹⁵².

Проанализируем эту эволюцию, выявить ключевые этапы и охарактеризовать современное понятие «экологическая преступность» через призму его криминологических признаков.

В 1996 году в УК РФ появилась новая глава 26 «Экологические преступления». Изначально она содержала 17 статей, объединяющих 35 составов преступлений. Дело в том, что до этого момента подобной главы в УК РФ не существовало – преступления против природы располагались в разных главах уголовного законодательства. В настоящее время глава содержит 19 статей, включающих 53 состава¹⁵³. Формирование и развитие главы, устанавливающей исключительно ответственность за экологические преступления, создало четкую законодательную базу для уголовно-правовой охраны окружающей среды и позволило исследователям сформулировать правовое определение экологического преступления. В научной литературе можно выделить несколько основных подходов к его трактовке.

Первая и самая значимая точка зрения использует узконормативный (уголовно-правовой) подход, который рассматривает экопреступность как совокупность деяний, ответственность за совершение которых предусмотрена главой 26 УК РФ. В науке существует достаточно много определений экологического преступления, но, с нашей точки зрения,

¹⁵² Тимошенко Ю.А. Детерминанты экологической преступности // Российский журнал правовых исследований. – 2020. – Т. 7, № 2. – С. 84–92. – DOI 10.17816/RJLS46436.

¹⁵³ Кузнецова Н.И. Новая уголовная политика в сфере обеспечения экологической безопасности // Актуальные проблемы квалификации и предупреждения экологических преступлений : Материалы всероссийского научно-практического круглого стола, Москва, 28 марта 2025 года. – Москва : Московская академия Следственного комитета, 2025. – С. 76–80.

наиболее полное определение дано С.И. Голубевым, который считает, что экологическое преступление – это общественно опасное, виновное, уголовно наказуемое деяние, которое посягает на экологическую безопасность (благоприятную окружающую среду) и влечет (или создает угрозу наступления) предусмотренные уголовным законом последствия¹⁵⁴.

Это классический, доминирующий в российской юридической практике подход определяет экологическую преступность через действующее уголовное законодательство. В этом ракурсе она понимается как совокупность предусмотренных УК РФ общественно опасных, виновных, наказуемых деяний (действий или бездействия), посягающих на общественные отношения в сфере охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов и обеспечения экологической безопасности населения. Безусловным достоинством этого подхода является его четкость, формальная определенность, непосредственная связь с правоприменительной практикой – он позволяет оперировать статистическими данными МВД РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ и анализировать динамику регистрируемых преступлений по ст. 246–262 УК РФ. Однако у него есть главный недостаток: при использовании этого метода выводы неизбежно становятся запоздалыми и не актуальными по двум основным причинам:

1. уголовный закон криминализировал уже сложившиеся и очевидные формы вреда (например, загрязнение вод), но не успевает за новыми, высокотехнологичными угрозами (генетически модифицированные организмы, геоинженерия, кибер-атаки на экологическую инфраструктуру);

2. статистика учитывает только зарегистрированные преступления и те, по которым состоялся приговор. Общеизвестно, что экологические преступления всегда представляют сложность при расследовании и

¹⁵⁴Голубев С.И. Экологическое преступление: в лабиринте определений // Lex Russica. – 2017. – № 9 (130). – С. 134–147. – DOI 10.17803/1729-5920.2017.130.9.134-147.

приговоры по ним зачастую выносятся спустя годы после совершения преступления.

Кроме того, охрана окружающей среды оказывается раздробленной между множеством или, как минимум, несколькими составами, что не отражает системного характера экологических проблем – зачастую экологические преступления являются комплексными и многообъектными посягательствами и не ограничиваются причинением вреда только земле, воде или воздуху, а уничтожение или повреждение одного вида животных или растений неизбежно влечет за собой причинение вреда экосистеме в целом.

Выявленная раздробленность уголовно-правовой охраны окружающей среды и комплексный характер экологических преступлений позволяют поставить вопрос о месте экоцида в системе экологической преступности. С одной стороны, криминологический анализ экоцида невозможен без учета общего контекста экологической преступности, для которой характерны высокая латентность, корпоративный и организованный характер, транснациональность, диффузность и отсроченность вреда. С другой стороны, экоцид не может быть полностью поглощен системой экологических преступлений (глава 26 УК РФ), поскольку его родовым объектом выступают мир и безопасность человечества, а не только окружающая среда. Экоцид занимает особое место, являясь качественно иным, более опасным уровнем посягательства, и требует самостоятельного криминологического осмысления.

Наряду с этим, текущий уровень привлечения к ответственности за совершение экологических преступлений и административных правонарушений говорит и о недостаточном уровне мониторинга и контроля за экологической ситуацией, что создает условия для их высокой латентности¹⁵⁵, который по мнению ряда ученых, составляет 95 – 99%¹⁵⁶.

¹⁵⁵ Жукова А.А. Разграничение экологических правонарушений: уголовно-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2026. – 239 с.

Очевидно, что подавляющее большинство реальных экологических нарушений не доходит до стадии уголовного дела, останавливаясь на уровне следственных проверок, административных взысканий, либо вовсе не выявляясь. Поэтому официальная статистика отражает лишь вершину айсберга. Но несмотря на критику, уголовно-правовой подход остается основным операциональным ядром для правоохранительных и судебных органов.

Вторым по значимости подходом к определению экологической преступности является рассмотрение ее через призму Концепции устойчивого развития – такого развития, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности, предложенной в 1987 году в докладе «Наше общее будущее» Международной комиссии по окружающей среде и развитию (анг. WCEN), созданной ООН в 1983 году¹⁵⁷.

Принятие в 1992 г. на Конференции ООН в Рио-де-Жанейро Декларации по окружающей среде и развитию¹⁵⁸, провозгласившей 27 основных принципов защиты окружающей среды, стало переломным моментом: устойчивое развитие защиты окружающей среды было провозглашено неотъемлемой частью процесса развития, которое не должно рассматриваться в отрыве от него и соблюдаться таким образом, чтобы адекватно удовлетворять потребности нынешнего и будущих поколений в областях развития и окружающей среды (принципы №3 и 4).

¹⁵⁶ Кузнецова Н.И. Криминологическая характеристика экологической преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 2 (74). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-ekologicheskoy-prestupnosti> (дата обращения: 07.02.2026).

¹⁵⁷ Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» : док. A/42/427 ; пер. с англ. – Женева : Организация Объединенных Наций, 1987. – 27 с. – URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 28.04.2026).

¹⁵⁸ Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию : [принята на Конференции ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г.] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/8308082> (дата обращения: 22.12.2025).

Этот подход существенно расширил временной горизонт оценки экологических преступлений. Деяние стало рассматриваться не только с точки зрения сиюминутного вреда, но и в контексте долгосрочных, часто необратимых последствий для экосферы и будущих поколений. Например, незаконная вырубка леса – это не просто хищение имущества, а утрата экосистемной услуги (производство кислорода, сохранение биоразнообразия, регулирование климата) на десятилетия вперед.

В рамках данного подхода экопреступность начинает трактоваться как деятельность, подрывающая три столпа устойчивого развития: экологический, экономический и социальный. Экологический ущерб рассматривается как прямое уничтожение или деградация природных компонентов. Экономический ущерб – хищение национальных ресурсов, подрыв легального бизнеса, затраты на ликвидацию последствий. Социальный ущерб – ухудшение здоровья населения, рост социальной напряженности в регионах с конфликтами вокруг природных ресурсов, нарушение прав местных жителей.

В российской правовой системе эти идеи нашли отражение в Указе Президента Российской Федерации от 01.04.1996 № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» и Указе Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

За прошедшие более чем 30 лет данный подход способствовал криминализации новых деяний (например, нарушение правил обращения с экологически опасными веществами и отходами) и ужесточению санкций в мировой правовой системе в целом и национальных актах стран-участниц Декларации и России в том числе.

Третьим подходом является парадигма «зеленой» криминологии (green criminology)¹⁵⁹, которая сформировалась на рубеже XX – XXI веков как новое междисциплинарное направление. Её основателями считаются М. Линч, П. Стоттс и другие ученые, которые предложили выйти за узкие рамки национального уголовного права и рассматривать экопреступность через призму причинения вреда окружающей среде, животным и человеку, независимо от формальной криминализации. Сейчас это область исследования вопросов и проблем, связанных с причинением вреда окружающей среде, а также их правового регулирования на локальном, национальном и международном уровнях: радикальное расширение границ¹⁶⁰.

На сегодняшний день ключевыми криминологическими признаками современной экопреступности являются:

1. чрезвычайно высокая латентность: это обусловлено сложностью выявления (нужны специальные знания, сложные экспертизы и т.д.), отсутствием очевидной «человеческой» жертвы, заинтересованностью властей в сокрытии нарушений для сохранения привлекательного инвестиционного климата;

2. доминирование корпоративного и организованного характера: подавляющая часть серьезного экологического вреда связана с деятельностью юридических лиц – от средних региональных предприятий до транснациональных гигантов, действующих на территории нескольких стран или в мировом океане;

3. неразрывная связь с коррупцией и «беловоротничковой» преступностью: экологические преступления часто выступают не целью, а средством для достижения экономических выгод (снижение издержек,

¹⁵⁹ Frank N.K., Lynch M.J. Corporate Crime, Corporate Violence. – Albany : Harrow and Heston, 1992. (Цит. по: Панкратова Л.С. «Зеленая» криминология // Международные процессы. – 2016. – Т. 14, № 4 (47). – С. 176–179.)

¹⁶⁰ Панкратова Л.С. «Зеленая» криминология // Международные процессы. – 2016. – Т. 14, № 4 (47). – С. 176–179.

завладение ресурсами). Они сращиваются с должностными преступлениями, мошенничеством, отмыванием денег. Чиновник, выдающий незаконное разрешение, – не менее важное звено, чем директор, отдавший преступный приказ;

4. транснациональность: многие цепочки (добыча – переработка – сбыт – утилизация отходов) пересекают границы стран, используя различия в национальных законодательствах, слабость международного или национального контроля, различия в законодательстве и т.д.;

5. диффузность и отсроченность вреда: последствия часто проявляются не сразу и на большой территории, что затрудняет установление причинно-следственной связи в уголовном процессе;

6. сложность и затратность расследования: требуется привлечение специалистов и проведение дорогостоящих экспертиз (эколого-химических, биологических, почвоведческих), что является барьером для правоохранительных органов стран с ограниченным бюджетом.

Представляется, что, за неимением большого массива статистических данных по возбуждению, расследованию и осуждению лиц, совершивших экоцид, этот краткий анализ криминологически значимых признаков экологической преступности может быть применен и к экоциду, однако с существенной оговоркой: экоцид занимает особое место, являясь качественно иным, более опасным уровнем посягательства. В отличие от традиционных экологических преступлений (гл. 26 УК РФ), которые посягают на отдельные компоненты окружающей среды (воду, воздух, землю, леса, животный мир), экоцид посягает на экологическую безопасность как элемент безопасности человечества. Родовым объектом экоцида выступают мир и безопасность человечества, что принципиально отличает его от иных экологических деликтов.

Кроме того, следует отметить, что наиболее релевантным к экоциду подходом следует считать рассмотрение его через призму Концепции

устойчивого развития как наиболее полно отражающую проблемы, возникающие в результате его совершения.

Учитывая качественное отличие экоцида от преступлений, предусмотренных главой 26 УК РФ, представляется необходимым представить его самостоятельную криминологическую характеристику, структура которой включает следующие основные элементы, каждый из которых будет детально рассмотрен в последующих параграфах настоящей главы:

1. Детерминанты экоцида (причины и условия, порождающие это преступление). Они представляют собой сложный комплекс взаимосвязанных факторов (военно-политических, экономических, коррупционных и правовых), анализ которых будет дан в § 2.2.

2. Личность преступника, совершающего экоцид. Криминологический анализ показывает, что субъектами экоцида выступают не маргинальные личности, а лица, обладающие властными полномочиями: высшее военно-политическое руководство, топ-менеджмент корпораций, коррумпированные чиновники. Подробный анализ будет дан в § 2.3.

3. Криминологическая ситуация совершения экоцида (в условиях вооруженных конфликтов или в мирное время, латентность и «псевдолатентность» экоцида) (детально в § 2.4).

4. Последствия экоцида. Последствия экоцида носят необратимый характер и проявляются на экологическом, социальном и экономическом уровнях (детально в § 2.5).

Выводы:

Криминологическое исследование экоцида сталкивается с методологической трудностью, обусловленной отсутствием официальной судебной статистики и практики привлечения к ответственности по ст. 358 УК РФ. Однако это не означает невозможности криминологического осмысления деяния: эмпирическую базу составляют исторические примеры

актов экоцида (Вьетнам, Кувейт, Амазония), материалы немногочисленных уголовных дел, а также доктринальные источники.

Выявленная раздробленность уголовно-правовой охраны окружающей среды и комплексный характер экологических преступлений (многообъектность, системность вреда, высокая латентность 95–99%) позволяют поставить вопрос о месте экоцида в системе экологической преступности. С одной стороны, его криминологический анализ невозможен без учета общего контекста экопреступности (латентность, корпоративный и организованный характер, транснациональность, диффузность и отсроченность вреда). С другой стороны, экоцид не может быть полностью поглощен системой экологических преступлений (глава 26 УК РФ), поскольку его родовым объектом выступают мир и безопасность человечества, а не только окружающая среда.

Наиболее релевантным теоретическим методом для анализа экоцида выступает концепция устойчивого развития, позволяющая учитывать долгосрочные последствия для будущих поколений и оценивать ущерб не только в экологическом, но и в экономическом и социальном измерениях.

Самостоятельная криминологическая характеристика экоцида должна включать следующие элементы: детерминанты совершения преступления; личность преступника; криминологическую ситуацию (вооруженный конфликт или мирное время); латентность; последствия экоцида. Каждый из этих элементов будет детально раскрыт в последующих параграфах главы 2.

§ 2.2. Детерминанты экоцида: военно-политические, экономические, коррупционные и правовые факторы

В ряду этих детерминант одними из наиболее значимых выступают военно-политические факторы – они не только создают условия для совершения преступления, но и формируют специфическую мотивацию лиц, принимающих такие решения. Исторически экоцид всегда был связан с военными конфликтами и зачастую выступал как предельная форма

применения тактики «выжженной земли»¹⁶¹, которая могла заключаться в уничтожении лесных массивов, служащих укрытием для вооруженных формирований, разрушении сельскохозяйственной базы для подрыва продовольственной безопасности, загрязнении водных источников для лишения противника доступа к питьевой воде, создании зон экологического бедствия для затруднения передвижения войск и гражданского населения, а также иные действия в зависимости от целей и имеющихся в арсенале враждующих сторон средств.

В современных условиях стратегия «выжженной земли» реализуется с использованием технологических возможностей, многократно усиливающих ее разрушительный потенциал. Важно подчеркнуть, что в отличие от обычных военных действий, где ущерб окружающей среде является побочным следствием, стратегия «выжженной земли» делает экологическое разрушение самоцелью или основным средством достижения военных целей.

Другую значимую категорию военно-политических факторов экоцида составляет уничтожение инфраструктурных объектов, разрушение которых влечет катастрофические экологические последствия. Атаки Вооруженных сил Украины на Запорожскую АЭС – наиболее яркий современный пример такого рода¹⁶². Поражение промышленных, гидротехнических и атомных объектов в ходе военных действий способно вызвать экологическую катастрофу, сопоставимую с применением оружия массового поражения. Несмотря на осознание рисков, военная целесообразность часто перевешивает экологические соображения.

Выявленная закономерность позволяет говорить о феномене, который можно обозначить как «политически мотивированная латентность» экоцида. В отличие от классической латентности, обусловленной отсроченностью и сложностью выявления вреда (например, при «мирном» экоциде, где

¹⁶¹Геворкян С.Г., Геворкян И.С. Указ. соч.

¹⁶² Черных С. Запорожская АЭС в 2025 году 23 раза подверглась атакам ВСУ // Комсомольская правда : [сайт]. – 30.01.2026. – URL: <https://www.zap.kp.ru/daily/27756.5/5203410/> (дата обращения: 14.02.2026).

последствия растянуты во времени), в условиях вооруженных конфликтов экологические разрушения часто носят очевидный, масштабный и немедленно фиксируемый характер (как в случае с распылением «Агента Оранж» во Вьетнаме или поджогом нефтяных скважин в Кувейте). Тем не менее, правовая реакция на эти деяния отсутствует. Причина – не в объективной сложности доказывания, а в субъективных факторах: юрисдикционный иммунитет лиц, принимающих решения, отсутствие политической воли, неэффективность механизмов международного правосудия. Это позволяет говорить об особой «сознательной» форме латентности, где преступление очевидно, но наказание не наступает.

Мотивация «мирного» экоцида – чисто экономическая: жажда прибыли, минимизация издержек, захват ресурсов. В отличие от военных факторов, экономические детерминанты создают системный фон многолетней экологической деградации, основанный на противоречии между стремлением к максимальной прибыли и ограниченностью природных ресурсов. В погоне за ростом государства и корпорации игнорируют экологические ограничения, что в итоге приводит к деградации окружающей среды. Однако эксплуатация природы никогда не существует в вакууме – она всегда нацелена на конкретные территории и оборачивается страданиями конкретных людей. Наиболее последовательно эта связь раскрывается в теории «расового капитализма»^{163 164 165} (racial capitalism), согласно которой капиталистическая эксплуатация природных ресурсов неразрывно связана с эксплуатацией определенных человеческих сообществ, рассматриваемых как «менее ценные» или «второсортные». В результате система глобальной

¹⁶³Го Д. Три неувязки в теории расового капитализма // Социологические исследования. – 2021. – № 6. – С. 14–23. – DOI 10.31857/S013216250014684-5.

¹⁶⁴Шулико Г. Седрик Робинсон и антропология «чёрного марксизма» // Философская антропология. – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 126–134. – DOI 10.21146/2414-3715-2021-7-2-126-134.

¹⁶⁵Dantzler P., Hackworth J. Racial Capitalism and the Propaganda of Conservative Economics // Journal of Black Studies. – 2025. – Vol. 0, No. 0. – DOI: 10.1177/00219347251350966. – URL: <https://cgsp-cpsm.ca/article/racial-capitalism-and-the-propaganda-of-conservative-economics/> (дата обращения: 14.02.2026).

торговли создает иерархию территорий, где здоровье и благополучие населения менее развитых стран приносится в жертву интересам потребления и прибыли более развитых государств.

Ярким примером такой политики можно назвать так называемый «мусорный капитализм», когда развитые страны (США, Евросоюз, Япония, Великобритания) на протяжении десятилетий экспортировали свои отходы (прежде всего пластик), поскольку из-за более низкой стоимости рабочей силы гораздо дешевле было отправлять отходы за океан, чем перерабатывать их у себя¹⁶⁶. До 2017 года Китай импортировал до 95% пластика, собранного в Европейском союзе, и 70% пластика, собранного в США. После введения КНР программы «Национальный меч» по борьбе с отходами большие объемы пластиковых отходов были перенаправлены в страны Южной и Юго-Восточной Азии¹⁶⁷.

Практика эконоцида тесно связана с неокOLONиальным разграблением природных ресурсов стран со слабым экологическим законодательством и коррумпированными правительствами. Например, почти 9% общей площади пахотных земель Африки с 2000 года сменили владельцев в результате крупномасштабных приобретений в Конго, Судане, Мозамбике, Эфиопии и Сьерра-Леоне. При этом скупают самые плодородные земли в густонаселённых районах с доступом к воде, на 90 % которых выращивают биотопливо, корма и товарные культуры (кофе, чай, табак), идущие на экспорт. Результатом таких действий становится голод среди местного населения и обнищание местных общин¹⁶⁸. Кроме того, Африка владеет 75% мировых запасов кобальта, 68% марганца и 59% графита. Однако эти

¹⁶⁶Tracing ‘waste colonialism’ in Southeast Asia // Global Voices : [сайт]. – 01.09.2025. – URL: <https://globalvoices.org/2025/09/01/tracing-waste-colonialism-in-southeast-asia/> (дата обращения: 14.02.2026).

¹⁶⁷Саламатов В.Ю., Аронов И.З., Рыбакова А.М. Международная торговля циркулярными товарами: обзор // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnaya-torgovlya-tsirkulyarnymi-tovarami-obzor> (дата обращения: 22.02.2026).

¹⁶⁸ Land Grabbing // Global Agriculture : [сайт]. – 15.03.2025. – URL: <https://www.globalagriculture.org/topics/land-grabbing/> (дата обращения: 14.02.2026).

ресурсы рискуют повторить колониальную историю: в результате действий транснациональных корпораций добыча обходит стороной местные экономики – сырая руда покидает африканские порты, а местное население остается без работы и каких-либо перспектив на будущее¹⁶⁹.

Одним из самых опасных криминологических факторов для совершения экоцида является лоббирование интересов добывающих корпораций (нефтегазовых, горнорудных, лесопромышленных и т. д.), которые обладают значительным экономическим и политическим влиянием, позволяющим им отстаивать свои интересы на всех уровнях власти. Это лоббирование может принимать различные формы: от легального участия в законотворческом процессе до прямого подкупа должностных лиц. В результате лоббистских усилий принимаются законы, ослабляющие экологические требования, снижающие ответственность за нарушения и затрудняющие доступ граждан к правосудию по экологическим вопросам.

Несмотря на то, что лоббизм часто окружен ореолом «тайных технологий» и воспринимается неоднозначно, сама по себе эта деятельность является законным инструментом политического участия. Она служит каналом связи между обществом и властью: позволяет группам интересов доносить свои позиции до государства, а органам власти – лучше понимать последствия, альтернативы и компромиссы при принятии решений.

Однако важно различать лоббизм и коррупцию. Под коррупционным лоббизмом предлагается понимать использование уголовно и административно наказуемых методов давления на органы государственной власти и их должностных лиц для отстаивания незаконных интересов¹⁷⁰. Тем не менее, во многих странах мира, особенно с сильной экономикой, лоббистская деятельность очень развита. Примером такого коррупционного

¹⁶⁹Как энергетический переход Африки может разорвать «ресурсное проклятие» // World Economic Forum : [сайт]. – 03.11.2025. – URL: <https://www.weforum.org/stories/2025/11/africa-energy-transition-resource-curse/> (дата обращения: 14.02.2026).

¹⁷⁰Колосова Н.М. Лоббизм и коррупция // Журнал российского права. – 2014. – № 2 (206). – С. 53–59. – DOI 10.12737/2238.

лоббирования, балансирующего между законом и коррупцией, является деятельность французской энергетической корпорации «Elf Aquitaine» (в 2000 г. вошла в «Total S.A.»), созданной во второй половине XX века для разработки нефтяных месторождений в Африке. Попутно с добычей нефти компания финансировала предвыборные кампании, военные поставки и меняла правительства в Конго и Заире, Габоне и Камеруне, формируя тем самым коррумпированные властные элиты, которые обеспечивали французским энергетическим гигантам фактически неограниченный доступ к стратегическим природным ресурсам этих стран¹⁷¹. В начале 2000-х годов во Франции состоялся целый ряд громких судебных процессов, в том числе по данным фактам.

Следует отметить, что, если коррупционный лоббизм создаёт благоприятную среду для эгоизма, то непосредственное «прикрытие» нарушений обеспечивается на уровне исполнительной власти: попустительство контролирующих органов является прямым следствием коррупции и административного давления. Сотрудники природоохранных ведомств нередко закрывают глаза на нарушения, «не замечают» очевидных фактов загрязнения, затягивают проведение проверок или выносят формальные решения, не влекущие реальной ответственности. В условиях, когда контролирующие органы не выполняют свои функции, у потенциальных нарушителей формируется убеждение в безнаказанности, что является мощным криминогенным фактором. Как справедливо отмечает И.В. Тишутина, «создание эффективной системы контроля за поведением людей

¹⁷¹См.: Филиппов В.Р. «Франсафрик» и этика в международных отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т. 17, № 2. – С. 402–415. – DOI 10.22363/2313-0660-2017-17-2-402-415; Филиппов В.Р. «Франсафрик» и французский неокOLONиализм // Ученые записки Института Африки РАН. – 2021. – № 4 (57). – С. 13–27. – URL: <https://africajournal.ru/assets/files/2021.4/2021-4-13-27.pdf> (дата обращения: 27.02.2026); Филиппов В.Р. Политика Франции в Камеруне // Политика и общество. – 2015. – № 4 (124). – С. 531–542. – DOI 10.7256/1812-8696.2015.4.14955; Филиппов В.Р. Политика Франции в Габоне // Право и политика. – 2016. – № 1. – С. 71–82. – DOI 10.7256/1811-9018.2016.1.16066.

позволит своевременно защитить их от преступных посягательств»¹⁷². Применительно к экоциду это означает, что без создания работающей системы выявления, расследования и пресечения данного вида преступлений любые законодательные запреты останутся декларативными, а латентность экоцида – предельно высокой. Если экономический субъект может сэкономить на природоохранных мероприятиях, не опасаясь санкций, вероятность нарушения экологического законодательства резко возрастает.

Однако дело не только в том, что контролирующие органы закрывают глаза на нарушения. Если норма права сформулирована размыто, если ключевые понятия не имеют легальных определений, у правоприменителя просто нет инструментов для привлечения виновных к ответственности, а у нарушителей появляется дополнительный повод чувствовать себя в безопасности. В этой связи принципиально важно подчеркнуть, что мировой опыт противодействия преступности, современные уголовно-правовые и криминологические реалии свидетельствуют о недостаточности одних лишь карательных мер для эффективного противодействия преступности¹⁷³

Как справедливо отмечает Ю. А. Тимошенко: «недостатки законодательной регламентации уголовной ответственности за экологические, а также смежные с ними преступления способствуют снижению эффективности противодействия противоправным посягательствам на окружающую среду и росту латентности данных уголовно наказуемых деяний»¹⁷⁴.

¹⁷² Тишутина И.В. К вопросу о социально-правовом контроле над организованной преступностью // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 1. – С. 162–163.

¹⁷³ Дворянсков И.В. Наказание: смена парадигмы // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : Материалы Всероссийской научно-практической конференции (к 145-летию со дня образования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации), Томск, 25–26 апреля 2024 года. – Томск, 2024. – С. 15.

¹⁷⁴ Тимошенко Ю.А. Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления: проблемы теории и практики : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук. – 2019. – 537 с.

Для экоцида это особенно актуально: несовершенство законодательных формулировок и отсутствие значимой практики, в том числе и в мировой правовой системе, создает препятствия для эффективного применения норм об ответственности за экоцид. Для темы нашей работы значимым является отсутствие ключевых понятий состава экоцида – «массовое уничтожение», «экологическая катастрофа», «иные действия», которые являются оценочными и не имеют легальных определений. Здесь следует отметить, и другую сторону этой проблемы: четкое определение формулировок – это хорошо, но, к сожалению, не всегда оправдано. Так, например, при определении критерия «массовости» сделать это практически невозможно (если умерло 5 тысяч животных – это массовость, а 4800 – нет?) и разумнее использовать все же оценочные понятия. Однако, как справедливо отмечают известные ученые-правоведы А. В. Наумов и Ю. А. Тимошенко, прибегать к таким признакам следует только в исключительных случаях, не допуская при выборе конкретного термина и способа его изложения нарушений языковых правил законодательной техники¹⁷⁵.

Еще одной серьезной проблемой является отсутствие методик расследования и расчет ущерба от экоцида.

В отличие от «традиционных» преступлений, для которых разработаны детальные методики расследования (убийств, краж, экономических преступлений), для экоцида таких методик не существует. Следователи вынуждены импровизировать, опираясь на общие положения уголовно-процессуального закона и опыт расследования экологических преступлений, который, однако, не вполне применим к экоциду из-за масштабов и специфики.

Отсутствие методики проявляется в неопределенности по ряду ключевых вопросов:

¹⁷⁵Тимошенко Ю.А. Юридические конструкции составов экологических преступлений как средство законодательной техники // Юристъ-Правоведъ. – 2015. – № 6 (73). – С. 15–22.

- как фиксировать и документировать масштабный экологический ущерб;
- какие экспертизы назначать и в какой последовательности;
- как устанавливать причинно-следственную связь между действиями конкретных лиц и наступившими последствиями;
- как оценивать необратимость изменений и квалифицировать их как экологическую катастрофу.

При отсутствии специальных методик расследования экоцида ориентиром могут служить лишь методики расследования экологических преступлений (глава 26 УК РФ). Однако их применение к экоциду требует существенной адаптации, поскольку они ориентированы на локальные правонарушения с относительно небольшим радиусом действия и ограниченным кругом участников. Экоцид же, как правило, носит масштабный характер, затрагивает огромные территории и множество людей, совершается сложными организационными структурами. Так, совершенно очевидно, что при расследовании экоцида необходимо учитывать следующие особенности:

- масштаб: территория поражения может исчисляться тысячами квадратных километров;
- временной фактор: последствия могут проявляться спустя длительное время;
- трансграничность: ущерб может выходить за пределы национальной юрисдикции;
- множественность субъектов: в цепочке принятия решений участвует множество лиц, включая высшее руководство;
- сложность доказывания умысла: необходимо установить, что действия были сознательными и умышленными, а не явились результатом небрежности или стечения обстоятельств, или имели другую цель.

Однако главная трудность заключается даже не в отсутствии готовых методик, а в самой природе экоцида как преступления. Традиционные

подходы к доказыванию, ориентированные на локальные и очевидные последствия, здесь не работают в том числе, потому что проблемы расследования экоцида в значительной степени определены несовершенством законодательной формулы, оперирующей терминами, чуждыми предмету регулирования уголовного права: «массовость», «растительный мир», «животный мир», «экологическая катастрофа» и другие. Это создает непреодолимые сложности для правоприменителя и требует принципиально иного подхода, учитывающего его особенности как преступления против мира и безопасности человечества.

Новый подход к расследованию требует и новых инструментов. На смену традиционным следственным действиям приходят сложные междисциплинарные исследования. Расследование экоцида требует привлечения специалистов из различных областей знания: экологии, биологии, химии, гидрологии, почвоведения, медицины. Необходимо проведение сложных и дорогостоящих экспертиз для установления факта загрязнения, определения его масштабов и оценки последствий. Правоохранительные органы не всегда располагают ресурсами для проведения таких масштабных исследований, что создает дополнительные препятствия для расследования. Методика расследования экоцидов не разработана, поэтому практические работники не имеют возможности полноценно использовать криминалистические достижения в области методики расследования таких преступлений ¹⁷⁶.

Вторая сложность – расчет ущерба. Безусловно, в России и мире существуют методики оценки вреда отдельным компонентам окружающей среды (водным объектам, почвам, атмосферному воздуху, лесным и биологическим ресурсам) и при расследовании экоцида их можно и нужно использовать, но они не учитывают системного характера последствий экоцида, не позволяют оценить ущерб экосистемам в целом и определить

¹⁷⁶ Васильева М.А. К вопросу о создании методики расследования экоцидов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 6. – С. 156-160

степень потери биоразнообразия. Как следствие, даже если факт экоцида будет установлен, неизбежно возникнет проблема исчисления причиненного ущерба, которая может быть решена только в ходе комплексных экспертиз.

Другой, немаловажной проблемой при расследовании актов экоцида может стать проблема сбора, исследования и оценки доказательств причиненного ущерба и установление причинно-следственной связи между самим событием (актом экоцида) и наступившими последствиями.

Основными факторами здесь выступают:

1. Временной разрыв между деянием и последствиями. Последствия экоцида могут проявиться не сразу, а спустя годы или даже десятилетия. За это время утрачиваются доказательства, меняются обстоятельства, затрудняется установление виновных, свидетели могут отсутствовать, а виновные лица могут находиться вне юрисдикции или даже умереть.

2. Множественность факторов, влияющих на состояние окружающей среды. Не требует доказательств тот факт, что экологические системы подвержены воздействию очень разнообразных, зачастую непредсказуемых или внезапно наступающих природных и антропогенных факторов, что затрудняет выделение вклада конкретного деяния в общий ущерб.

3. Трансграничный характер последствий. Экологический ущерб не признает государственных границ, что создает юрисдикционные проблемы и требует международного сотрудничества в расследовании.

Таким образом, расследование экоцида столкнется со сложностями не только методологического характера, но и юрисдикционными проблемами совместимости правовых систем разных государств, оказавшихся в зоне экологической катастрофы.

Представляется, что все же ситуация с расследованием актов экоцида не является тупиковой и может быть решена за счет следующего комплекса мер:

1. Создания следственных групп из специалистов различных отраслей знаний;
2. Сбора и анализа доказательств совершения экоцида;
3. Назначения и проведения комплексных экспертиз;
4. Привлечения к расследованию дел специалистов и экспертов в области экологии и смежных с ней наук;
5. Адаптации методик расчета ущерба за экологические преступления к расчету ущерба за экоцид;
6. В случае причинения ущерба на территории нескольких государств – тесное международное сотрудничество.

Предложенный комплекс мер, включающий создание междисциплинарных следственных групп, проведение комплексных экспертиз, адаптацию методик расчета ущерба и международное сотрудничество, способен преодолеть существующие трудности расследования экоцида. Как справедливо отмечает И.М. Мацкевич, борьба с организованной преступностью и коррупцией невозможна без всестороннего международного сотрудничества¹⁷⁷. Данный тезис в полной мере применим и к экоциду, который, будучи по своей природе транснациональным преступлением, требует координации усилий разных государств по его выявлению, расследованию и пресечению. Однако эффективная реализация такого сотрудничества требует не только организационных и финансовых усилий, но и политической воли государств, а также дальнейшего совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства — в том числе легального определения оценочных понятий «массовость», «экологическая катастрофа» и «иные действия».

Выводы:

¹⁷⁷ Мацкевич И.М., Мацкевич О.В. Организованная преступность и коррупция: что нового? // Анतिकоррупционная безопасность: выявление угроз и стратегия обеспечения : сборник научных статей по итогам V Сибирского антикоррупционного форума, Красноярск, 19–20 декабря 2020 года / ответственные редакторы И.А. Дамм, Е.А. Акунченко. — Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2020. — С. 136–144.

По сфере совершения экоцид подразделяется на два типа: военный (тактика «выжженной земли», удары по инфраструктурным объектам, применение экологического оружия) и мирный (экономический), детерминированный стремлением к максимизации прибыли, минимизации издержек и захвату ресурсов.

Детерминанты экоцида включают три группы взаимосвязанных факторов, а также самостоятельные правовые проблемы. Военно-политические факторы создают условия для катастрофических экологических разрушений в период вооруженных конфликтов. Экономические факторы («расовый капитализм», «мусорный колониализм») формируют системный фон многолетней деградации в мирное время. Коррупционные факторы (лоббизм, попустительство контролирующих органов) обеспечивают среду безнаказанности. Правовые детерминанты – отсутствие легальных определений понятий «массовость», «экологическая катастрофа», «иные действия», а также методик расследования и расчета ущерба – создают препятствия для правоприменения и формируют у нарушителей убеждение в безнаказанности.

В отличие от классической латентности, обусловленной отсроченностью и сложностью выявления вреда (характерной для «мирного» экоцида), для военного экоцида характерна особая форма — «сознательная» или «политически мотивированная» латентность: масштабные экологические разрушения очевидны, однако правовая реакция отсутствует из-за юрисдикционного иммунитета лиц, принимающих решения, отсутствия политической воли и неэффективности международных механизмов привлечения к ответственности.

Расследование экоцида сталкивается с комплексом проблем: масштабность, временной разрыв между деянием и последствиями, трансграничность ущерба, множественность субъектов, сложность доказывания умысла, отсутствие специальных методик и необходимость проведения дорогостоящих междисциплинарных экспертиз.

Эффективное противодействие экоциду требует комплексного подхода: создания междисциплинарных следственных групп, проведения комплексных экспертиз, адаптации методик расчета ущерба, международного сотрудничества, а также политической воли и совершенствования законодательства (легальное определение оценочных понятий).

§ 2.3. Криминологическая характеристика лица, совершающего экоцид.

Проведенный в предыдущих параграфах анализ детерминант, исторических проявлений и уголовно-правовых аспектов экоцида неизбежно подводит к одному из главных вопросов настоящего исследования: кто совершает экоцид? Ответ имеет не только теоретическое, но и важнейшее практическое значение, поскольку определение характерных черт личности преступника является необходимым условием для разработки эффективных мер выявления, расследования и профилактики экоцида.

Как справедливо отмечается в научной литературе, личность виновного представляет одну из наиболее сложных и в то же время имеющих весьма важное практическое значение уголовно-правовых и криминологических проблем. Несмотря на то, что ее изучению было посвящено значительное количество научных трудов, она не утрачивает своей актуальности и в настоящее время. Обусловлено это, главным образом, крайне важным, решающим значением личности виновного для индивидуализации уголовной ответственности и наказания¹⁷⁸.

Дискуссия о личности и субъекте экоцида ведется криминологами и специалистами в области уголовного права достаточно давно – фактически с момента принятия в 1997 году УК РФ. Однако самостоятельных научных работ по этой теме в российском уголовном праве и криминологии нет – все исследования так или иначе затрагивают вопрос личности субъекта экоцида,

¹⁷⁸ Прохорова М.Л., Полтавец В.В. Личность виновного в системе общих начал назначения наказания // Общество и право. — 2016. — № 3 (57). — С. 62–68.

но преимущественно с точки зрения уголовно-правовой характеристики и ограничиваются констатацией факта, что субъектом экоцида является вменяемое, физическое лицо, достигшее 16 лет. Кроме того, высказываются точки зрения, что субъектом экоцида может быть юридическое лицо. Однако в силу имеющихся конструкций норм российского уголовного права на сегодняшний день эти размышления относятся к области теории, но не практики.

В международном праве точка зрения на субъект экоцида разная, с достаточно большим разбросом – от вменяемого физического лица, достигшего 16 лет (в государствах постсоветского пространства, принявших свои уголовные законы на основе МУК СНГ) до уголовной ответственности юридических лиц (корпораций). В некоторых случаях среди учёных высказывается мнение о необходимости привлечения к уголовной ответственности государств. Однако, совершенно очевидно, что это невозможно – даже если применить меры уголовной ответственности, действующие для юридических лиц в некоторых государствах, и взять такие специфичные способы привлечения к ответственности, как ликвидация или проведение мероприятий по обучению персонала, то к государствам это неприменимо: нельзя приговорить государство к ликвидации или принудительному проведению тех или иных мероприятий. Государство может быть подвергнуто лишь политическому или моральному осуждению. Применить меры экономического характера, введя санкции и принуждая государство к прекращению некоторых видов деятельности, можно. Но ликвидировать страну или привлечь к иным формам уголовного наказания – безусловно нельзя.

Взяв за основу разработки российских и зарубежных ученых, а также, хоть и небольшую, но все же имеющуюся нормативную базу и вооружившись историческими примерами, попробуем исследовать вопрос криминологической характеристики лица, совершающего акты экоцида, а также действия, сопоставимые с ним.

Представляется, что начать необходимо с того, что ст. 358 УК РФ находится в главе, предусматривающей ответственность за совершение преступлений против мира и безопасности человечества. Соответственно, специфика личности лица, совершающего экоцид, определяется самой природой этого преступления. В отличие от общеуголовных преступлений, где субъект зачастую принадлежит к маргинальным слоям населения, совершить массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов в масштабах, способных вызвать экологическую катастрофу, невозможно без обладания определенными властными возможностями, техническими средствами и организационными ресурсами. Характер преступления говорит о том, что субъектом экоцида с большей степенью вероятности могут являться лица, обладающие значительными властными полномочиями: занимающие госдолжности, должностные лица вооруженных сил, политические лидеры и др.

Анализ исторических корней понятия и эволюции представлений о субъекте экоцида показывает, что современное понимание личности эко-преступника берет своё начало в событиях войны во Вьетнаме. Именно тогда, в 1970 году, американский биолог Артур Гальстон (Arthur Galston) впервые употребил термин «экоцид» на конференции в Вашингтоне, чтобы охарактеризовать действия собственного правительства, распылявшего над джунглями «Эйджент оранж». Гальстон и его коллеги-ученые первыми указали на то, что за масштабным уничтожением экосистем стоят не абстрактные обстоятельства войны, а сознательные решения высшего военно-политического руководства США. Они подчеркивали, что «эта экологическая война велась без какого-либо широкого анализа вопроса о том, может ли какая-либо причина юридически или морально оправдать

преднамеренное уничтожение окружающей среды одной страны другой»¹⁷⁹. На проблему экоцида, выступая на Конференции ООН по окружающей среде в Стокгольме в 1972 году, обратил внимание премьер-министр Швеции Олаф Пальме. В своей обличительной речи политик обвинил США в негативных последствиях природной катастрофы для жителей Вьетнама и существующей там природной среды¹⁸⁰, проводя тем самым параллель с геноцидом и указывая на преступный характер действий лидеров государства.

Таким образом, уже на этапе зарождения концепции в центре внимания оказались не рядовые исполнители, а лица, принимающие решения (decision-makers). Эта идея получила развитие в трудах профессора Принстонского университета Ричарда Фалька (Richard Falk) который в 1973 году опубликовал проект международной Конвенции о преступлении экоцида (Draft Convention on the Crime of Ecocide)¹⁸¹. В качестве субъектов преступления экоцида документ определял высших государственных должностных лиц, государственных служащих, военачальников, а также частных лиц, ответственных за совершение действий, составляющих преступление экоцида¹⁸². Конвенция так и осталась в статусе проекта и принята не была, но она стала основой для идеи о необходимости введения ответственности за экоцид. В контексте настоящего исследования в работах И. Фалька впервые был озвучен тезис о специальном субъекте экоцида.

Значительный вклад в развитие идеи ответственности за экоцид внес австралийский юрист международник Марк Алан Грей, опубликовавший в

¹⁷⁹ Hay A. The Origins of Ecocide // Seeing the Woods : [сайт]. – 03.04.2013. – URL: <https://seeingthewoods.org/2013/04/03/the-origins-of-ecocide/> (дата обращения: 22.02.2026).

¹⁸⁰ Дятлова А.В. Экоцид как международное преступление // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 1А. – С. 382–388.

¹⁸¹ Falk R.A. Environmental warfare and ecocide facts, appraisal and proposals // Belgian Review of International Law. – 1973. – Vol. 9. – P. 1–27.

¹⁸² Лобач Д.В., Углова Е.А. Перспективы криминализации экоцида в практике международных отношений // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2022. – Т. 24, № 4. – С. 136–148.

1996 году свою работу «Международное преступление экоцида»¹⁸³, в которой дал определение понятию экоцида, сформулировал принцип «загрязнитель платит», обосновал, что в качестве субъекта этого преступления, совершенного как в военное, так и в мирное время, следует привлекать граждан и юридических лиц и обосновал формы умысла при совершении экоцида следующим образом: «Действие или бездействие может быть умышленным, например, преднамеренное уничтожение среды обитания исчезающих видов или незаконное использование дрейфтерных сетей, или бездействие для их предотвращения; совершенным с косвенным умыслом (reckless), например, эксплуатация ресурсов или предоставление кредитов на развитие без учета известного или предвидимого риска уничтожения; или небрежным (negligent), например, осуществление неуместных проектов развития или ненадлежащее регулирование застройки. Даже если это законно по национальному праву, действие или бездействие представляет собой нарушение обязанности проявлять заботу (duty of care), возложенной на человечество в целом и вытекающей из договора, обычного международного права или иного общепризнанного международного обязательства»¹⁸⁴.

Исторические примеры актов экоцида служат бесспорным подтверждением тезисов А. Грея.

Так, решение о применении «Агента Орандж» во Вьетнаме санкционировал в августе 1961 года президент США Джон Кеннеди¹⁸⁵. Приказ о поджоге нефтяных скважин в Кувейте был отдан лично президентом Ирака Саддамом Хусейном¹⁸⁶. Массовая вырубка лесов Амазонии стала возможной благодаря целенаправленной государственной

¹⁸³Gray M.A. The International Crime of Ecocide // California Western International Law Journal. – 1996. – Vol. 26, No. 2. – Art. 3. – P. 215–276.

¹⁸⁴Доклад ELI об экоциде: Модельные правила для Директивы ЕС и Решения Совета / Европейский институт права. – Вена : Европейский институт права, 2023. – 49 с. – URL: https://www.europeanlawinstitute.eu/fileadmin/user_upload/p_eli/Publications/ELI_Report_on_Ecocide.pdf (дата обращения: 23.02.2026).

¹⁸⁵Животова П. Указ. соч.

¹⁸⁶«Не мог молчать»: как Саддам напал на Кувейт // Газета.Ru : [сайт]. – 02.08.2020. – URL: https://www.gazeta.ru/science/2020/08/02_a_13174699.shtml (дата обращения: 23.02.2026).

политике, проводимой президентами Бразилии в рамках экономического развития¹⁸⁷, особенно активно – Президентом Жаиром Болсонару¹⁸⁸. Во всех этих случаях за масштабным экологическим вредом стоят лица, облеченные властью и принимающие судьбоносные решения.

Таким образом, мы приходим к выводу, что криминологический портрет лица, совершающего экоцид, должен описывать не абстрактного «общего субъекта», а конкретные социальные типы, обладающие реальной властью и возможностью влиять на масштабные процессы.

Обобщая исторический материал и современные тенденции, представляется, возможным выделить несколько устойчивых типов личности, чьи действия могут быть квалифицированы как экоцид.

1. Военно-политический руководитель. Это исторически первый и наиболее ярко выраженный тип. К нему относятся главы государств, высшее военное командование, политическое руководство, отдающее приказы о ведении военных действий способами, заведомо ведущими к масштабному уничтожению окружающей среды.

В его мотивации доминирует военно-политическая целесообразность – стремление достичь победы любой ценой, лишить противника ресурсов и укрытий, сломить его волю к сопротивлению. Уничтожение природы выступает здесь не самоцелью, а инструментом достижения военных целей, крайней формой тактики «выжженной земли». Историческими примерами здесь могут служить:

– Президенты США Джон Кеннеди, санкционировавший программу «Рэнч Хэнд» (Operation Ranch Hand) в 1961 году, Линдон Бэйнс Джонсон,

¹⁸⁷Venkat R. Ecocide: Can The International Criminal Court Hold Polluters Accountable For Mass Environmental Destruction? // Vermont Journal of Environmental Law : [сайт]. – 2021. – URL: <https://vjel.vermontlaw.edu/top-ten/2021/12/ecocide-can-the-international-criminal-court-hold-polluters-accountable-for-mass-environmental-destruction/> (дата обращения: 23.02.2026).

¹⁸⁸Окружающая среда и национальный суверенитет – Бразилия под угрозами // Журнал «Международная жизнь» : [сайт]. – 2020. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2414> (дата обращения: 25.02.2026).

финансировавший ее, и Ричард Никсон, в период президенства которого война во Вьетнаме завершилась в 1973 году выводом войск;

- Президент Ирака Саддам Хусейн, отдавший в январе 1991 года приказ о поджоге более 700 нефтяных скважин и сбросе нефти в Персидский залив;

- Высшее военно-политическое руководство Израиля по приказам, которого в ходе военных действий в секторе Газа (с 2023 г.) наносятся удары по объектам инфраструктуры, включая водозаборные скважины и очистные сооружения.

Для данного типа характерны прагматизм, готовность идти на колоссальные риски ради достижения поставленных задач, а также убежденность в том, что военная необходимость оправдывает любые средства. Осознание экологических последствий либо вытесняется, либо рассматривается как неизбежная, но приемлемая плата за победу.

Основной сложностью для привлечения к ответственности лиц данного типа является их юрисдикционный иммунитет и действие политических факторов. Как показала практика МУС, привлечение действующих или даже бывших глав государств к ответственности за преступления, связанные с ущербом окружающей среде, сталкивается с практически непреодолимыми политическими препятствиями.

2. Корпоративный менеджер (бизнес-ориентированный тип). Данный тип является системообразующим для экоцида, совершаемого в мирное время в ходе хозяйственной деятельности. К нему относятся:

- руководители горнодобывающих предприятий, игнорирующие экологические стандарты и сбрасывающие отходы в водные объекты;

- топ-менеджмент нефтегазовых компаний, экономящий на природоохранных мероприятиях и допускающий катастрофические разливы нефти;

- владельцы лесопромышленных комплексов, осуществляющие хищническую вырубку лесов с нарушением всех экологических норм;

– руководители предприятий, осуществляющие переработку отходов с грубым игнорированием экологических стандартов.

Как правило, это мужчины среднего возраста (35–60 лет) с высшим образованием, высоким доходом, устойчивым социальным положением и позитивным публичным имиджем. Они интегрированы в систему, обладают высоким социальным капиталом и не ассоциируются с традиционным криминалом.

Мотивационной движущей силой является экономический интерес – максимизация прибыли, минимизация издержек (в том числе на природоохранные мероприятия), захват ресурсов, выполнение производственного плана. Решения об экономии на очистных сооружениях или о продолжении эксплуатации опасных технологий принимаются на основе «холодного расчета», где взвешивается экологический риск, экономическая выгода и вероятность наказания. Теория «рационального выбора» Д. Корниша и Р. Кларка идеально описывает эту модель поведения.

Историческими примерами такого типа являются:

– топ-менеджмент British Petroleum (BP): уголовное преследование компании и ее менеджеров в связи с аварией на платформе Deepwater Horizon в Мексиканском заливе (2010 г.) привело к выплате компанией более 65 миллиардов долларов штрафов и компенсаций. В ходе расследования было установлено, что решения, приведшие к катастрофе, были продиктованы систематической экономией на мерах безопасности.

– руководители корпорации «Эльф Акитэн» (Elf Aquitaine (Франция)): компания десятилетиями разрабатывала нефтяные месторождения в Африке, подкупая правительства, финансируя предвыборные кампании и фактически меняя режимы в Конго, Габоне и Камеруне для обеспечения неограниченного доступа к ресурсам. Эта деятельность, сочетавшая коррупцию и экологическую эксплуатацию, стала предметом громких судебных процессов во Франции в начале 2000-х годов.

Как показывает пример деятельности этой категории руководителей, экоцид, совершенный ими, может иметь трансграничный характер, нанося ущерб не только стране местонахождения производства, но и сопредельным государствам. Множество таких примеров можно найти в Европе, США, Африке, странах Латинской Америки и Юго-Восточной Азии.

В психологических механизмах этого типа ключевую роль играют механизмы самооправдания, описанные в теории Сайкса и Матзы в 1957 году¹⁸⁹.

Корпоративный преступник активно использует:

- отрицание ответственности («виноваты рыночные условия», «я лишь выполнял распоряжения акционеров»);
- отрицание вреда («выбросы в пределах нормы», «ущерб не доказан», «природа восстановится»);
- апелляцию к высшим лояльностям – наиболее мощный прием, когда личная выгода маскируется под заботу о работниках, экономическом развитии региона или национальной безопасности («я спасаю предприятие и тысячи рабочих мест», «мы обеспечиваем энергетическую безопасность страны»).

3. Коррупционный посредник (должностное лицо). Этот тип является критически важным элементом системы, обеспечивающим безнаказанность корпоративного экоцида. К нему относятся государственные и муниципальные служащие, сотрудники контрольно-надзорных органов, чьи действия (или бездействие) создают благоприятные условия для экоцида.

«Коррупционный посредник» легитимизирует преступную деятельность, создавая «правовую тень», в которой действуют корпоративные преступники. Выдача незаконных разрешений,

¹⁸⁹ Комлев Юрий Юрьевич Подростково-молодежная девиантность: объяснительный потенциал субкультурного подхода на примере теории нейтрализации // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2019. №2 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podrostkovo-molodezhnaya-deviantnost-obyasnitelnyy-potentsial-subkulturnogo-podhoda-na-primere-teorii-neytralizatsii> (дата обращения: 08.02.2026).

попустительство при проверках, сокрытие информации о нарушениях – все это формы «административной экологической коррупции», о которой писала профессор О.Л. Дубовик, указывая на особую устойчивость этих связей и их расчет на «длительную перспективу».

Мотивация этого типа – корыстный интерес (получение взяток за выдачу незаконных разрешений, сокрытие нарушений). Второй, не менее опасный мотив – карьерный конформизм, стремление выполнить негласные административные установки по «улучшению инвестиционного климата», даже ценой нарушения закона.

Примеров такого рода можно найти достаточно большое количество – такие типы преступников, несмотря на достаточно частое привлечение коллег к уголовной ответственности, все равно продолжают свою противоправную деятельность, превосходя все иные типы преступников количеством.

4. Транснациональный координатор. В современной действительности в последние десятилетия организованная преступность, включая транснациональную, трансформировалась в реальную угрозу не только безопасности общества, отдельных государств, но и мирового сообщества в целом¹⁹⁰. Стирание экономических и правовых границ породило этот тип преступника, свободно оперирующего в нескольких национальных юрисдикциях. Как справедливо отмечает И.М. Мацкевич, «транснациональная преступность не столько интернациональна, сколько наднациональна»¹⁹¹. В этом контексте важно подчеркнуть, что организованная преступность является важнейшей составной частью

¹⁹⁰ Куфлева В.Н., Гончаренко А.И. Экстрадиция как средство противодействия транснациональной организованной преступности // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения) : сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 30 сентября – 1 октября 2019 года / под общ. ред. Н.А. Лопашенко. — Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2019. — С. 209–213.

¹⁹¹ Мацкевич И.М. Транснациональная организованная преступность: понятие и признаки [Электронный ресурс] // Союз криминалистов и криминологов : [сайт]. — 24.02.2021. — URL: <https://crimescience.ru/articles/Актуальные-материалы-членов-Союза-4.html> (дата обращения: 13.03.2026).

различных форм и видов опасных криминальных проявлений, посягающих на весь комплекс наиболее значимых общественных отношений, охраняемых уголовным законом¹⁹².

Данная характеристика в полной мере применима и к деятельности транснационального координатора экоцида, который действует на стыке экономических, коррупционных и международных преступных связей, не признавая юрисдикционных границ отдельных государств.

Он выстраивает сложные международные цепочки для незаконной добычи ресурсов, их переработки, легализации и продажи, используя пробелы в законодательстве разных стран. Ярким примером является «мусорный колониализм», когда отходы из развитых стран (США, ЕС, Япония) экспортируются в страны Юго-Восточной Азии, где из-за низкой стоимости рабочей силы их переработка обходится дешевле. Как справедливо отмечается в научной литературе, преступления экономической направленности «взаимосвязаны с организованной преступностью, «срастаются» с коррупционными, международными и межрегиональными факторами преступности»¹⁹³. Данная характеристика в полной мере применима и к деятельности транснационального координатора экоцида, который действует на стыке экономических, коррупционных и международных преступных связей. Транснациональные координаторы владеют иностранными языками, разбираются в международном праве и имеют налаженные связи в разных странах, что делает их деятельность крайне сложной для расследования.

Мотивация и психологические установки их аналогичны типу «корпоративный менеджер».

¹⁹² Корма В.Д. Основы криминалистического учения о техногенных источниках повышенной опасности : автореф. дис. ... д-ра юр. наук. – Москва, 2006.

¹⁹³ Шмонин А.В., Семькина О.И. Преступления экономической направленности: понятие и генезис уголовного законодательства: монография / отв. ред. профессор, доктор юридических наук, А.В. Шмонин. – М.: Юрлитинформ, 2013. –472 с.

Принципиально важным критерием для криминологической характеристики лица, совершающего экоцид, является иерархия исполнителей, организаторов и лиц, принимающих ключевые решения.

Так, в цепочке, ведущей к экоциду, можно выделить несколько уровней субъектов:

1. непосредственные исполнители – лица, физически осуществляющие действия, ведущие к экоциду (пилоты, распыляющие дефолианты; солдаты, подрывающие нефтяные скважины; операторы, осуществляющие сброс загрязняющих веществ). Эти лица, как правило, действуют в рамках служебных обязанностей, выполняя приказы вышестоящего командования или руководства.

2. организаторы среднего звена – командиры подразделений, начальники производств, инженерно-технический персонал, обеспечивающие реализацию преступных решений на функциональном уровне.

3. лица, принимающие решения – высшее военно-политическое руководство, топ-менеджмент корпораций, чиновники, отдающие приказы или принимающие решения, заведомо ведущие к экологической катастрофе. Именно лица, принимающие решения, несут основную ответственность за экоцид, даже если их непосредственный контакт с совершаемыми действиями минимален.

При анализе мотивационной сферы лиц, совершающих экоцид, можно выделить следующие основные группы мотивов.

1. Военно-политическая целесообразность. Для военного типа преступников доминирующим мотивом выступает военно-политическая целесообразность – стремление достичь превосходства над противником, лишить его укрытий и ресурсов, обеспечить выполнение боевой задачи. Как неоднократно обращалось внимание в настоящей работе, «экоцид всегда совершается в военных целях» зачастую используя тактику «выжженной земли». При этом военно-политическая целесообразность может

осознаваться по-разному. В одних случаях речь идет о непосредственной тактической необходимости (например, уничтожение лесов, служащих укрытием, как это было сделано высокопоставленными лицами вооруженных сил США во Вьетнаме). В других – о более общих стратегических соображениях (деморализация противника, демонстрация силы). В любом случае, мотив военно-политической целесообразности не исключает, а предполагает осознание экологических последствий и готовность их принять.

2. Максимизация прибыли. Для корпоративного типа преступников основным мотивом выступает максимизация прибыли. Экономия на природоохранных мероприятиях, игнорирование требований экологической безопасности, отказ от внедрения «зеленых» технологий позволяют снизить издержки и увеличить доходы. Этот мотив тесно связан с конкурентной борьбой. В условиях рынка предприятие, инвестирующее в охрану окружающей среды, оказывается в менее выгодном положении по сравнению с конкурентами, пренебрегающими экологическими требованиями. Возникает «гонка на дно» (race to the bottom), заключающаяся в прогрессивной отмене ограничений и снижении стандартов государственного регулирования в результате межнациональной или межрегиональной конкуренции. Согласно этой теории, снижение налогов, социальных гарантий, торговых ограничений и государственного регулирования бизнеса приводит к обострению бедности. В результате часть населения мигрирует в страны, которые ещё сохраняют определённый уровень защиты населения, но те вынуждены также снижать защиту, просто чтобы оставаться конкурентоспособными¹⁹⁴.

3. Карьерные интересы. Этот мотив интересов характерен для всех типов преступников, но особенно важен для понимания поведения должностных лиц и военных. Стремление продвинуться по службе, получить

¹⁹⁴ Гонка на дно // Академик: [сайт]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/337760> (дата обращения: 16.02.2026).

повышение, бонус или иную выгоду может подталкивать к принятию решений, чреватых экологическими последствиями.

Карьерный мотив тесно связан с конформизмом – некритическим принятием индивидом существующего порядка вещей, приспособление к нему, отказ от выработки собственной позиции, пассивное следование преобладающему образу мыслей и типу поведения, общесоциальным или групповым стандартам и стереотипам. Если в организации сложилась практика игнорирования экологических требований, новый сотрудник, даже изначально настроенный добросовестно, быстро усваивает эти нормы. Ярчайшим примером такого поведения являются действия персонала британской нефтедобывающей компании ВР (до мая 2001 года British Petroleum) предшествовавшие аварии на шельфовой платформе Deepwater Horizon в 2010 году в Мексиканском заливе – в основе решений, принятых компанией ВР, лежала тактика, которую Роберт Беа, профессор Калифорнийского университета в Беркли, называет «введением нарушений в норму». В компании давно уже привыкли действовать на грани допустимого¹⁹⁵, что закономерно привело к катастрофе.

4. Идеологические установки. Такого рода ориентиры могут играть существенную роль в мотивации эгоида. Речь может идти о различных идеологических конструкциях:

- идеология технократизма и покорения природы, рассматривающая природу как объект неограниченной эксплуатации;
- идеология национального превосходства, оправдывающая любые действия против «врага», включая разрушение среды его обитания;
- идеология экономического роста, объявляющая любые экологические ограничения препятствием на пути прогресса.

¹⁹⁵ Грандиозная катастрофа в Мексиканском заливе: причины, реальные последствия и выводы // TechInsider: [сайт]. – 24.04.2022. – URL: <https://www.techinsider.ru/technologies/10977-kak-vse-eto-sluchilos-meksikanskiy-zaliv/> (дата обращения: 19.02.2026).

Идеологические установки выполняют функцию легитимации экоцида как во внутреннем сознании субъекта, так и в глазах общественности. Они позволяют представить разрушительные действия не как преступление, а как необходимую, вынужденную или даже благородную меру, направленную на достижение технического прогресса, роста экономического благосостояния или улучшение жизни местного населения.

Еще одним способом классификации лиц, совершающих экоцид, может служить разделение их по принципу индивидуальной, коллективной и корпоративной ответственности. Экоцид, как правило, совершается не отдельным лицом, а представляет собой результат деятельности сложных организационных структур: вооруженных сил, государственных органов, корпораций. И, несомненно, решающее значение здесь имеет личность лица, стоящего во главе этой иерархии.

В результате индивидуальная ответственность в таких структурах оказывается «размытой». Решения принимаются коллегиально, приказы отдаются по цепочке командования, непосредственные исполнители могут не осознавать конечных последствий своих действий. Как следствие, возникает ситуация, когда каждый отдельный участник утверждает, что его личный вклад был незначителен, а ответственность лежит на других.

При таких обстоятельствах доказать прямую причастность и вину каждого участника преступления в условиях «размытой» ответственности крайне непросто.

Другую сложность представляет вопрос об ответственности юридических лиц. Во многих зарубежных правовых системах предусмотрена уголовная или квазиуголовная ответственность корпораций за экологические преступления. Российское уголовное право такой ответственности не предусматривает и пока вопрос о введении института уголовной ответственности юридических лиц, несмотря на разработки этих идей в российском праве авторитетными учеными (Е. Ю. Антонова, А. В. Федоров и др.), законодателем не рассматривается. Однако как неоднократно

указывалось, в правовых системах некоторых государств институт привлечения к уголовной ответственности действует с разной степенью успеха. В таких системах фокус сложности смещается на вопросы доказывания самого состава преступления и отграничения ответственности руководителей юридического лица и собственно самой компании.

Еще одну классификацию личности лица, совершающего экоцид, можно провести по самому простому принципу: физическое лицо, юридическое лицо и государство.

О первых двух уже подробно сказано ранее. Для государств установление уголовной ответственности в существующем международном праве вообще невозможно – на них может возлагаться лишь политическая и моральная ответственность.

Таким образом, проведенный криминологический анализ личности лица, совершающего экоцид, со всей очевидностью демонстрирует, что данный тип преступника принципиально отличается от традиционного «общеуголовного» элемента. Это не маргинал и не случайный правонарушитель, а социально адаптированный, часто высокостатусный субъект, действующий в рамках сложных организационных структур и использующий властные полномочия, профессиональные знания и коррупционные связи для достижения своих целей. Выявленные типы – от военно-политического руководителя до транснационального координатора – объединяет рациональная мотивация, способность к долгосрочному планированию и использование психологических механизмов самооправдания, блокирующих осознание преступного характера своих действий. Эти криминологические особенности должны быть учтены при разработке стратегии противодействия экоциду, которая не может сводиться к традиционным методам профилактики, ориентированным на «общего субъекта», а требует принципиально иных подходов, нацеленных на лиц, принимающих решения, и коррупционные сети, обеспечивающие их безнаказанность.

Выводы:

Вопреки доминирующему в уголовной доктрине подходу, рассматривающему субъекта экоцида как любое вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет, криминологический анализ убедительно свидетельствует, что реальный субъект экоцида — это не маргинал и не случайный правонарушитель. Его характеризуют высокий социальный статус, наличие властных полномочий, доступ к значительным ресурсам и возможность принимать судьбоносные решения на государственном или корпоративном уровне.

Обобщение исторического материала и современных тенденций позволяет выделить четыре устойчивых типа личности, чьи действия могут быть квалифицированы как экоцид: военно-политический руководитель (главы государств, высшее военное командование), корпоративный менеджер (бизнес-ориентированный тип), коррупционный посредник (должностное лицо) и транснациональный координатор. Каждый из этих типов обладает специфической мотивацией, социально-демографическими характеристиками и способами совершения преступления.

В цепочке, ведущей к экоциду, выделяются три уровня субъектов: непосредственные исполнители (действуют в рамках служебных обязанностей), организаторы среднего звена (обеспечивают реализацию преступных решений) и лица, принимающие решения (высшее руководство). Именно последние несут основную ответственность за экоцид, даже если их непосредственный контакт с совершаемыми действиями минимален. Индивидуальная ответственность в таких структурах оказывается «размытой», что создает серьезные препятствия для доказывания.

Мотивационная сфера лиц, совершающих экоцид, включает четыре основные группы мотивов: военно-политическая целесообразность (для военного типа), максимизация прибыли (для корпоративного типа), карьерные интересы и конформизм (для должностных лиц и военных), а также идеологические установки (технократизм, национальное

превосходство). Ключевую роль в психологическом механизме совершения экоцида играют «техники нейтрализации» (отрицание ответственности, отрицание вреда, апелляция к высшим лояльностям), позволяющие преступникам сохранять позитивную самооценку.

Выявленные криминологические особенности личности преступника, совершающего экоцид, требуют принципиального пересмотра стратегии противодействия. Традиционные методы профилактики, ориентированные на «общего субъекта», неэффективны. Необходимо сместить акцент с преследования непосредственных исполнителей на выявление и нейтрализацию лиц, принимающих решения, а также на разрушение коррупционных сетей. Это требует внедрения методов отслеживания финансовых потоков, изъятия преступно нажитых активов и международной координации усилий.

§ 2.4. Латентность экоцида и феномен «медленного насилия».

Особую криминологическую проблему представляет высокая латентность экоцида, обусловленная отсроченным и диффузным характером его последствий, особым субъектным составом и совершением деяний зачастую в условиях вооруженных конфликтов.

Положение дел, при котором потенциально катастрофические деяния остаются вне поля действия уголовной юстиции, выводит на первый план проблему латентности экоцида, которая приобретает гипертрофированные формы, превращаясь в практически непреодолимое препятствие для правоприменителя. Отмечая сложную, многоуровневую природу латентности экоцида, рассмотрим несколько ее основных аспектов.

В этом ряду самым первым и очевидным фактором следует назвать сложность выявления и доказывания самого факта совершения деяния, подпадающего под признаки экоцида – в отличие от «традиционных» преступлений, где вред причиняется непосредственно и очевидно,

последствия экоцида могут проявляться постепенно на значительной территории и с временным разрывом между деянием и наступлением экологической катастрофы. Как справедливо отмечается в российской и международной научной литературе, экоцид характеризуется диффузностью и отсроченностью вреда, что затрудняет установление причинно-следственных связей между деянием и ущербом.

Самым ярким примером здесь может служить ситуация распыления военными США дефолиантов во время войны во Вьетнаме в 1961–1971 годах. Первоначально химикаты считались безвредными для людей и животных и лишь к концу 1960-х выявились последствия их применения: диоксин вызывал онкологию, разрушал иммунитет («химический СПИД») и крайне негативно сказывался на наследственности ¹⁹⁶ американских, южнокорейских солдат и вьетнамского населения. Но, в самом начале, в 1961 году, никто не мог даже предположить масштаб ущерба для людей и экологии.

Во-вторых, латентность экоцида обусловлена его субъектным составом. Акты экоцида, как правило, совершаются не рядовыми гражданами, а лицами, обладающими властными полномочиями: высшими должностными лицами государства, руководителями вооруженных сил, командованием родов войск, руководителями крупных корпораций. Это создает дополнительные препятствия для уголовного преследования, связанные с иммунитетами, политической волей и международными отношениями. Так, например отдавший приказ о подрыве и поджоге более 700 нефтяных скважин в Кувейте и сбросе нефти в Персидский залив Саддам Хусейн так и не был привлечён за это к ответственности.

В-третьих, значительная часть актов экоцида совершается в условиях вооруженных конфликтов, что само по себе осложняет возможность объективного расследования и привлечения виновных к ответственности. Международное право предусматривает определенные механизмы, однако их

¹⁹⁶Животова П. Указ. соч.

эффективность остается низкой. Как свидетельствует практика МУС, за более чем два десятилетия существования этой институции не было вынесено ни одного приговора за преступления, связанные с причинением масштабного ущерба окружающей среде¹⁹⁷.

Однако рассмотренными тремя аспектами многообразие проявлений латентности экоцида не исчерпывается. Как уже отмечалось ранее в настоящем исследовании, применительно к экоциду, совершаемому в условиях вооруженных конфликтов, следует говорить об особом феномене «псевдолатентности» или «политически мотивированной латентности». В отличие от классической латентности, где преступление скрыто в силу объективных обстоятельств (отсроченность вреда, сложность выявления), в данном случае экологические разрушения носят очевидный, масштабный и немедленно фиксируемый характер (поджог нефтяных скважин в Кувейте). Тем не менее, правовая реакция на эти деяния отсутствует. Причина – не в объективной сложности доказывания, а в субъективных факторах: юрисдикционный иммунитет лиц, принимающих решения, отсутствие политической воли, неэффективность механизмов международного правосудия. Это позволяет говорить о «сознательной» форме латентности, где преступление очевидно, но наказание не наступает.

Выделенные аспекты латентности – отсроченный и диффузный характер вреда, особый субъектный состав исполнителей и совершение деяний в условиях вооруженных конфликтов – не являются абстрактными теоретическими построениями – они находят свое зримое воплощение в реальных событиях мировой истории, которые впоследствии были осмыслены человечеством как акты экоцида.

¹⁹⁷См.: Dasbach A.B. How the ICC is Using International Criminal Law to Prosecute Suspects of Eco Crimes // Legal Planet : [сайт]. – 01.05.2024. – URL: <https://legal-planet.org/2024/05/01/how-the-icc-is-using-international-criminal-law-to-prosecute-suspects-of-eco-crimes/> (дата обращения: 14.02.2026); Stop Ecocide International. Historic ICC Policy Puts Ecological Harm at the Centre of International Criminal Law // Stop Ecocide International : [сайт]. – 04.12.2025. – URL: <https://www.stopecocide.earth/bn-2025/historic-icc-policy-puts-ecological-harm-at-the-centre-of-international-criminal-law> (дата обращения: 14.02.2026).

Представляется, что одним из факторов, которым характеризуется экоцид, является фактор времени. Особенно характерен он для так называемого «мирного экоцида», который происходит не одномоментно, а длится годами и десятилетиями, постепенно разрушая основы существования целых сообществ. Их жертвы умирают не от бомб, а от голода, болезней и утраты среды обитания – медленно и часто незаметно для мирового сообщества.

Эта особенность экологического насилия в целом и экоцида в частности объясняется концепцией «медленного насилия» (slow violence), предложенной экологом Робом Никсоном в книге «Медленное насилие и экологизм бедных» (Nixon, 2011). В ней ученый указывает, что «наше представление о насилии слишком «непосредственно во времени»»¹⁹⁸ и описывает его как процесс «замедленного разрушения, растянутого во времени и пространстве, истощающего воздействия, которое обычно вообще не воспринимается как насилие»¹⁹⁹. Такие формы причинения вреда, которые проявляются постепенно, изнуряюще и незаметно²⁰⁰, не сразу осознаются как насилие и потому часто остаются вне поля общественного внимания и правового реагирования. Применительно к экоциду эта концепция позволяет понять, как загрязняющие производства на протяжении длительного времени разрушают здоровье людей и экосистемы: в отличие от быстрых, зрелищных катастроф (утечка нефти, ядерный взрыв и т. д.) «медленное насилие» растянуто во времени, его последствия накапливаются постепенно и могут проявиться через поколения. Именно так экоцид ускользает от правосудия и

¹⁹⁸ Рууска Т., Хейккуринен П., Левассер Т., Гар А. Переосмысление насилия в антропоцене: от экоцида к экологической цивилизации // Экопозис: экогуманитарные теория и практика. – 2026. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pereosmyslenie-nasiliya-v-antropotsene-ot-ekotsida-k-ekologicheskoy-tsivilizatsii> (дата обращения: 14.02.2026).

¹⁹⁹ Бесконечное настоящее: кто является носителем времени // Идеономика : [сайт]. – 26.06.2025. – URL: <https://ideanomics.ru/articles/34925> (дата обращения: 14.02.2026).

²⁰⁰ Панфилов Н., Дохов Р. Не только природные ресурсы: экстрактивизм как обобщающая концепция // Социологическое обозрение. – 2024. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ne-tolko-prirodnye-resursy-ekstraktivizm-kak-obobshchayuschaya-kontseptsiya> (дата обращения: 14.02.2026).

общественного внимания, оставляя будущим поколениям неподъемное бремя ликвидации его последствий.

Для того чтобы «медленное насилие» могло беспрепятственно длиться годами и десятилетиями, необходима институциональная среда, которая закрывает глаза на постепенное разрушение природы. Эту роль выполняют коррупционные связи между бизнесом и контролирующими органами. Так, профессор О.Л. Дубовик в своих исследованиях указывала, что зачастую эти связи с течением времени лишь укрепляются, перестают носить разовый характер, характеризуются особой устойчивостью и являются налаженным расчетом на «длительную перспективу»²⁰¹. Эта система, обеспечивающая безнаказанность длящегося десятилетиями экологического вреда, реализуется через вполне конкретные механизмы, к числу которых относятся выдача незаконных разрешений на выбросы загрязняющих веществ, размещение отходов, добычу полезных ископаемых, сокрытие информации о нарушениях экологического законодательства, попустительство при проведении проверок, лоббирование интересов добывающих корпораций при разработке нормативных актов. Такая коррупция создает институциональную среду, в которой экологические преступления, включая экоцид, становятся возможными и остаются безнаказанными. Противодействие им требует принятия дополнительных мер, и одной из таких мер, по мнению О.Л. Дубовик, является создание экологической криминологии²⁰².

Таким образом, латентность экоцида имеет сложную многоуровневую природу, обусловленную отсроченным характером вреда, особым субъектным составом и совершением деяний в условиях вооруженных

²⁰¹ Дубовик О.Л. Экологическая преступность в Российской Федерации: состояние, тенденции и связи с транснациональной, коррупционной и организованной преступностью // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2010. – № 1. – С. 17–29.

²⁰² Дубовик О.Л. Экологическая криминология: тенденции развития, методология, новые направления (на примере исследования незаконной торговли окружающей средой) // Современное уголовное право и криминология. – 2007. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-kriminologiya-tendentsii-razvitiya-metodologiya-novye-napravleniya-na-primere-issledovaniya-nezakonnoy-torgovli> (дата обращения: 17.02.2026).

конфликтов. Концепция «медленного насилия» Роба Никсона позволяет объяснить, почему масштабные экологические катастрофы длительное время остаются вне поля правового реагирования. Преодоление латентности требует развития не только соответствующих разделов криминологии, но и формирования новых подходов к выявлению и расследованию экоцида.

Выводы:

Латентность экоцида обусловлена тремя ключевыми факторами: отсроченным и диффузным характером вреда (последствия проявляются спустя годы), особым субъектным составом (лица, обладающие властными полномочиями и иммунитетами) и совершением деяний в условиях вооруженных конфликтов. Кроме того, в отношении военного экоцида следует выделять феномен «политически мотивированной латентности» (псевдолатентности), когда экологические разрушения очевидны, но правовая реакция отсутствует из-за иммунитетов и отсутствия политической воли.

Концепция «медленного насилия» (slow violence) Роба Никсона объясняет криминологическую невидимость экоцида: в отличие от быстрых, зрелищных катастроф, его последствия накапливаются постепенно, растянуты во времени и пространстве, что затрудняет их осознание как насилие и правовое реагирование.

Коррупционная институциональная среда (административная экологическая коррупция, лоббизм добывающих корпораций) обеспечивает безнаказанность длящегося десятилетиями «медленного насилия», создавая устойчивые механизмы уклонения от ответственности.

Преодоление латентности экоцида требует не только совершенствования законодательства, но и развития экологической криминологии, а также формирования новых подходов к выявлению и расследованию, учитывающих специфику «медленного насилия».

§ 2.5. Последствия экоцида: экологические, социальные, экономические и политические аспекты

Комплексный криминологический анализ экоцида был бы неполным без исследования его последствий, которые по своему масштабу, глубине и необратимости превосходят последствия любого иного преступного посягательства, известного современному уголовному праву. В отличие от традиционных преступлений, где причиненный вред, как правило, локализован, имеет конкретного потерпевшего и поддается количественной оценке, вред от экоцида носит системный, кумулятивный и зачастую невосполнимый характер. Более того, как справедливо отмечается в концепции «медленного насилия» (slow violence) Роба Никсона, разрушительные последствия экоцида растянуты во времени и пространстве, проявляясь спустя годы и даже десятилетия, когда установить причинно-следственную связь между деянием и ущербом становится крайне затруднительно, а иногда и невозможно.

Принято выделять три основные группы последствий экоцида: экологические, социальные и экономические. Экологические последствия выражаются в необратимой деградации экосистем, утрате биоразнообразия и уничтожении естественной среды обитания. Социальные последствия проявляются в ухудшении здоровья населения, вынужденной миграции и разрушении традиционного уклада жизни коренных народов. Экономические последствия включают колоссальные затраты на ликвидацию ущерба и утрату природного капитала. Однако, как будет показано в настоящем параграфе, этим перечнем далеко не исчерпывается вся глубина катастрофических последствий экоцида. Особого внимания заслуживают его политические последствия, которые, подобно детонатору, запускают механизмы дестабилизации на локальном, региональном и глобальном уровнях, превращая экологическое преступление в экзистенциальную угрозу

для государственного суверенитета и международного миропорядка. Остановимся подробнее на каждой из обозначенных групп последствий.

Первой и наиболее очевидной группой последствий экоцида выступают собственно экологические изменения, носящие, как правило, необратимый или трудновосстановимый характер. Массовое уничтожение растительного и животного мира, отравление (загрязнение) атмосферы и гидросферы, а также иные действия, способные вызвать экологическую катастрофу, приводят к разрушению естественных экосистем, утрате биоразнообразия и нарушению сложившихся за тысячелетия биогеохимических циклов. Уничтожение лесов, в особенности тропических («легких планеты»), влечет за собой не только гибель миллионов видов флоры и фауны, но и нарушение глобального климатического баланса. Загрязнение водных ресурсов тяжелыми металлами, нефтепродуктами и диоксинами делает водоемы непригодными для жизни, уничтожая их биологические ресурсы на десятилетия вперед. Отравление атмосферы промышленными выбросами ведет к образованию кислотных дождей, разрушению озонового слоя и парниковому эффекту.

Ключевая особенность экологических последствий экоцида – их системный и кумулятивный характер. Вред причиняется не отдельному компоненту природы (почве, воде, лесу), а всей экосистеме как единому функциональному целому. Восстановление такой системы требует не только колоссальных финансовых затрат, но и огромных временных интервалов – порой нескольких столетий. В ряде случаев, когда экосистема достигает «точки невозврата», восстановление становится невозможным в принципе. Именно этим экологические последствия экоцида принципиально отличаются от последствий «обычных» экологических преступлений, которые, как правило, носят локальный и обратимый характер.

Однако экологические последствия – лишь одна сторона катастрофы. За уничтоженными лесами и отравленными реками стоят конкретные люди, чье здоровье оказывается под ударом. Токсичные вещества, годами

накапливавшиеся в почве и воде, рано или поздно попадают в организм человека, вызывая тяжелые заболевания. Экологическая катастрофа трансформируется в катастрофу социальную, и наиболее тяжелым и трудно обратимым ее проявлением является ухудшение здоровья населения.

Особую тревогу вызывает воздействие токсичных веществ на наиболее уязвимые группы – женщин, беременных и новорожденных. В долгосрочной перспективе это может привести к необратимым генетическим нарушениям и наследственным заболеваниям, затрагивающим будущие поколения. Так, последствия применения диоксинов во Вьетнаме сказываются на здоровье населения до сих пор – спустя полвека после окончания войны. Тогда прямому воздействию подверглись миллионы вьетнамцев – химикаты проникли в пищевую цепь, отравляя людей десятилетиями. Результатом стали массовые проблемы со здоровьем: онкология, пороки развития у новорожденных, поражения кожи и нервной системы. Почти 3 миллиона вьетнамцев до сих пор считаются пострадавшими, продолжая испытывать последствия отравления. Наиболее трагичны врожденные патологии: десятки тысяч детей родились с пороками развития, физическими уродствами и тяжелыми неврологическими расстройствами, передающимися через поколения²⁰³.

Разрушение среды обитания вынуждает людей покидать насиженные места. Затопление территорий, загрязнение источников воды, уничтожение сельскохозяйственных угодий делают невозможным проживание на определенных территориях. Ярчайшим примером здесь может служить недавний конфликт в секторе Газа, особенно обострившийся в 2023 году. По оценке ООН, удары Израиля по водной инфраструктуре усугубляют деградацию среды и угрожают здоровью людей, делая природу непригодной

²⁰³ Agent Orange последствия // Вьетнамский дом : [сайт]. – 10.07.2025. – URL: https://viet-house.ru/news/agent_orange/ (дата обращения: 22.02.2026).

для жизни и лишая палестинцев права на чистую окружающую среду²⁰⁴. В поисках лучшей жизни палестинцы вынуждены покидать свои дома.

В глобальных масштабах ухудшение состояния окружающей среды превращается в один из ключевых факторов вынужденной миграции. Изменение климата, наступление пустынь и нехватка воды заставляют миллионы людей оставлять родные земли, усиливая давление на регионы, принимающие переселенцев. Особенно тяжело последствия экоцида сказываются на коренных народах, для которых природная среда является не просто местом обитания, а фундаментом культурной идентичности, духовных практик и физического выживания – традиционные сообщества существуют в неразрывной связи с экосистемами: реки для них – транспортные артерии и источники пищи, леса – аптеки и храмы, животные – не только объекты охоты, но и тотемные предки, участники сложных космогонических представлений.

Амазония – наиболее драматичный пример такого разрушения. Для коренных народов, таких как Яномами, вырубка леса, разработка золотоносных приисков, невозможность вести традиционную охоту, взаимодействие с благами цивилизации, включая алкоголь и наркотики²⁰⁵ оборачиваются не просто экологической, а цивилизационной катастрофой и утратой самого способа существования во времени и пространстве.

Следующим, совершенно закономерным результатом являются экономические последствия экоцида, которые, прежде всего, проявляются в утрате природного капитала: уничтожение лесов, загрязнение водных объектов, истощение почв – все это неизбежно ведет к невозполнимой утрате

²⁰⁴ См.: Последствия для прав человека экологически обоснованного регулирования и удаления опасных веществ и отходов : записка Генерального секретаря // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – Док. ООН A/80/174. – URL: <https://docs.un.org/ru/A/80/174> (дата обращения: 22.02.2026); ООН: С января 2023 года на Западном берегу перемещено более 4700 человек // Анадолу (АА) : [сайт]. – 21.02.2026. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/оон-с-января-2023-года-на-западном-берегу-перемещено-более-4700-человек/3836225> (дата обращения: 22.02.2026).

²⁰⁵ В тропических лесах Амазонки коренное племя борется за выживание // ООН : [сайт]. – 2022. – URL: <https://www.ohchr.org/ru/stories/2022/08/amazon-rainforest-indigenous-tribe-fights-survival> (дата обращения: 22.02.2026).

экономического потенциала территорий. Масштабы этой утраты подтверждаются глобальными исследованиями. Согласно последнему докладу ЮНЕП «Состояние финансов для природы 2026» (State of Finance for Nature 2026), ежегодный объем финансирования, направляемого на разрушительные для природы виды деятельности, достиг 7,3 триллиона долларов, что составляет около 7% мирового ВВП. Для сравнения: инвестиции в природные решения (nature-based solutions) оцениваются всего в 220 миллиардов долларов в год, создавая диспропорцию 30:1 между финансированием разрушения и восстановления экосистем²⁰⁶.

Последние исследования однозначно показывают, что ликвидация последствий экоцида требует колоссальных финансовых затрат, которые зачастую многократно превышают экономическую выгоду от деятельности, приведшей к разрушению экосистем. В эту сумму входят расходы на восстановление инфраструктуры, очистку загрязненных территорий, рекультивацию почв, компенсации пострадавшим и долгосрочный медицинский мониторинг населения.

Этот вывод подтверждается правовой позицией КС РФ, сформулированной при оценке последствий одной из крупнейших техногенных катастроф – аварии на Чернобыльской АЭС. В своем Постановлении от 1 декабря 1997 года № 18-П²⁰⁷ Суд прямо указал, что вред от подобных масштабных экологических катастроф носит особый, принципиально невосполнимый характер, квалифицировав его как «реально невосполнимый и неисчисляемый». Данная характеристика в полной мере применима и к последствиям экоцида, который, как и чернобыльская катастрофа, причиняет вред не отдельным компонентам природы, а экосистеме в целом, делая ее восстановление невозможным или крайне

²⁰⁶ Global Finance Still Favours Nature-Damaging Activities Over Protection, Says Report // Outlook Business : [сайт]. – 22.01.2026. – URL: <https://www.outlookbusiness.com/news/global-nature-finance-imbalance-unesp-report> (дата обращения: 22.02.2026).

²⁰⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1997 г. № 18-П // Российская газета. – 1997. – № 247-248. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

затруднительным, а причиненный ущерб – не поддающимся точной денежной оценке.

Справедливость этой правовой позиции подтверждается реальными примерами. По оценкам экологов, полное восстановление экосистем региона может занять десятилетия. Примеров тому предостаточно: разлив нефти с платформы «Deepwater Horizon» в Мексиканском заливе (2010 г.), распыление дефолиантов во Вьетнаме (1961-1971 гг.), сброс нефти в Персидский залив (1991 г.) и последствия военных действий в секторе Газа (2023 г. – настоящее время). Последствия этих событий неясны до сих пор.

Еще одна наиболее тревожная тенденция заключается в том, что значительная часть территорий после деятельности горнодобывающих и химических производств остаётся нерекультивированной. Токсичные отходы, загрязнённые воды и непригодные ландшафты ложатся бременем на местное население, создавая очаги социальной напряжённости и экономической депрессии.

Анализируя экономические последствия, следует особо подчеркнуть: экологические издержки перекладываются с корпораций на общество, которое расплачивается здоровьем и утратой перспектив развития. Экоцид делает невозможным устойчивое развитие: разрушенные экосистемы и истощенные ресурсы перечёркивают будущее территорий на годы вперёд. Таких примеров масса в Африке и Юго-Восточной Азии.

Представляется, что удовлетворение потребностей нынешнего поколения не должно ставить под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои потребности. Экоцид грубейшим образом нарушает этот принцип, лишая будущие поколения природной основы существования, а человечество – устойчивого развития.

Наконец, самым трудно обратимым и системным результатом экоцида являются его политические последствия, которые, подобно детонатору, запускают цепную реакцию дестабилизации на локальном, региональном и глобальном уровнях.

В первую очередь, экоцид выступает мощнейшим катализатором государственной несостоятельности. Деграция природной среды подрывает экономическую базу государства: уничтожение сельскохозяйственных угодий ведет к продовольственной нестабильности, истощение водных ресурсов – к гуманитарным кризисам, а закрытие экологически опасных производств – к массовой безработице. В условиях, когда государство утрачивает способность обеспечивать базовые потребности населения (в чистой воде, пище, безопасности), его легитимность в глазах граждан стремительно падает, а освободившийся вакуум власти заполняется негосударственными вооруженными формированиями, этническими или криминальными структурами, которые, в свою очередь, часто сами вовлечены в хищническую эксплуатацию остаточных природных ресурсов. Возникает порочный круг: экоцид провоцирует хаос, а хаос делает невозможным восстановление экологии.

Во-вторых, экологическая деграция превращается в «источник конфликтов низкой интенсивности» и прямой триггер гражданских вооруженных конфликтов.

Борьба за доступ к сокращающимся ресурсам – пресной воде, пахотным землям, пастбищам, полезным ископаемым – нередко принимает форму межэтнических или трансграничных столкновений. Уже сегодня в бассейне Нила, в регионе озера Чад или в Центральной Азии фиксируется устойчивая корреляция между климатическими изменениями (засухами, опустыниванием) и ростом вооруженных инцидентов между общинами скотоводов и земледельцев, а также между сопредельными государствами. Экоцид, как правило, является «ускорителем» этих процессов, превращая латентные противоречия в открытое насилие.

В-третьих, политические последствия экоцида проявляются в форме ослабления национального суверенитета и роста внешнего управления. Крупномасштабная экологическая катастрофа часто делает государство неспособным самостоятельно ликвидировать ее последствия без

массированной международной помощи или получения займов на международных рынках или у международных финансовых институтов. Это открывает возможности для внешнего вмешательства: под видом гуманитарных миссий могут вводиться внешние администраторы, навязываться политические условия или происходить переориентация экономики в интересах более сильных иностранных держав. Примером здесь служат малые островные государства, находящиеся на грани затопления: Тувалу, Кирибати, Мальдивы и Ямайка. При совокупном вкладе в мировые выбросы парниковых газов менее 1% они являются наименее ответственными за изменение климата, однако именно они оказываются на передовой экологической катастрофы. Однако именно они оказываются на передовой экологической катастрофы: повышение уровня Мирового океана, учащение разрушительных ураганов, засухи и наводнения уничтожают их инфраструктуру, экономику и территорию. Эта системная уязвимость приводит к нарастанию финансовой нестабильности вынуждая островные государства делать невозможный выбор между неотложными потребностями развития и долгосрочным выживанием в условиях изменения климата.²⁰⁸ В результате их геополитический суверенитет оказывается зависим от воли их кредиторов, а их формальный суверенитет превращается в фикцию.

В-четвертых, экоцид ведет к эскалации политического экстремизма и радикализации протестных движений. Как отмечалось ранее экологический активизм способен трансформироваться в экологический экстремизм и терроризм тогда, когда мирные каналы разрешения эколого-правовых конфликтов блокируются коррупционным лоббизмом. Население, чьи дома и здоровье уничтожены в результате безнаказанной деятельности корпораций или государственной политики, лишенное возможности добиться справедливости через суды, может прибегать к саботажу, захвату

²⁰⁸ Luise F. Small islands at COP30: Setbacks, Unstoppable Truths, and New Climate Superpowers // Greening the Islands : [сайт]. – 04.12.2025. – URL: <https://greeningtheislands.org/small-islands-at-cop30-setbacks-unstoppable-truths-and-new-climate-superpowers/> (дата обращения: 17.03.2026).

заложников, нападениям на инфраструктуру. Такие действия, направленные не против личности, а против «убийц природы», создают новую, чрезвычайно опасную политическую реальность, где экологический вред легитимизирует насилие в глазах определенных социальных групп.

Наконец, в международном измерении последствия экоцида выражаются в кризисе глобального управления и фрагментации международного права. Поскольку экоцид до сих пор не признан самостоятельным преступлением в рамках Римского статута, а европейские акты (Директива 2024/1203, Конвенция 2025 г.) имеют ограниченный и опосредованный характер, сохраняется зона «экологической безнаказанности» для государств и транснациональных корпораций. Это ведет к политической дестабилизации: страны «глобального Юга» (Индия, Китай, Бразилия, Мексика, страны Африки и другие) ²⁰⁹ воспринимают бездействие международного сообщества как форму экологического неокOLONIALИЗМА, что усиливает антизападные настроения и подрывает доверие к институтам ООН. Экоцид становится не только юридическим, но и политическим оружием – инструментом давления, шантажа и демонстрации безнаказанности в международных отношениях.

Таким образом, политические последствия экоцида носят системный и кумулятивный характер: запуская механизмы деградации государств, ресурсных войн, ослабления суверенитета, радикализации протеста и кризиса глобальных институтов, они в конечном счете подрывают саму возможность мирного, устойчивого и справедливого миропорядка. Именно в этом – высшая общественная опасность экоцида, превращающая его из уголовно наказуемого деяния в экзистенциальную угрозу политической организации человечества.

Выводы:

²⁰⁹Перминова М. «Глобальный Север и Юг»: как термины влияют на наше восприятие мира // РБК Тренды : [сайт]. – 30.11.2023. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/65671fe79a794726ec6ed946> (дата обращения: 17.03.2026)

Последствия экоцида не ограничиваются экологическим вредом, а представляют собой сложный многоуровневый комплекс взаимосвязанных разрушительных эффектов, охватывающих экологическую, социальную, экономическую и политическую сферы. В отличие от традиционных преступлений, вред от экоцида носит не локальный и обратимый, а системный, кумулятивный и зачастую невосполнимый характер, что принципиально отличает его от «обычных» экологических преступлений.

Экологические последствия экоцида характеризуются необратимостью или крайней трудновосстановимостью, особенно при достижении экосистемой «точки невозврата». Экологический вред закономерно трансформируется в социальную катастрофу, выражающуюся в массовых заболеваниях населения (включая генетические нарушения, передающиеся будущим поколениям), вынужденной миграции и уничтожении традиционного уклада коренных народов, для которых природа является основой культурной идентичности.

Экономические последствия экоцида проявляются в колоссальной диспропорции между финансированием разрушения природы и ее восстановлением, а также в многократном превышении затрат на ликвидацию последствий над экономической выгодой от деятельности, приведшей к экоциду. Экологические издержки перекладываются с корпораций на общество, которое расплачивается здоровьем и утратой перспектив развития. Экоцид делает невозможным устойчивое развитие: разрушенные экосистемы и исчерпанные ресурсы перечёркивают будущее территорий на годы вперёд.

Политические последствия экоцида являются наиболее трудно обратимыми и системными, запуская цепную реакцию дестабилизации: экоцид выступает катализатором государственной несостоятельности, триггером вооружённых конфликтов за ресурсы, инструментом ослабления национального суверенитета (особенно для малых островных государств), источником эскалации экологического экстремизма и фактором кризиса

глобального управления. Сохраняющаяся зона «экологической безнаказанности» в международном праве превращает экоцид не только в юридический, но и в политический инструмент давления и неоколониализма, подрывая саму возможность справедливого миропорядка.

ГЛАВА 3 УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКОЦИДА

§ 3.1. Объект и предмет экоцида в уголовном праве России

Проблема определения объекта экоцида в уголовном праве России остается одной из наиболее дискуссионных в современной юридической науке. Изучение доктринальных подходов к трактовке объекта экоцида выявило значительный спектр мнений по данной проблеме. Несмотря на то, что законодатель поместил ст. 358 УК РФ в раздел «Преступления против мира и безопасности человечества» и тем самым, казалось бы, достаточно ясно определил родовой объект всех преступных посягательств данного раздела, включая экоцид, наука уголовного права предлагает и обосновывает иные, иногда весьма интересные мнения.

Так, М.И. Веревичева указывает в качестве родового объекта экоцида «отношения по обеспечению безопасности человечества», но вместе с тем полагает, что «экоцид по своей сущности является экологическим преступлением»²¹⁰. А.А. Жинкин и Т.Ю. Жинкина определяют основной объект экоцида как «общественные отношения, обеспечивающие экологическую безопасность человечества, безопасные условия существования растительного или животного мира, атмосферы и водных ресурсов»²¹¹. О.Ю. Греченкова²¹² и Е.А. Соболева²¹³ считают, что объектом экоцида является «безопасность человечества».

Значительная группа ученых характеризует объект экоцида как «экологическую безопасность человечества». Э.Н. Жевлаков помещает его в

²¹⁰Веревичева М.И. Указ. соч.

²¹¹ Жинкин А.А., Жинкина Т.Ю. Экоцид: проблемы законодательной регламентации и квалификации // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. – 2014. – № 3-4 (63-64). – С. 137–143.

²¹²Греченкова О.Ю. Указ. соч.

²¹³Соболева Е.А. Уголовная ответственность за экоцид в законодательстве России и Германии // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2017. – № 4. – С. 13–15.

группу «альтернативно-экологических» преступлений²¹⁴. В.В. Лисаускайте определяет объект экоцида как «общественные отношения по охране окружающей природной среды от существенного негативного воздействия, последствия которого необратимы, т. е. по охране экологической безопасности человечества»²¹⁵. Некоторые исследователи, например Д.В. Казаков и А.А. Жукова, обосновывают возможность или даже необходимость переноса ст. 358 в главу 26 УК РФ, мотивируя свое мнение тем, что «в условиях роста угроз экологического терроризма и многих других вызовов современной цивилизации экоцид может превратиться в реальную опасность, для борьбы с которой требуется эффективно «работающая» юридическая норма, и под объектом экоцида следует рассматривать общественные отношения, обеспечивающие экологическую безопасность, понимаемую в самом широком смысле»^{216 217}.

Против такого решения выступает С. И. Голубев, полагая, что экоцид не входит в круг экологических преступлений, поскольку он, «хотя и имеет признак экологичности, направлен не на экологическую безопасность, нарушает не «социально-экологические отношения, обеспечивающие экологическую безопасность при обращении как с абиотическими, так и биотическими компонентами природной среды» (М. И. Веревичева), а безопасность человечества»²¹⁸. Аналогичной точки зрения придерживается Г.А. Есаков включая экоцид в группу преступлений против человечности.

²¹⁴ Жевлаков Э.Н. Уголовное природоохранительное право России : монография. – Москва : Проспект, 2020. – С. 276–287.

²¹⁵ Лисаускайте В.В. Преступления со специфическим статусом по международному уголовному праву // Сибирский юридический вестник. – 2010. – № 2 (49). – С. 107–115.

²¹⁶ Казаков Д.В. Система экологических преступлений // Современное общество и право. – 2014. – № 2 (15). – С. 114–116.

²¹⁷ Жукова А.А. Уголовно-правовая характеристика экоцида (ст. 358 УК РФ): целесообразность отнесения к альтернативно-экологическим транснациональным преступлениям // Юридическая наука. – 2024. – № 1. – С. 157–162.

²¹⁸ Голубев С.И. Уголовно-правовое обеспечение экологической безопасности (законодательные и доктринальные основы, классификация видов экологических преступлений и характеристика составов) : автореф. дис. ... д-ра юр. наук. – Казань, 2022.

Некоторые авторы, например, А.А. Арямов говорит о «тождественности» непосредственных объектов экоцида и геноцида полагая, что ими являются общественные отношения «в сфере реализации народом или народностью своего права на существование, на безопасные условия жизни»²¹⁹. Полагаем, что данное мнение не является верным, поскольку главенствующими, все же являются общественные отношения, охраняемые законом, т. е. перечисленные в статьях Особенной части УК РФ²²⁰. В доктринальной мировой классификации преступлений против мира и безопасности человечества геноцид и экоцид включены в разные классификационные группы и являются разными преступлениями. Кроме того, современное состояние научной разработанности философии экологии в части взаимоотношений человека и природы все больше склоняется к тому, что антропоцентризм²²¹ должен уступить место парадигме, где «благополучие и процветание человеческой и нечеловеческой жизни на Земле ценно само по себе ... и ценность нечеловеческого мира не определяется его полезностью для человека»²²². Следовательно, определение объекта экоцида через право народа на существование противоречит заботе о выживании Земли, её биосферы и устойчивом развитии человечества как её части.

Признавая обоснованность позиции тех авторов, которые относят к числу преступлений, посягающих на экологическую безопасность, не только экоцид, но и иные деяния, предусмотренные главой 26 УК РФ (см.,

²¹⁹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) / А.И. Чучаев, А.А. Арямов, А.А. Ашин [и др.]. – Москва : Юридическая фирма «Контракт», 2011. – 1040 с.

²²⁰ Улезько С.И. Классификация объектов преступления // Общество и право. – 2013. – № 4 (46). – С. 70–74.

²²¹ Кишкин Н.В., Нехамкин В.А. Понятие «экоцентризм»: научно-философское содержание // Гуманитарный вестник. – 2017. – № 8 (58).

²²² Апресян Р.Г. Морально-философский смысл дилеммы антропоцентризма и нонантропоцентризма // Этическая мысль. – 2010. – № 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moralno-filosofskiy-smysl-dilemmy-antropotsentrizma-i-nonantropotsentrizma> (дата обращения: 27.11.2025).

например, фундаментальное исследование Е.В. Виноградовой)²²³, необходимо четко обозначить критерии, позволяющие разграничить экоцид и экологические преступления по объекту посягательства. Экологическая безопасность как объект уголовно-правовой охраны представляет собой состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от негативного воздействия. В этом смысле экологические преступления (ст. 246–262 УК РФ) посягают на экологическую безопасность непосредственно и самостоятельно, причиняя вред отдельным компонентам окружающей среды (воде, воздуху, земле, лесам, животному миру) либо создавая угрозу такого вреда.

Экоцид же, сохраняя экологическую «окраску», посягает на экологическую безопасность опосредованно – как на неотъемлемый элемент более широкой системы общественных отношений, обеспечивающих безопасность человечества в целом.

Обозначив основные дискуссионные проблемы, касающиеся объекта экоцида, перейдем к обоснованию нашего понимания объекта.

В настоящее время большинство ученых в той или иной мере разделяют классическую четырёхзвенную точку зрения о разделении объектов преступлений «по вертикали» на следующие уровни: общий (система всех общественных отношений, охраняемых уголовным законом от преступных посягательств, помещенных в УК РФ), родовой (совокупность однородных и взаимосвязанных между собой общественных отношений, взятых под охрану специально предусмотренной группой норм уголовного закона, помещенных в главе УК РФ), видовой (часть родового объекта, представляющая собой совокупность сходных по содержанию общественных отношений, которые охраняются уголовно-правовыми нормами одной главы УК) и непосредственный (общественные отношения, охраняемые законом, отраженные в статьях Особенной части УК РФ). Некоторые учёные

²²³Виноградова Е.В. Преступления против экологической безопасности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук. – Ставрополь, 2001. – 381 с.

(например, С.И. Улезько) выделяют «интегрированный» объект (взаимосвязанные, даже неоднородные элементы в единой системе)²²⁴ как систему взаимосвязанных, даже неоднородных элементов. Однако для характеристики экоцида это не имеет существенного значения, поскольку такая классификация применима к другим разделам УК РФ, но не к разделу XII и главе 34.

Мы разделяем мнение, что четырёхзвенная классификация объектов оптимальна и позволяет разложить сложные понятия на составляющие. В случае с экоцидом детальное представление о непосредственных объектах служит обратной цели — «сборке» оценочного понятия «безопасность человечества», не имеющего однозначного определения.

Следует отметить, что понятия «глобальная», «международная» и «человеческая безопасность» широко используются в Уставе, резолюциях Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН, решениях Международного суда ООН, документах международных организаций, многосторонних и двусторонних соглашениях государств, национальных документах и в доктрине международного и российского права.

Впервые идея человеческой безопасности была высказана в ежегодном докладе Программы развития ООН «Человеческое развитие» 1994 г.²²⁵, в котором был предложен новый взгляд на проблему безопасности – до этого времени безопасность трактовалась как безопасность национального государства (его границ, территории и суверенитета). Отсюда применение двух взаимозаменяемых терминов: государственная и национальная безопасность. В рамках концепции национально-государственной безопасности основной акцент делается на способность государства противостоять внешней угрозе, источником которой являются другие государства. В свою очередь, концепция международной безопасности

²²⁴Улезько С.И. Указ. соч.

²²⁵Отчет по человеческому развитию 1994 / Программа развития ООН. – Нью-Йорк ; Оксфорд : Oxford University Press, 1994. – XI, 226 с. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004879607> (дата обращения: 27.10.2025).

толкуется, главным образом, как система международных механизмов, позволяющих снизить риск открытых межгосударственных столкновений²²⁶. В докладе Программы развития ООН «Человеческое развитие» 1994 года, призывая мировое сообщество сосредоточиться на вопросах безопасности человека, подчёркивалось, что экологические катастрофы стали одной из наиболее серьёзных угроз как для государственной, так и для межгосударственной безопасности.

Этот и другие международные акты привели к включению в УК РФ статьи 358 («Экоцид») в раздел XII «Преступления против мира и безопасности человечества». Это было сделано сознательно, в рамках общемировых тенденций и исполнения Россией международных обязательств.

Таким образом, из изложенного можно сделать только один вывод: родовыми объектами рассматриваемого преступления являются мир и безопасность человечества. Понятия «мир» и «безопасность человечества» многозначны, и их выбор в качестве родового объекта требует уточнения. «Мир» может означать вселенную, Землю или мировое сообщество. Однако применительно к разделу XII УК РФ его следует понимать более узко – как мирное время, отсутствие войны, поскольку именно на это направлены соответствующие составы преступлений. К такому выводу приводит, прежде всего, анализ составов преступлений, включенных в раздел XII УК РФ. Например, ст. 354 (публичные призывы к развязыванию агрессивной войны), ст. 355 (разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения), ст. 359 (наемничество) УК РФ посягают на мирное время, но не способны уничтожить мир в понятии «мирное время» – совершенно очевидно, что вербовка и обучение наемника не может вызвать войну между государствами.

²²⁶Капица Л. Человеческая безопасность // Экономика, право, политика и безопасность. – 2005. – № 1. – URL: https://www.researchgate.net/publication/249771346_Celoveceskaa_bezopasnost_-stata_PDF (дата обращения: 27.10.2025).

Вторая составляющая родового объекта – «безопасность человечества» – соотносится с понятиями глобальной и международной безопасности, отражающими мир в широком смысле. Более точным термином для родового объекта экоцида представляется «глобальная безопасность», поскольку он в наибольшей степени соответствует современному пониманию глобальных угроз и проблем.

В теории уголовного права под видовым объектом преступления принято понимать часть родового объекта, представляющую собой совокупность сходных по содержанию общественных отношений, которые охраняются уголовно-правовыми нормами одной главы УК.

Учитывая, что названия раздела XII и гл. 34 УК РФ полностью совпадают, можно было бы сделать вывод о совпадении родового и видового объектов экоцида. Однако, как уже указывалось ранее, одни преступления раздела XII направлены против мира (публичные призывы к развязыванию войны), а другие преступления угрожают безопасности человечества (геноцид). Этой же позиции придерживаются А.И. Чучаев и С.И. Голубев, которые подчёркивают, что в преступлениях против мира и безопасности можно выделить три видовых объекта: мир и мирное сосуществование государств; регламентированные международным правом средства и методы ведения войны; безопасность представителя иностранного государства или международной организации, пользующегося международной защитой. Схожую точку зрения обосновывает И.А. Юрченко. Разделяя взгляды А.И. Чучаева, С.И. Голубева и И.А. Юрченко, считаем важным отметить, что, с нашей точки зрения, раздел XII УК РФ позволяет выделить два видовых объекта: мир и безопасность человечества (в действующей редакции кодекса) или мир и глобальная безопасность (в более современной, научной редакции).

Таким образом, со всей очевидностью следует вывод о том, что родовым объектом экоцида является «мир и глобальная безопасность», а видовым – «безопасность человечества». Логическим продолжением такого

вывода должна стать корректировка раздела XII УК РФ, а именно распределение его статей по двум главам: «Преступления против мира» и «Преступления против безопасности человечества».

Что касается непосредственного объекта экоцида, полагаем, что им следует признать «экологическую безопасность», рассматриваемую в мировой правовой системе как часть «глобальной безопасности». Эта логика просматривается и в российских нормативно-правовых актах. Так, понятие «экологическая безопасность» дано в ст. 1 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» и определяет её как «состояние защищённости природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий». Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» также относит экологическую безопасность к своему предмету ведения. «Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года», утв. Указом Президента РФ от 19.04.2017 г., прямо называет экологическую безопасность Российской Федерации составной частью национальной безопасности. «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, включает экологическую безопасность в число направлений обеспечения национальной безопасности. Эту же идею продолжают и иные российские нормативно-правовые акты. Тезис о «составном» характере понятия «безопасность», в которое включается экологическая безопасность, в целом подтверждается и на доктринальном уровне²²⁷.

²²⁷ См.: Кийко М.Ю. Концептуальные подходы определения категории «Национальная безопасность» // РППЭ. – 2012. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-podhody-opredeleniya-kategorii-natsionalnaya-bezopasnost> (дата обращения: 01.11.2025); Соколова С.Н. Безопасность человека и общества // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2013. – № 2. – С. 16–22. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnost-cheloveka-i-obschestva> (дата обращения: 02.11.2025); Соколова С.Н., Соколова А.А. Феноменология безопасности: проблемы и перспективы // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных

Однако признания экологической безопасности в качестве составной части глобальной (национальной) безопасности недостаточно для понимания специфики экоцида. Ключевое отличие экоцида от иных экологических преступлений лежит не в иерархическом уровне объекта, а в качественной характеристике угрозы, на которую он посягает. Как справедливо отмечает Е.В. Виноградова, подчеркивая экзистенциальный характер современных экологических угроз: «Мы все живем на одной планете, каждый из нас и все мы вместе не сможем дышать отравленным воздухом, пить ядовитую воду... Вопросы охраны природной среды – это уже не вопросы благополучия, это вопросы выживания»²²⁸.

Как верно отмечает В.П. Коняхин, с аксиологической точки зрения человеческий фактор остается доминирующим при определении структуры и степени ценности таких объектов, как мир и безопасность человечества, общественная и экологическая безопасность. Поэтому предложенная модель систематизации институтов Особенной части УК РФ не нарушает, а лишь уточняет конституционную концепцию приоритетов (личность – общество – государство)²²⁹.

Если экологические преступления (гл. 26 УК РФ) посягают на экологическую безопасность как на условие благополучия (качество жизни, здоровье населения в относительно благополучной среде), то экоцид посягает на нее как на условие выживания (саму возможность существования человечества как биологического вида). Именно этот переход от

и гуманитарных наук. – 2012. – № 2. – С. 44–50. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologiya-bezopasnosti-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 02.11.2025); Трусев Н.А. Методологические акценты понимания феномена национальной безопасности России // Марийский юридический вестник. – 2016. – № 3 (18). – С. 48–53. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-aktsenty-ponimaniya-fenomena-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii> (дата обращения: 01.11.2025).

²²⁸ Виноградова Е.В. Конституционные приоритеты экологического образования и воспитания экологической культуры – инвестиции в будущее России // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 3. – С. 199–206. – DOI 10.24412/1608-8794-2022-3-199-206.

²²⁹ Коняхин В.П., Жук М.С. Система институтов Особенной части российского уголовного права и возможные перспективы ее оптимизации // Уголовное право. — 2012. — № 1. — С. 32–39.

«благополучия» к «выживанию» составляет качественное отличие непосредственного объекта экоцида от объектов экологических преступлений и предопределяет самостоятельное место экоцида в системе преступлений против мира и безопасности человечества, а не в главе 26 УК РФ.

Данный вывод корреспондирует с доктринальными исследованиями, согласно которым экологическая безопасность является неотъемлемой частью системы безопасности государства. Как обоснованно указывает Е.В. Виноградова, понятие «безопасность государства» включает в себя помимо военной безопасности иные виды безопасности, в том числе экологическую, определяя ее как часть системы безопасности государства²³⁰. Следовательно, экоцид, посягая на экологическую безопасность как на условие выживания человечества, причиняет вред не только экологической безопасности самой по себе, но и более широкой системе общественных отношений, обеспечивающих безопасность государства и человечества в целом.

Таким образом, специфика объекта экоцида состоит в его двухуровневом характере: непосредственным объектом выступает экологическая безопасность, однако через ее посредство экоцид причиняет вред родовому объекту – миру и безопасности человечества. Этим экоцид принципиально отличается от «обычных» экологических преступлений, которые не выходят за рамки посягательства на экологическую безопасность как таковую, не затрагивая напрямую безопасность человечества. Именно это обстоятельство предопределило размещение ст. 358 УК РФ в разделе XII «Преступления против мира и безопасности человечества», а не в главе 26 «Экологические преступления».

²³⁰ Виноградова Е.В. Экологическая безопасность как элемент системы российских конституционных ценностей // Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса : сборник материалов Международной научно-практической конференции «Лазаревские чтения–2022», Москва, 24 февраля 2022 года. – Москва : Институт государства и права РАН, 2022. – С. 244–249.

В современном уголовном праве есть и другая классификация объектов преступления, так называемая классификация по горизонтали. Нередко в реальной жизни посягательства на один объект сопряжены с фактическим причинением вреда или опасностью такого причинения и другому объекту. Поэтому именно на уровне непосредственного объекта проводится классификация на основной непосредственный, дополнительный непосредственный и факультативный непосредственный объекты ²³¹. Благодаря такой классификации представляется возможным определить место уголовно-правовой нормы в системе уголовного законодательства и провести границу между единичным многообъектным преступлением и совокупностью преступлений.

По нашему мнению, наиболее четкие определения дают А.И. Чучаев и С.И. Улезько, указывая, что дополнительный непосредственный объект входит в структуру состава преступления, дополняет основной объект, «примыкает» к нему, придает большую социальную значимость (ценность) общественным отношениям, защищаемым нормой УК, и поэтому всегда свидетельствует о большей общественной опасности. Факультативный непосредственный объект, в противоположность этому, довольно часто, хотя и не обязательно ставится под угрозу причинения вреда, его нарушение является более или менее типичным для этого вида преступного поведения, а его наличие не влияет на квалификацию состава, но вносит вклад в характеристику общественной опасности совершенного преступного деяния ²³².

Рассматривая объект экоцида исходя из указанной системы классификации, считаем интересным с точки зрения права вопрос о том, можно ли рассматривать экоцид как многообъектное преступление и, следовательно, выделять наряду с основным непосредственным объектом

²³¹Борбат А.В., Завидов Б.Д., Ендольцева А.В., Милевский А.И. Состав преступления как основание уголовной ответственности // СПС КонсультантПлюс. – 2005. – 32 с.

²³² Улезько С.И. Указ. соч.

(экологическая безопасность) дополнительный непосредственный и факультативный непосредственный объекты?

По данной проблеме существуют различные точки зрения. Например, М.Ю. Павлик включил в перечень положений, вынесенных на защиту докторской диссертации, тезис о том, что «преступления против общественной безопасности не имеют дополнительных объектов посягательства»²³³. Е.А. Карабанова придерживается той точки зрения, что «жизнь и здоровье человека, собственность ... выступают элементами образования сложного, кумулятивного объекта. Иными словами, это ситуация, когда непосредственный объект одного преступления находится в рекуррентном соотношении с непосредственным объектом другого преступления, при этом не возникает многообъектности преступления»²³⁴.

Представляется, что приведённые суждения, несмотря на новизну, являются достаточно спорными по следующим причинам. Анализируя примеры террористических актов в Беслане (2004) и «Крокус Сити Холле» (2024), где погибли и пострадали многие люди, включая детей, невозможно игнорировать тот факт, что оценка таких преступлений невозможна без учёта конкретных проявлений (убийств, вреда здоровью, захвата заложников и др.), каждое из которых посягает на отдельные объекты. «Накопительное суммирование правовых благ», создающее, по мысли Е.А. Карабановой, самостоятельное благо – общественную безопасность, не исключает, а предполагает учёт отдельных благ. Без этого невозможен вывод о посягательствах на безопасность, включая экологическую. Игнорирование многообъектности таких преступлений обесценивает жизнь и здоровье потерпевших как самостоятельные блага, терпящие ущерб.

²³³ Павлик М.Ю. Уголовная ответственность за насильственные преступления против общественной безопасности: современное состояние, сущность и противоречия : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. – Санкт-Петербург, 2006. – 381 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-otvetstvennost-za-nasilstvennye-prestupleniya-protiv-obshchestvennoi-bezopasnosti> (дата обращения: 01.11.2025).

²³⁴ Карабанова Е.Н. Социально-правовая природа многообъектных преступлений // Журнал российского права. – 2017. – № 1 (241). – С. 130–138. – DOI 10.12737/23713.

Аргументированность такого подхода подтверждается правовой позицией КС РФ. В своем Постановлении от 1 декабря 1997 г. № 18-П, оценивая последствия экологической катастрофы (на примере аварии на Чернобыльской АЭС), Суд указал, что масштабный вред окружающей среде не является изолированным. Он напрямую влечет нарушение широкого круга конституционных прав граждан: «В результате были существенно нарушены не только право на благоприятную окружающую среду (статья 42 Конституции Российской Федерации), но и, как следствие этого, другие конституционные права и интересы граждан, связанные с охраной жизни, здоровья, жилища, имущества».

Данная позиция, основанная на фактических обстоятельствах реальной катастрофы, полностью экстраполируется на природу экоцида. Она подтверждает, что механизм преступного посягательства при экоциде принципиально не сводится к причинению вреда «экологической безопасности» как абстрактному объекту. Как и в ситуации с катастрофой на Чернобыльской АЭС, главная общественная опасность экоцида заключается в его способности через уничтожение природной среды поражать фундаментальные основы существования человека – его жизнь, здоровье и имущество, которые в структуре состава преступления обоснованно приобретают статус дополнительных непосредственных объектов. Таким образом, экоцид следует рассматривать не просто как экологическое или военное преступление, а как комплексное посягательство на безопасность человечества в целом.

Руководствуясь этой логикой, считаем, что экоцид все же является многообъектным преступлением и его специфика в том, что все непосредственные объекты, кроме основного, имеют статус дополнительных – факультативные объекты отсутствуют.

Экологическая безопасность предполагает защищённость от широкого спектра угроз, включая хозяйственную деятельность, чрезвычайные ситуации и их последствия. Оценочность этого понятия допускает широкую

трактовку дополнительных непосредственных объектов экоцида (жизнь, здоровье, собственность и др.). Это подтверждается диспозицией ст. 358 УК РФ, где признаки «массовое уничтожение», «отравление», «экологическая катастрофа» также носят оценочный характер, указывая на охват составом вреда любым объектом уголовно-правовой охраны. Следовательно, факультативные непосредственные объекты у экоцида отсутствуют.

В рамках исследования Общей части УК РФ через призму экоцида нельзя не упомянуть примечание к ст. 104.1 УК РФ. Его нормативный «вес» несоизмерим с ранее рассмотренными законоположениями. Вместе с тем ошибка, заключенная в данном примечании, заслуживает того, чтобы быть отмеченной. Так, в соответствии с примечанием к ст. 104.1 УК РФ, «под деятельностью, направленной против безопасности Российской Федерации, понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями ... 355–357, 359 настоящего Кодекса». Соответственно, это означает, что экоцид не рассматривается законодателем как вид деятельности, «направленной против безопасности Российской Федерации». В свою очередь, это приводит к необоснованному выводу, что «интересы Российской Федерации» в данном конкретном случае не имеют точек соприкосновения ни с экологической безопасностью (непосредственный объект экоцида), ни с безопасностью человечества (видовой объект экоцида), ни с миром и безопасностью человечества (родовой объект экоцида). Представляется, что такой вывод в корне неверен и перечень преступлений в примечании к ст. 104.1 УК РФ следует дополнить статьей 358 «Экоцид».

Изучение научной разработанности вопросов предмета экоцида позволяет сделать два вывода. Во-первых, безусловно, экоцид является «предметным преступлением», во-вторых, в российской правовой системе нет четких понятий, позволяющих однозначно определить все основные элементы предмета экоцида.

Предметами экоцида традиционно принято считать растительный и животный мир, атмосферу, водные ресурсы. Это следует из содержания самой нормы об экоциде, содержащейся в ст. 358 УК РФ²³⁵.

Вместе с тем полагаем, что данный перечень предметов экоцида является неполным, на что уже было обращено внимание в специальной уголовно-правовой литературе. Так, Н.Г. Кадников и Э.В. Кабурнеев дополняют его «иными объектами природы, воздействуя на которые, можно вызвать экологическую катастрофу». На это же указывают Л.В. Иногамова-Хегай, А.Г. Кибальник и А.Н. Савенков, относя к предмету экоцида «иные объекты природы»²³⁶. В.П. Степалин включает в предмет экоцида «иные взаимосвязанные экологические объекты, являющиеся естественной основой обитания людей, вне которой человек как биологический вид не может существовать»²³⁷. А.К. Князькина при характеристике экоцида не ограничивается теми предметами преступления, которые непосредственно названы в ст. 358 УК РФ, а добавляет к ним «биосферу, литосферу, гидросферу, атмосферу, космическое пространство»²³⁸. Эту же точку зрения поддерживают А.Г. Кибальник и И.Г. Соломоненко указывая что «широкий подход к предмету экоцида представляется оправданным, так как результатами научно-технического прогресса в обозримом будущем могут стать новые факторы воздействия на природную среду, применение которых, в свою очередь, будет угрожать наступлением экологической катастрофы»²³⁹.

²³⁵ Шикун И.Р., Проскуряков А.И. Уголовно-правовой анализ экоцида: объективные и субъективные признаки, вопросы квалификации // Право: история и современность. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 200–212.

²³⁶ Иногамова-Хегай Л.В., Кибальник А.Г., Савенков А.Н. Полный курс уголовного права : в 10 т. Т. 9. – Санкт-Петербург : Юридический центр «Академия», 2021. – 699 с. – С. 96.

²³⁷ Комментарий к Уголовному кодексу РФ : в 4 т. Т. 4. Особенная часть. Разделы X–XII / В.М. Лебедев, А.В. Галахова, В.В. Дорошков [и др.] ; под ред. В.М. Лебедева. – 1-е изд. – Москва : Юрайт, 2020. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²³⁸ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : постатейный / под ред. Г.А. Есакова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2017. – 736 с. – URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=15993> (дата обращения: 02.11.2025).

²³⁹ Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Уголовная ответственность за экоцид // Законность. – 2005. – № 6. – С. 20–22.

Солидаризируясь с высказанными мнениями, отметим, что широкий подход к определению предмета экоцида представляется наиболее точным, поскольку он обусловлен оценочным признаком объективной стороны – «совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу». Законодатель не конкретизирует эти действия, что позволяет относить к ним любые посягательства на любые компоненты окружающей среды, единственным обязательным признаком которых является способность повлечь экологическую катастрофу.

Вместе с тем при детальном анализе дефиниций предмета экоцида – растительный и животный мир, атмосфера и водные ресурсы – возникают довольно существенные трудности, касающиеся этих понятий. Так, на сегодняшний день понятие «растительный мир» не имеет нормативного определения в федеральном законодательстве. При этом категории «объекты растительного мира», «растения» и «растительность» активно используются законодателем в природоохранном, лесном, земельном и уголовном законодательстве. Например, статьи 1 и 4 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – закон «Об охране окружающей среды») включают «растительный мир» в перечень компонентов «природной среды» как часть более широкого понятия – «окружающая среда», которая, в свою очередь, является одним из объектов охраны от загрязнения, порчи, уничтожения и иного негативного воздействия хозяйственной и (или) иной деятельности. В статьях 56, 95, 104 Земельного кодекса РФ понятие «растительный мир» употребляется законодателем при установлении режима использования земель особо охраняемых природных территорий и перечислении целей установления зон с особыми условиями использования территорий. Лесной кодекс РФ упоминает «растительный мир» лишь однажды – в статье 60.15 применительно к регулированию вопроса особенностей охраны редких и находящихся под угрозой исчезновения деревьев, кустарников, лиан, иных лесных растений, занесённых в Красную книгу Российской Федерации или красные книги

субъектов. Объекты растительного мира упоминаются в статьях 3, 42, 63, 65, 67 Водного кодекса РФ в контексте норм по охране водных объектов и установления режима водоохраных зон. Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 4-ФЗ «О мелиорации земель» также использует словосочетание «растительный мир». Понятием «растительный мир» в своих решениях оперируют Конституционный и Верховный суды Российской Федерации²⁴⁰.

Как видим, законодатель, используя это понятие в достаточно большом количестве федеральных нормативных актов, определения «растительного мира» в них не даёт. Анализ подзаконных актов показывает такую же картину – понятие используется, но определения его нет.

В условиях многообразия коллизий федерального законодательства некоторые региональные законодатели все же предприняли попытки урегулировать этот вопрос на своем уровне. Так, в Республике Крым действует закон «О растительном мире» от 25 декабря 2014 г. № 50-ЗРК/2014, в ст. 3 которого дано определение растительного мира как «совокупности всех видов высших сосудистых растений, мхов, лишайников, водорослей и грибов, как дикорастущих, так и культивируемых, произрастающих на территории Республики Крым, во всем их биологическом разнообразии и во взаимодействии с другими компонентами природной среды». Однако на сегодняшний день данный закон остается единственным региональным специальным законом, давшим определение «растительному миру». В других регионах нормы об охране «растительного мира» включены в другие, более общие законы. Например, в Алтайском крае принят закон от 01.02.2007 г. № 3-ЗС «Об охране окружающей среды в

²⁴⁰См.: Обзор судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.06.2022 // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/31236/> (дата обращения: 02.03.2025); Определение Конституционного Суда РФ от 13.05.2019 № 1197-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Группа «Илим» ...» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-13052019-n-1197-o/> (дата обращения: 06.03.2025); Определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № А40-12042/20 от 16.07.2024 // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. – URL: https://vsrfr.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2388544 (дата обращения: 06.03.2025).

Алтайском крае», в Красноярском крае – закон от 20.09.2013 г. № 5–1597 «Об экологической безопасности и охране окружающей среды в Красноярском крае», в Москве закон от 13.11.2024 г. № 27 «Об охране и использовании зеленого фонда в городе Москве», которые регулируют вопросы охраны растительного мира через призму правоотношений по охране окружающей среды, городских и пригородных зелёных насаждений, лесных экосистем, редких и исчезающих видов растений.

Обобщая изложенное, следует сделать вывод, что на сегодняшний день в отношении растительного мира отсутствует определённая в вопросе о том, что именно охватывает данное понятие. Данный пробел должен быть устранен, тем более что все предпосылки для этого имеются²⁴¹.

В противоположность рассмотренной ситуации дефиниция понятия «животный мир» дана в ст. 1 Федерального закона от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» (далее – закон «О животном мире»). Оно толкуется как «совокупность живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию Российской Федерации и находящихся в состоянии естественной свободы, а также относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации». Нетрудно заметить, что названный федеральный закон определяет правовой статус только диких животных, если они являются элементами окружающей среды и находятся в состоянии естественной свободы, а домашние животные либо дикие животные, находящиеся в неволе (зоопарках, аквариумах), к ним не

²⁴¹См.: Минина Е.Л., Шуплецова Ю.И. Лес и растительный мир: правовые проблемы разграничения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. – № 51. – С. 84–104; Минина Е.Л. Тенденции развития законодательства о растительном мире // Журнал российского права. – 2016. – № 5 (233). – С. 108–117; Шуплецова Ю.И. Правовые проблемы реализации прав на лесные участки // Журнал российского права. – 2016. – № 12 (240). – С. 151–161; Шуплецова Ю.И. Перспективы и направления развития лесного законодательства Российской Федерации // Журнал российского права. – 2015. – № 3 (219). – С. 72–79.

относятся²⁴². Этой же точки зрения придерживался профессор Н.Н. Веденин, который отмечал, что несостоятельность этого понятия не нуждается в особых доказательствах, ибо находится в явном противоречии с научным и даже чисто житейским представлением о животном мире²⁴³. Данное мнение представляется обоснованным и с точки зрения понимания животного мира как предмета экоцида: разумных и убедительных оснований для его ограничения только дикой фауной мы не усматриваем.

Анализируя так называемые живые организмы, входящие в понятие предмета экоцида, нельзя не остановиться на еще одной проблеме: очевидно, что мир живых организмов не ограничивается животными и растениями, он значительно шире. Не обосновывая данный постулат, поскольку он на современном этапе развития биологии и экологии совершенно очевиден и не входит в предмет настоящего исследования, ограничимся общеизвестным фактом: животные не могут жить в среде, лишённой растительности, а растительность тесно связана с грибами и микроорганизмами, и ее воспроизведение зависит от её же продуктов – плодов, семян, пыльцы, продуктов распада и т. д.

Безусловно, эта мысль нашла выражение и в российских законодательных актах. Так, в Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» в ст. 1 даны как минимум два определения, которые не ограничивают «живой мир» только растениями и животными и относятся к компонентам природной среды землю, недра, почвы, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, растительный, животный мир *и иные организмы*, а также озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство, обеспечивающие в совокупности благоприятные условия для существования жизни на Земле, а к естественной

²⁴² Фоменко В.Л. Правовое регулирование объектов животного мира // Общество и право. – 2015. – № 2 (52). – С. 59–62.

²⁴³ Веденин Н.Н. Животный мир: проблемы охраны и использования // Журнал российского права. – 2002. – № 12. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

экологической системе объективно существующую часть природной среды, которая имеет пространственно-территориальные границы и в которой живые (растения, животные и другие организмы) и неживые ее элементы взаимодействуют как единое функциональное целое и связаны между собой обменом веществом и энергией. Этот же закон оперирует понятием «микроорганизм», считая его одной из составляющих «загрязняющих веществ», оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, жизнь, здоровье человека.

Понятие «микроорганизмы» использует и Федеральный закон 30 марта 1999 года № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»²⁴⁴ при установлении критериев безопасности воды и воздуха (ст. 18, 20). Статья 14 Земельного кодекса РФ говорит о микроорганизмах в контексте «загрязнения земель». Статья 8.2.2. КоАП РФ устанавливает ответственность за несоблюдение требований в области охраны окружающей среды при производстве, обращении или обезвреживании потенциально опасных химических веществ, в том числе радиоактивных, иных веществ и *микроорганизмов*. Слово «микроорганизмы» также использует достаточно многочисленный ряд подзаконных актов, перечислять которые мы здесь не будем.

Примерно такая же ситуация складывается с грибами – российское законодательство де-факто признает грибы и продукты их переработки частью растительного мира и оперирует этим понятием во многих своих подзаконных актах, преимущественно в ГОСТ и СанПиН. Более того, оно достаточно часто встречается в межгосударственных нормативных актах, принятых с участием Российской Федерации. Например, в Техническом регламенте Таможенного союза ТР ТС 021/2011 «О безопасности пищевой продукции», утв. решением Комиссии Таможенного союза от 09 декабря

²⁴⁴Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (с изм. и доп.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901729631> (дата обращения: 09.01.2026).

2011 года № 880 (участники: Россия, Белоруссия, Казахстан), ГОСТ 33318-2015 «Грибы сушеные. Технические условия. Dried mushrooms. Specifications», принят Межгосударственным советом по стандартизации, метрологии и сертификации (протокол от 18 июня 2015 г. № 47) (участники: Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан) и других актах.

Более того, УК РФ устанавливает уголовную ответственность за контрабанду особо ценных растений и грибов (ст. 226.1); нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений (ст. 249); уничтожение, повреждение, незаконную добычу, сбор и оборот особо ценных растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (260.1.).

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что понятия «иные организмы», «микроорганизмы» и «грибы» активно используются, в некоторых случаях даже установлена ответственность за нарушение правил обращения с ними или за их контрабанду.

В толковании понятия «атмосфера» как предмета экоцида также есть свои сложности, главная из которых заключается в терминологической рассогласованности уголовного и бланкетного законодательства. Последнее чаще всего использует понятие «атмосферный воздух». Так, Федеральный закон от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» (далее – закон «Об охране атмосферного воздуха») содержит следующее определение: «Атмосферный воздух – жизненно важный компонент окружающей среды, представляющий собой естественную смесь газов атмосферы, находящуюся за пределами жилых, производственных и иных помещений». Закон «Об охране окружающей среды» относит к компонентам природной среды, кроме прочего, «атмосферный воздух и озоновый слой атмосферы». Термин «атмосферный воздух» используют и другие нормативные правовые акты. Например, Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 195-ФЗ «О проведении эксперимента по квотированию выбросов

загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха», КоАП, Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и иные нормативные акты²⁴⁵.

Несмотря на наличие в законодательстве понятия «атмосферный воздух», УК РФ в ст. 358 УК РФ употребляет понятие «атмосфера», которое не используется более ни одним законом федерального уровня. Вместе с тем понятие «атмосфера» все же дано в одном подзаконном нормативном акте – «Экологический менеджмент. Воздействующие факторы. Классификация. ГОСТ Р 14.03-2005» (утв. Приказом Ростехрегулирования от 30 декабря 2005 г. № 520-ст), пункт 3.15 которого определяет «атмосферу как газовую оболочку Земли массой 5,15 х 10 т и толщиной около 800 км с особой структурой, характеризующей ее температурный режим». Однако поскольку область его применения ограничена классификацией негативных факторов и распространяется на хозяйственную деятельность различных субъектов, но не на оборонную продукцию и ядерные объекты, использовать его в определении предмета экоцида невозможно.

В естественно-научной литературе высказываются многочисленные и в целом достаточно разные точки зрения на понятие «атмосфера». Однако представляется, что «споры вызывает только понимание верхней границы атмосферы, которое определяет ее толщину»²⁴⁶. Исходя из изложенного

²⁴⁵ См., например: ГОСТ Р 70888-2023/ISO/TS 20593:2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Атмосферный воздух. Определение массовой концентрации частиц износа шин и дорожного покрытия (TRWP). Метод газовой хроматографии-масс-спектрометрии (ГХ-МС) с предварительным пиролизом : утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 29.08.2023 № 754-ст // СПС «КонсультантПлюс»; РД 52.04.922-2022. Руководящий документ. Массовая доля диоксида кремния в неорганической пыли в атмосферном воздухе. Методика измерений фотометрическим методом : утв. и введен в действие Приказом Росгидромета от 10.11.2022 № 695 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁶ Вшивкова О.В. Физика Земли и атмосферы. Влияние атмосферы на результаты геодезических измерений. – URL: <https://www.miigaik.ru/upload/iblock/122/1229544d453c8322928cfe9bca7fb6b1.pdf> (дата обращения: 01.11.2025).

считаем возможным рассматривать понятия «атмосферный воздух» и «атмосфера» как тождественные и в процессе толкования последнего как предмета экоцида опираться на закон «Об охране атмосферного воздуха».

Не в пример ранее приведённым определение «водные ресурсы» дано в ст. 1 Водного кодекса РФ от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ как «поверхностные и подземные воды, которые находятся в водных объектах и используются или могут быть использованы». Вместе с тем, как видим, этим законом понятие ограничивается дважды: во-первых, его локацией – только водные объекты и, во-вторых, предназначением – используются или могут быть использованы.

Между тем в экологической и иной специальной литературе (в том числе чисто прикладного характера), имеющей, как представляется, первичное значение, под водными ресурсами понимаются все свободные воды Земли, ее водная оболочка, т. е. гидросфера, охватывающая все жидкие и замерзшие поверхностные воды, грунтовые воды, содержащиеся в почве и горных породах, а также водяной пар в атмосфере²⁴⁷.

Серьёзные основания для вывода об узком значении термина «водные ресурсы» в контексте экоцида даёт и закон «Об охране окружающей среды». Так, к компонентам природной среды данный закон относит не «водные ресурсы», а «поверхностные и подземные воды» (ст. 1), в ч. 3 ст. 40 «водные биологические ресурсы» указаны наряду с «водными объектами», ч. 3 ст. 63.1 включает в Единую систему государственного экологического мониторинга отдельные подсистемы государственного мониторинга водных объектов, государственного мониторинга водных биологических ресурсов, государственного мониторинга внутренних морских вод и территориального моря России, по логике ст. 78.2 вредом окружающей среде признается в том числе вред водным объектам.

²⁴⁷ См.: Гидросфера // Большая советская энциклопедия : [сайт]. – URL: <https://slovar.cc/enc/bse/1988093.html> (дата обращения: 02.11.2025); Водные ресурсы Земли // Alpha-Bur : [сайт]. – URL: <https://www.alpha-bur.ru/articles-vodnye-resursy-zemli.html> (дата обращения: 02.11.2025).

Показательно, что УК РФ, помимо употребления понятия водных ресурсов в ст. 358 УК РФ, одновременно в ст. 250 УК РФ оперирует понятием «загрязнение вод», относя к ним «загрязнение, засорение, истощение поверхностных или подземных вод, источников питьевого водоснабжения либо иное изменение их природных свойств», тем самым признавая, что вода может находиться как на поверхности, так и под землей. При этом за пределами уголовно-правового регулирования осталась возможность отравления воды, находящейся в газообразном состоянии в атмосфере.

Таким образом, изложенное приводит к выводу, что в качестве предмета экоцида целесообразно рассматривать всю водную оболочку Земли без каких-либо изъятий, т. е. гидросферу. Реализовать это предложение в ст. 358 УК РФ можно двумя способами: 1) дать аутентическое толкование понятию водных ресурсов как всей совокупности вод Земли; 2) заменить понятие водных ресурсов понятием «гидросфера». Второй путь представляется предпочтительным, поскольку в таком случае можно достигнуть большей терминологической и содержательной гармонии уголовного права с современными естественно-научными подходами, рассматривающими атмосферу и гидросферу в качестве структурных компонентов экосферы.

Следует отметить еще один аспект: в ст. 358 УК РФ не упоминается почва или аналогичные ей понятия – она осталась за рамками предмета экоцида в УК РФ.

Между тем еще 10 декабря 1976 г. резолюцией 31/72 Генеральной Ассамблеи ООН была принята Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду²⁴⁸ (подробности об этой Конвенции изложены в разд. 1

²⁴⁸ Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду [рус., англ.] : [принята 10.12.1976 Резолюцией 31/72 Генеральной Ассамблеи ООН] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. –

диссертации). В контексте настоящего раздела следует отметить, что в Конвенции «средства воздействия на природную среду» определены как «любые средства для изменения (путем преднамеренного управления природными процессами) динамики, состава или структуры Земли, включая ее биоту, литосферу, гидросферу и атмосферу, или космического пространства» (ст. II). То есть, как видим, к «неживым» предметам здесь отнесены «литосфера» и «космическое пространство». Тем не менее хотя на момент принятия в 1996 г. УК РФ Россия ратифицировала эту Конвенцию и участвует в ней и сейчас²⁴⁹, эта законодательная формула в ст. 358 УК РФ реализована не была.

За прошедшие с этого времени годы в международном праве постоянно обсуждались вопросы тяжкого ущерба окружающей среде, в том числе определения предмета экоцида (более подробно об этом написано в других разделах настоящей работы). Представляется, что интересной с точки зрения конструирования нормы права является разработанная в европейском праве формула предмета «действий, сопоставимых с экоцидом», данная в Директиве (ЕС) 2024/1203, которая уйдя от конкретных перечислений, кому может быть причинен ущерб, пошла по пути более общих понятий и ввела определение «экосистема», описав ее как «динамический комплекс сообществ растений, животных, грибов и микроорганизмов и их неживой среды, взаимодействующих как функциональная единица, который должен включать типы местообитаний, места обитания видов и популяции видов. Экосистема также должна включать экосистемные услуги, посредством которых экосистема прямо или косвенно способствует благополучию

URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml (дата обращения: 21.12.2025).

²⁴⁹ Правовой департамент МИД России. Перечень многосторонних международных договоров Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. —

URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multi_lateral_contract/51093/ (дата обращения: 21.12.2025).

человека, и функции экосистемы, которые относятся к природным процессам в экосистеме».

Как видим, в нее включены не «растительный и животный мир», а «сообщество растений, животных, грибов и микроорганизмов, и их неживой среды, взаимодействующих как функциональная единица». Это описание является более полным, по сравнению с российской формулой экоцида, поскольку, во-первых, говорит о «сообществе», что, безусловно, логично – животные не могут существовать в природной среде, лишённой растительности, а растения – без микроорганизмов и в отрыве от других компонентов природной среды. Во-вторых, при описании ущерба, который может быть причинен неживой природе, говорит об ущербе «качеству воздуха, почвы или воды». Отличия здесь, как видим, в наличии компонента «почва» в значении «земля» и «недра» и в том, что ущерб причиняется не самим «воздуху, почве или воде», а их «качеству». Этот подход в контексте всего текста Директивы представляется обоснованным, но с учетом уже имеющихся и широко применяющихся в этой области норм российского права не является для нашего законодательства оптимальным – потребуются существенная переработка законодательства.

Выводы:

Родовым объектом экоцида является «мир и глобальная безопасность», видовым – «безопасность человечества», непосредственным – «экологическая безопасность». Мир как объект следует понимать узко – как состояние мирного времени. Исходя из наличия двух видовых объектов в разделе XII УК РФ, предлагается распределить его статьи по двум главам: «Преступления против мира» и «Преступления против безопасности человечества», включив экоцид в последнюю.

Ключевое отличие экоцида от экологических преступлений (гл. 26 УК РФ) заключается в качественной характеристике угрозы. Экологические угрозы – это вопросы выживания, а не благополучия. Если экологические преступления посягают на экологическую безопасность как на условие

благополучия, то экоцид посягает на нее как на условие выживания человечества, что предопределяет его место в разделе XII УК РФ.

Экоцид является многообъектным преступлением с отсутствием факультативных непосредственных объектов. Все непосредственные объекты, кроме основного (экологическая безопасность), имеют статус дополнительных (жизнь, здоровье, собственность и др.). Игнорирование многообъектности экоцида ведет к обесцениванию жизни и здоровья человека как самостоятельных благ, терпящих ущерб.

Перечень предметов экоцида не является исчерпывающим и требует расширительного толкования. Существующие законодательные дефиниции несовершенны: отсутствует легальное определение «растительного мира», понятие «животный мир» необоснованно ограничено только дикой фауной, термин «водные ресурсы» сужен до поверхностных и подземных вод в водных объектах. Целесообразны замена «водных ресурсов» на «гидросфера», включение в предмет экоцида почвы, микроорганизмов, грибов и иных организмов.

Примечание к ст. 104.1 УК РФ требует изменения путем включения статьи 358. Исключение экоцида из перечня преступлений, направленных против безопасности Российской Федерации, противоречит его родовому, видовому и непосредственному объектам и подлежит исправлению.

§ 3.2. Объективная сторона экоцида: проблемы квалификации и обоснование замены «отравления» на «загрязнение».

Самая большая трудность в описании объективной стороны, как и других элементов состава экоцида, заключается в необходимости ограничиваться уголовно-правовой доктриной и правовой догматикой как явлением методологического порядка, содержанием которого является формально-юридический (догматический, технико-юридический) метод. Отсутствие судебной практики означает отсутствие эмпирического обоснования и проверки тезисов и выводов теоретического характера,

лишает исследователя надежды поставить точку в теоретических дискуссиях, превращает любую позицию всего лишь в одно из мнений. Вместе с тем такое положение дел повышает требования к используемым законам логики, соблюдение которых, по существу, выступает единственным критерием оценки качества соответствующих точек зрения.

Изучение специальной научной литературы, касающейся проблем объективной стороны экоцида, показывает, что применяемые в них законы логики довольно часто дают основания для сомнений в правильности и, как следствие, в убедительности высказываемых мнений. Остановимся на этом более детально.

Прежде всего, представляется целесообразным проанализировать подходы к конструкции состава экоцида исходя из признаков объективной стороны. Как справедливо отметила в свое время О.Ю. Греченкова, «в доктрине существуют различные точки зрения на объективную сторону экоцида – от состава угрозы до материального состава с альтернативными признаками»²⁵⁰.

Согласно первому мнению (самому малочисленному), экоцид – это материальный состав преступления с последствиями в виде экологической катастрофы, его определяют лишь очень небольшое количество авторов, не обосновывая свою точку зрения достаточно убедительными доводами. В этих работах объективная сторона экоцида описывается поверхностно, фрагментарно или невнятно, что не позволяет до конца уяснить ее признаки.

Второе мнение заключается в констатации его формально-материальной конструкции²⁵¹, которая обосновывается «материальностью» первых двух форм экоцида (массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, именуемые «альтернативными последствиями») и «формальностью» иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу.

²⁵⁰Греченкова О.Ю. Указ. соч.

²⁵¹См.: Веревичева М.И. Указ. соч.; Жукова А.А. Указ. соч.

Так, М.Д. Давитадзе определяет состав как формально-материальный и указывает, что «если отравления или иные действия не вызвали экологическую катастрофу, но создали реальную угрозу ее наступления, то преступление все равно следует считать оконченным, поскольку в законе акцент ставится на способности определенных действий вызвать экологическую катастрофу и не говорится об обязательности ее наступления как необходимом признаке состава»²⁵².

Некоторые исследователи подчеркивают, что в последнем случае имеет место «состав угрозы» или «реальной опасности»²⁵³. Не углубляясь в дискуссию, отметим: мы разделяем подход, согласно которому создание опасности причинения вреда является свойством деяния, а соответствующие составы следует считать формальными²⁵⁴.

В уголовно-правовой доктрине имеется точка зрения на «деяние» как на «результативное действие», т. е. сложное, требующее при юридической оценке учета не только собственно действий виновного, но и их результатов. Понятие «результативного действия» в этой ситуации применяется к преступлениям, выражающимся в склонении (вовлечении) субъектов к преступным или антиобщественным действиям²⁵⁵. Полагаем, что данный подход идеально применим к экоциду, поскольку такие формы, как массовое уничтожение флоры/фауны или отравление атмосферы и вод, одновременно характеризуют и само деяние, и его последствия. По вопросу окончания

²⁵² Давитадзе М.Д. Указ. соч.

²⁵³ Жинкин А.А., Жинкина Т.Ю. Экоцид: проблемы законодательной регламентации и квалификации // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. – 2014. – № 3-4 (63-64). – С. 137–143.

²⁵⁴ См.: Проценко С.В. О законодательной конструкции объективной стороны преступления в составах «поставления в опасность» // Российский следователь. – 2014. – № 10. – С. 23–27; Курсаев А.В. Состав поставления в опасность в уголовном праве // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 3. – С. 166–180.

²⁵⁵ См. Бутера Н.Н. Соотношение понятий «вовлечение» и «склонение» в уголовном праве России // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 3 (29). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-vovlechenie-i-sklonenie-v-ugolovnom-prave-rossii> (дата обращения: 06.11.2025); Кокунов А.И. Соотношение понятий «склонение» и «вовлечение» в современном уголовном праве России // Законность и правопорядок. – 2020. – № 1 (25). – С. 34–39.

«результативного действия» мнения разделились: одни исследователи считают, что им является именно совершение действия, а недостижение результата следует рассматривать как покушение на преступление²⁵⁶. Другие обосновывают материальную конструкцию соответствующих составов преступлений, охватывающую само действие, заключенный в нем результат и причинную связь между ними.

Отдельные исследователи высказывают мнение о конструкции состава экоцида как «деликтоопасного материального с раздвоенным моментом окончания этого преступного посягательства»²⁵⁷, основываясь на некоторых взглядах о классификации составов преступлений вообще²⁵⁸. Например, А.А. Жукова пишет, что «совершение экоцида влечет последствия, способные вызвать состояние экологической катастрофы»²⁵⁹, в результате чего получаем тавтологию: «последствия, способные вызвать последствия». И.А. Подройкина и С.И. Улезько называют «массовое уничтожение растительного и животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов» альтернативными формами действий, которыми характеризуется объективная сторона экоцида, и в то же самое время утверждают, что «некоторые формы экоцида признаются оконченными с момента наступления соответствующих последствий», приводя в качестве примера «уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы

²⁵⁶ Палий В.В. Вовлечение в совершение преступления и склонение к совершению преступления или антиобщественных действий : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Москва, 2006. – 23 с.

²⁵⁷ Жинкин А.А., Жинкина Т.Ю. Экоцид: проблемы законодательной регламентации и квалификации // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. – 2014. – № 3-4 (63-64). – С. 137–143.

²⁵⁸ См.: Федышина П.В. Составы поставления в опасность в системе составов преступлений // КриминалистЪ. – 2015. – № 1 (16). – С. 14–19. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostavy-postavleniya-v-opasnost-v-sisteme-sostavov-prestupleniy> (дата обращения: 06.11.2025); Полупан Г.Ю. Квалификация преступлений по признаку создания опасности // Российский криминологический взгляд. – 2012. – № 2. – С. 393–396; Безверхов А.Г., Решетникова Д.В. О классификации конструкций составов преступлений по моменту их юридического окончания // Общество и право. – 2010. – № 5 (32). – С. 79–83.

²⁵⁹ Жукова А.А. Указ. соч.

или водных ресурсов». Таким образом, цитируемым авторам удалось немислимое: одни и те же признаки обозначить и как действия, в которых выражается экоцид, и как его последствия.

Целесообразно отметить, что в уголовно-правовой науке также отсутствует единство по вопросу о том, следует ли считать способность наступления экологической катастрофы следствием только «иных действий» (М.Д. Давитадзе, А.А. Жинкин, Т.Ю. Жинкина, А.Г. Кибальник, В.В. Лисауская, А.И. Проскуряков, И.Г. Соломоненко, Е.Н. Трикоз. и др.).

Согласно третьей точке зрения, состав экоцида является формальным. Так, Л.В. Иногамова-Хегай считает состав экоцида оконченным «с момента массового уничтожения растительного или животного мира, а также отравления атмосферы или водных ресурсов». При этом автор утверждает, что в таком случае «преступление будет оконченным как при наступлении экологической катастрофы, так и при создании реальной опасности ее наступления». Представляется, что момент окончания преступлений с формальным составом все же следует связывать с совершением общественно опасного деяния. Действия, способные вызвать экологическую катастрофу, как форму экоцида при таком подходе она также предлагает относить «к преступлениям с формальным составом». Аналогичной точки зрения придерживаются А.Г. Кибальник, И.Г. Соломоненко²⁶⁰, Е.Н. Трикоз²⁶¹, А.И. Проскуряков²⁶², Р.И. Шикула²⁶³.

Наша точка зрения по изложенным проблемам заключается в том, что состав экоцида следует рассматривать исключительно как формальный и все три формы деяния, перечисленные в ст. 358 УК РФ, следует считать оконченными с момента их совершения. Применительно к «иным действиям,

²⁶⁰ Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Преступления против мира и безопасности человечества / под науч. ред. А.В. Наумова. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. – 383 с. – С. 110–111.

²⁶¹ Трикоз Е.Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты. – Москва : Юрлитинформ, 2007. – С. 290–291.

²⁶² Проскуряков А.И. Указ. соч.

²⁶³ Шикула И.Р., Проскуряков А.И. Указ. соч.

способным вызвать экологическую катастрофу», это не требует пространных обоснований, достаточно опереться на языковое толкование уголовного закона. Действительно, в ст. 358 УК РФ, во-первых, речь идет о «действиях», а во-вторых, совершенно очевидно, что особенностью этих действий является способность вызвать (т. е. породить ²⁶⁴) последствия в виде экологической катастрофы. С учетом этого полагаем, что экологическая катастрофа – не обязательное последствие экоцида, а лишь возможный результат «иных действий». Эта характеристика относится именно к ним, указывая на их отличительный признак и тем самым сужая их оценочность.

Кроме того, неразрывность потенциально возможной экологической катастрофы исключительно с «иными действиями» и, напротив, не связанность с массовым уничтожением растительного или животного мира и с отравлением атмосферы или водных ресурсов обусловлена использованием в ст. 358 УК РФ при перечислении форм деяния составного союза «а также», который является не клитикой ²⁶⁵, а полноударным словом ²⁶⁶. Из-за этой особенности союз «а также» объединяет элементы минимально, при этом последний как бы добавляется к ранее перечисленным и даже противопоставляется им. Поэтому «а также» не используется с обобщающими словами, предполагающими единую группу тесно связанных

²⁶⁴ Вызвать // Значение слова : [сайт]. – URL: <https://znachenie-slova.ru/вызвать> (дата обращения: 07.11.2025).

²⁶⁵ Клитики // Словарь лингвистических терминов Т.В. Жеребило : [сайт]. – URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/1485/клитики (дата обращения: 27.02.2026). (Клитики – это безударные слова, примыкающие к другим и составляющие с ними одно фонетическое слово. Иначе говоря, это синтаксически свободный, но фонетически несамостоятельный грамматический элемент, не имеющий самостоятельного ударения и примыкающий к слову или к группе слов, к которым относится по смыслу, например, частицы «не», «же», «ли» или предлоги «в», «на», «у».)

²⁶⁶ Полноударное слово // Словарь лингвистических терминов Т.В. Жеребило / под ред. Т.В. Жеребило. – Назрань : Пилигрим, 2010. – С. 289. – URL: <https://rus-lingvistics-dict.slovaronline.com/1514-клитики> (дата обращения: 06.11.2025). (Полноударное слово – это слово, которое имеет ударение. Вместе с полноударным словом клитики составляют фонетическое слово, которое включает не только главный свой элемент – полноударное слово, но и все «прилипшие» к нему слева (проклитики) и справа (энклитики) клитики.)

объектов²⁶⁷. Следовательно, более обоснованной представляется позиция учёных, которые рассматривают способность вызвать экологическую катастрофу не как следствие экоцида, а как характеристику самой формы деяния («иных действий»).

Переходя к характеристике форм экоцида, отметим, что в литературе часто встречаются определения, игнорирующие оценочность законодательных терминов. Особенно это заметно в комментариях к УК РФ, где используются категоричные формулировки («следует расценивать», «экологическая катастрофа – это» и т.п.), создающие ложное впечатление определённости там, где ее нет. Попытаемся избежать данной ошибки.

Законодательная формула экоцида позволяет констатировать, что в качестве единственного обязательного признака объективной стороны данного состава преступления можно рассматривать общественно-опасное деяние, которое выражается в трех альтернативных формах:

- 1) массовое уничтожение растительного или животного мира;
- 2) отравление атмосферы и водных ресурсов;
- 3) совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу.

Остановимся на характеристике каждого из них.

Как неоднократно указывалось в научной литературе, на сегодняшний день в законодательной базе российского федерального законодательства такое достаточно простое понятие, как «растительный мир», не имеет нормативной основы²⁶⁸. Понятие «животный мир» также имеет недостаточно чёткую границу – законодатель включил в это понятие только диких

²⁶⁷Новый объяснительный словарь русского языка / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Языки славянской культуры ; Вена : Венский славистический альманах, 2004. – С. 405–408. – URL: <https://ruslang.ru/doc/noss/text.pdf> (дата обращения: 06.11.2025).

²⁶⁸ Углова Е.А. Пробелы и коллизии российского законодательства при определении предмета экоцида // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 5. – С. 610–613.

животных, проигнорировав домашних животных и животных, находящихся в неволе (зоопарках, аквариумах и т. д.)²⁶⁹.

Более подробный анализ этих понятий изложен в разделе настоящей диссертации, посвященной объекту и предмету экоцида. Здесь же проанализируем другой используемый законодателем в ст. 358 УК РФ термин: «уничтожение».

В русском языке это слово употребляется в двух значениях:

- 1) как процесс действия по глаголу «уничтожать»;
- 2) как результат такого действия²⁷⁰.

В доктрине уголовного права аналогичная проблема наблюдается при характеристике экологических преступлений, где понятия «загрязнение», «засорение» и подобные относятся одновременно и к деянию, и к последствиям. Проявлением этого служит упомянутая конструкция «результативного действия».

Наиболее полное обоснование рассматриваемых терминов как последствий экологических преступлений дано Н.А. Лопашенко²⁷¹. Однако мы разделяем позицию А.И. Зверевой, возражающей против такого подхода. Её ключевой аргумент: признание этих понятий последствиями означало бы отсутствие в УК РФ описания деяний по ст. 250 (загрязнение вод) и 252 (загрязнение морской среды) УК РФ, что противоречит принципу законности (ч. 1 ст. 3 УК РФ), согласно которому «преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом» (ч. 1 ст. 3 УК РФ)²⁷².

²⁶⁹Фоменко В.Л. Правовое регулирование объектов животного мира // Общество и право. – 2015. – № 2 (52). – С. 59–62.

²⁷⁰Уничтожение // Современный толковый словарь русского языка Ефремовой : [сайт]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/259041/Уничтожение> (дата обращения: 06.11.2025).

²⁷¹Лопашенко Н.А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 528 с.

²⁷²Зверева А.И. Экологические преступления, посягающие на безопасность водных объектов: характеристика и разграничения со смежными деликтами. – Москва : Проспект, 2019. – 200 с.

Действительно, закрепление в уголовном законе лишь последствий как единственного признака объективной стороны противоречит принципу законности, определению преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ) и теории состава, которой неизвестны конструкции без деяния, но с последствиями. Кроме того, это порождает вопрос: следствием какого именно деяния является уничтожение растительного или животного мира? Риторический характер этих вопросов и ранее изложенные аргументы позволяют заключить, что уничтожение растительного или животного мира следует рассматривать именно как одну из форм деяния, альтернативно предусмотренных ст. 358 УК РФ, а не как его последствие.

Другая трудность состоит в уяснении содержания понятия «массовое уничтожение». Под уничтожением в русском языке понимается истребление, устранение, прекращение существования кого-либо или чего-либо. Что же касается массовости такого уничтожения, то она нигде не определена²⁷³ и его однозначной трактовки в толковых и специализированных словарях нет.

Восполняя этот пробел применительно к экологическим преступлениям, Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 18.10.2012 № 21 разъяснил, что при оценке последствий по статье 246 УК РФ «массовой гибелью (заболеванием) животных считается превышение среднестатистического уровня гибели (заболевания) животных в три или более раза» (п. 5). Этот критерий, установленный для преступлений, предусмотренных главой 26 УК РФ, призван обеспечить единообразие правоприменения и служит формальным ориентиром для отграничения преступного деяния от административного правонарушения. Однако применительно к экоциду (ст. 358 УК РФ), который является преступлением против мира и безопасности человечества, данный критерий не может быть применен без существенной корректировки. Характер и масштаб

²⁷³Греченкова О.Ю. Отдаленные последствия экоцида для природы и человечества // Молодой ученый. – 2017. – № 8 (142). – С. 101–103.

общественной опасности экоцида несопоставимы с рядовыми экологическими преступлениями.

Если при «обычном» экологическом преступлении порог в три раза позволяет отграничить уголовно наказуемое деяние от административного проступка, то для квалификации деяния как экоцида требуется принципиально иной, гораздо более высокий уровень «массовости». Речь должна идти не о локальном превышении статистических показателей, а об уничтожении растительного или животного мира на огромных территориях, в масштабах популяций или видов, что создает реальную угрозу необратимого нарушения экологического баланса и экологической катастрофы. Применение «троекратного» критерия к экоциду нивелировало бы его особую общественную опасность и приравнило бы его к деяниям, предусмотренным главой 26 УК РФ.

Однако и здесь правоприменитель сталкивается с новой проблемой: каковы количественные критерии этой «огромности»? Дискуссионным является сам подход к определению нижнего предела площади очага экоцида. Так, И. М. Ашихмин полагает, что экоцид берет начало с площади очага поражения, равной нескольким сотням квадратных километров²⁷⁴. С другой стороны, как справедливо подчеркивали Д.Ф. Васин и В.В. Петров, рассматривая проблемы экспертиз по делам об экоциде, перед правоприменителем остро встает вопрос об определении нижнего предела размеров очага поражения – с какой площади можно говорить о наличии экоцида. Сами авторы склоняются к мнению, что жесткая привязка к площади в несколько сот квадратных километров «оправдана не всегда»²⁷⁵.

Таким образом, отсутствие легального определения «массовости» для состава экоцида следует восполнять не механическим переносом

²⁷⁴ Ашихмин И.М. Международно-правовое обеспечение экологической безопасности в военной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1997. – С. 193.

²⁷⁵ Васин Д.Ф., Петров В.В. Некоторые вопросы эколого-судебно-медицинских экспертиз по делам об экоциде // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2000. — № 2 (229). – С. 219–222.

количественных показателей из смежных составов, а путем установления в правоприменительной практике качественных и количественных характеристик, свидетельствующих о катастрофическом, а не локальном масштабе уничтожения.

Помимо правовых коллизий, связанных с понятиями «растительный и животный мир», неизбежно встает вопрос о количественных и качественных критериях разграничения «массовости уничтожения». Например, какой процент уничтожения считать «массовым», какова минимальная площадь поражения, сколько особей должно погибнуть для квалификации экоцида? Неясно, оценивать ли необратимость ущерба и угрозу исчезновения видов или учитывать только по критерию уже погибших видов?

Нельзя не учитывать и временной фактор. Например, поначалу незначительной, но приведшей на сегодняшний день к катастрофическим последствиям является вырубка лесов Амазонии, которая началась ещё в XVI в., активизировалась в конце XIX в., стала массовой в середине XX в., а к 2023 году леса потеряли порядка 20 % от прежней своей площади²⁷⁶. Учитывая достаточно продолжительный (более 100 лет) период вырубки лесов, неизбежно встает вопрос и о «массовости уничтожения» в «единицу времени».

Еще один вопрос, касающийся «массовости», – это вопрос о территории, на которой уничтожаются растения и животные. Как известно, распыляемый американскими военными «Агент Орандж» попадал и на территорию соседних с Вьетнамом государств: Камбоджи и Лаоса²⁷⁷. В экологические последствия вырубки лесов Амазонии вовлечены все страны, находящиеся в бассейне р. Амазонки: Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гайана,

²⁷⁶Белло Х. Последний шанс спасти Амазонию // Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) : [сайт]. – 22.05.2023. – URL: <https://www.unep.org/ru/novosti-i-istorii/blog/posledniy-shans-spasti-amazoniyu> (дата обращения: 26.10.2025).

²⁷⁷Агент Оранж: химические атаки США во время войны во Вьетнаме // TechInsider : [сайт]. – URL: <https://www.techinsider.ru/history/1642677-agent-orange-kak-ssha-vo-vremya-voyny-vo-vietname-ispolzovali-odin-iz-samyh-opasnyh-dlya-cheloveka-himikatov/> (дата обращения: 26.10.2025).

Колумбия, Перу, Суринам, Французская Гвиана и Эквадор. Разлив нефти в Персидском заливе во время Второй войны в Персидском заливе в 1990–1991 гг. и поджог иракскими военными нефтяных скважин в Кувейте привели к массовой гибели птиц и морских животных в Персидском заливе и затронули экологию не только Кувейта, но и Саудовской Аравии, Ирака, Ирана, Катара, Бахрейна – всех стран, расположенных поблизости от места слива нефти в залив.

Таким образом, факт размытости понятия «массовость» отмечают практически все исследователи, а некоторые из них даже призывают дать нормативную оценку понятию «массовое уничтожение», что, по их мнению, «будет способствовать не только четкому разграничению применяемого состава преступления, но и даст возможность конкретно определять экоцид на практике, «вывести» состав из разряда догматических норм в реально работающий инструмент»²⁷⁸.

Несмотря на предпочтительность формально-определённой терминологии, дать универсальное определение «массовости» для таких разных объектов, как растительный и животный мир, невозможно – любые количественные критерии будут оспоримы. Полагаем, что в данном случае оценочность закона неустранима и даже полезна – она преодолевается экспертными оценками, комплексными экспертизами и профессиональным правосознанием следователей, прокуроров и судей.

Аналогичный подход к преодолению оценочности законодательных терминов закреплён и в судебной практике применительно к смежным экологическим составам. Так, в п. 6 Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 18.10.2012 № 21 разъяснил, что для установления в содеянном признака массового заболевания людей (ч. 3 ст. 247 УК РФ) рекомендуется привлекать соответствующих специалистов либо экспертов – представителей федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных осуществлять надзор в сфере защиты прав потребителей и

²⁷⁸Шикун И.Р., Проскуряков А.И. Указ. соч.

благополучия человека]. Это подтверждает, что оценочные признаки, включая «массовость» при экоциде, может быть установлена не произвольно, а на основе заключений компетентных специалистов.

Что касается момента окончания массового уничтожения растительного или животного мира, то к нему применима классическая формула, выработанная наукой уголовного права для всех преступлений с формальным составом, – им будет являться выполнение соответствующих действий в полном объеме. Если действия не достигли критерия «массовости» или границы «уничтожения», они квалифицируются как покушение.

Вторая форма преступного деяния при экоциде – отравление атмосферы или водных ресурсов. Здесь большие сомнения вызывает правильность использования термина «отравление». Дело в том, что в общеупотребительном языке и специальных областях знаний (медицине, биологии, токсикологии) «отравление» однозначно определяется как патологическое состояние живого организма, вызванное воздействием яда или токсина. На сегодняшний день все словари определяют «отравление» как «заболевание, обусловленное воздействием яда на организм», «болезнь, возникающую под воздействием ядовитого вещества (яда) на организм и сопровождающуюся в большинстве случаев нарушением его структур и функций», «расстройство здоровья или смерть, вызванные действием ядовитого вещества», «заболевания животных вследствие вредного действия ядовитых веществ», «заболевания, возникающие при употреблении в пищу продуктов, содержащих ядовитые вещества»²⁷⁹, и т. п. Энциклопедический

²⁷⁹ См. Отравление // Большая советская энциклопедия : [сайт]. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/085/783.htm> (дата обращения: 05.12.2025); Отравление // Ветеринарный энциклопедический словарь : [сайт]. – URL: <https://www.cnshb.ru/AKDiL/0006/base/RO/002545.shtm> (дата обращения: 05.12.2025); Отравление // Криминалистическая энциклопедия : [сайт]. – URL: <https://law.niv.ru/doc/encyclopedia/criminalistics/fc/slovar-206.htm> (дата обращения: 09.12.2025); Сельскохозяйственный словарь-справочник / гл. ред. А.И. Гайстер. – 1934. – URL: <https://bio.niv.ru/doc/dictionary/agriculture/index.htm> (дата обращения: 09.12.2025);

словарь Брокгауза и Ефрона дефинирует отравление в двух значениях: как способ лишения жизни человека и как способ добывания и истребления хищных животных²⁸⁰.

Как видим, данное понятие имманентно связано с наличием биологической жизни, метаболизма, способности к гомеостазу. В различных областях знаний термин «отравление» используется исключительно по отношению к людям или животным, т. е. к организмам, живым телам, особям биологического вида, обладающим совокупностью свойств, отличающих их от неживой материи, в том числе обменом веществ, самоподдерживанием своего строения и организации, способностью воспроизводить их при размножении с передачей наследственных признаков следующим поколениям²⁸¹.

В ст. же 358 УК РФ вразрез с этой тенденцией законодатель, формулируя признаки экоцида, использовал понятие «отравление» применительно к неживой природе. Причём такая ошибка допущена не только в ст. 358 УК РФ, но еще и в ч. 2 ст. 247 УК РФ (нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов – применительно к «окружающей среде») и ст. 254 УК РФ (порча земли – применительно к «земле»), что не укладывается в единую логику единообразия понятий, необоснованно расширяет смысл термина, применяя его к абиотическим компонентам природной среды – атмосфере и гидросфере. Отмеченная терминологическая неточность усугубляется тем, что специальные научные исследования экологического характера при описании соответствующих

Отравления // Большая российская энциклопедия : [сайт]. – URL: <https://bigenc.ru/l/otravleniia-399011> (дата обращения: 05.12.2025).

²⁸⁰ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : [сайт]. – URL: <https://www.vehi.net/brokgauz/> (дата обращения: 05.12.2025).

²⁸¹ Организм // Большая российская энциклопедия : [сайт]. – 19.05.2022. – URL: <https://bigenc.ru/c/organizm-98d360> (дата обращения: 05.12.2025).

проблем оперируют терминами иного порядка: «выбросы», «ущерб», «вред», «деградация», «загрязнение»²⁸².

Самым распространённым и универсальным из них является лексема «загрязнение», широко применяемая для описания экологических проблем в атмосфере и гидросфере. Например, это понятие широко используется в Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»²⁸³, где дано определение загрязнению окружающей среды как «поступлению в окружающую среду вещества и (или) энергии, свойства, местоположение или количество которых оказывают негативное воздействие на окружающую среду», от 26.07.2019 № 195-ФЗ «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха»²⁸⁴, от 04.05.1999 № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха»²⁸⁵, КоАП РФ²⁸⁶, Земельном кодексе РФ²⁸⁷ и других федеральных нормативных актах.

Анализ разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, содержащихся в Постановлении от 18.10.2012 № 21²⁸⁸, показал, что судебная практика при квалификации преступлений, связанных с химическим воздействием на

²⁸²Экологическая ответственность: глобальная политика сохранения окружающей среды : аналитическое исследование / Группа «Деловой профиль». – URL: https://delprof.ru/upload/iblock/cb5/DelProf_Analitika_Globalnaya-ekologicheskaya-otvetstvennost.pdf (дата обращения: 05.12.2025).

²⁸³Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об охране окружающей среды» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁸⁴Федеральный закон от 26.07.2019 № 195-ФЗ «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁸⁵Федеральный закон от 04.05.1999 № 96-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об охране атмосферного воздуха» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁸⁶Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁸⁷Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁸⁸Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 26.05.2015) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

окружающую среду, использует термин «загрязнение» как родовое понятие, охватывающее в том числе и его крайнюю форму – «отравление», при этом четкой границы между ними не проводится. Правоприменительная практика рассматривает «отравление» как частный случай наиболее опасных последствий загрязнения, также не разграничивая их по каким-то определенным признакам. Следовательно, использование законодателем в ст. 358 УК РФ термина «отравление» применительно к неживым объектам (атмосфере и водным ресурсам) является юридико-технической ошибкой. Замена архаичного и узкого термина «отравление» на универсальное понятие «загрязнение» не создаст правовой неопределенности, а напротив, приведет норму в соответствие с устоявшимися подходами при квалификации экологических преступлений и позволит охватить все возможные формы опасного химического воздействия на окружающую среду. Исходя из этого представляется целесообразным заменить в ст. 358 УК РФ слово «отравление» на «загрязнение».

Однако такая замена сразу ставит вопрос об отграничении «загрязнения – экоцида» от «загрязнения – экологического преступления», ответственность за совершение которых предусмотрена в статьях 247 (нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов), 250 (загрязнение вод), 251 (загрязнение атмосферы), 252 (загрязнение морской среды), 254 (порча земли), 261 (уничтожение или повреждение лесных насаждений) УК РФ. В данной ситуации самым первым при расследовании экоцида встанет вопрос о количественных, качественных и временных параметрах: объеме сбросов, площади загрязнения, степени канцерогенности веществ, длительности воздействия и т. д.

Представляется, что решение может быть следующим: предусмотреть в ст. 358 УК РФ «способность вызвать экологическую катастрофу» не только в отношении «иных действий», но и в отношении загрязнения атмосферы и гидросферы. Таким образом, объективную сторону экоцида будут образовывать массовое уничтожение растительного или животного мира как

такое, а загрязнение атмосферы или гидросферы и совершение иных действий – только при наличии общего признака: способности вызвать экологическую катастрофу. Редакция предлагаемого решения может быть такой: «Массовое уничтожение растительного или животного мира, а равно загрязнение атмосферы, гидросферы, почвы или совершение иных действий при условии, что такие загрязнения и действия способны вызвать экологическую катастрофу, наказываются...». В таком случае момент окончания загрязнения и иных действий будет связан с достижением ими того уровня опасности, за которым возможно наступление экологической катастрофы.

Третья, последняя, альтернативная форма преступного деяния – иные действия, способные вызвать экологическую катастрофу. Данная разновидность деяния оценивается в доктрине как неконкретизированная, охватывающая любую деятельность человека, изменяющую структуру Земли, её оболочки и биосферу. Соглашаясь с таким подходом, полагаем необходимым уточнение: поскольку описание включает и позитивную деятельность, при характеристике экоцида следует акцентировать внимание именно на негативные изменения или вредное влияние на биосферу.

Серьёзные, практически непреодолимые трудности возникают с понятием «экологическая катастрофа», которое также является оценочным, лежащим за пределами нормативно-правового поля (более подробно в § 1.2 работы). Здесь же отметим, что наряду с понятием «экологическая катастрофа» учеными для фиксации и описания локальных и глобальных угроз в сфере экологии используются достаточно большое количество терминов, схожих по смыслу: экологическая катастрофа²⁸⁹, экологический кризис²⁹⁰, экологические преступления; экоцид²⁹¹, геоцид²⁹², биоцид²⁹³,

²⁸⁹ Геворкян С.Г., Геворкян И.С. Указ. соч.

²⁹⁰ Тимофеев А.Д. Указ. соч.

²⁹¹ Поскольку понятие экоцида используется в уголовном законе для наименования одного из составов преступлений против мира и безопасности человечества, специальная научная литература, посвященная ему, а также экологическим преступлениям, очень

омницид²⁹⁴, экологический терроризм²⁹⁵, биотерроризм²⁹⁶, экологический экстремизм²⁹⁷, эколого-правовой конфликт²⁹⁸, экологический активизм (радикализм)²⁹⁹ и др. В нормативных актах также наблюдается достаточно

многочисленна. С учетом этого приведем в данной сноске только те, которые включены нами в базу исследования: Геворкян С.Г., Геворкян И.С. Указ. соч.; Веревичева М.И. Указ. соч.; Коняхин В.П. Экоцид в контексте международного, зарубежного и российского уголовного права: сравнительно-правовой анализ // Реализация и защита экологических прав граждан : сборник материалов Всероссийской конференции ... Самара, 19 октября 2017 года / под ред. А.Г. Безверхова, А.В. Юдина. – Самара : Вектор, 2018. – С. 66–73; Левитанус Б.А., Стрельников С.В. Правовое регулирование «экоцида» в России и зарубежных странах // Ленинградский юридический журнал. – 2020. – № 3 (61). – С. 69–79, и др.

²⁹²Экологические преступления // Глоссарий.ru : [сайт]. – URL: http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_exs2.cgi?E.08*dqurujolxqol!vwlxyzvrlto9 (дата обращения: 16.11.2025).

²⁹³Делевер А.В. Биоцид и экоцид: проблемы международно-правового регулирования // Ступени роста : Материалы 73-й межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых / сост. и отв. ред. Л.А. Исакова. – Кострома : Издательство Костромского государственного университета, 2021. – С. 142.

²⁹⁴См.: Турчин А.В. Структура глобальной катастрофы : Риски вымирания человечества в XXI веке. – Москва : УРСС, 2010. – URL: <https://proza.ru/2007/08/10-217> (дата обращения: 16.11.2025); Бостром Н. Угрозы существованию. Анализ сценариев человеческого вымирания и других подобных опасностей / пер. А.В. Турчина // Проза.ру : [сайт]. – 04.04.2007. – URL: <https://proza.ru/2007/04/04-210> (дата обращения: 16.11.2025).

²⁹⁵См.: Алексанин С.С. и др. Экологический терроризм – феноменология, виды, факторы, превенция // Экология человека. – 2018. – № 12. – С. 4–11; Дубовик О.Л. Криминологические и уголовно-правовые предпосылки борьбы с экологическим терроризмом и экологическим экстремизмом // Lex Russica. – 2018. – № 9 (142). – С. 75–90; Морозов В.И., Пушкарев В.Г. Экологический терроризм: понятие, сущность, квалификация // Уголовное право. – 2007. – № 2. – С. 122–124.

²⁹⁶См.: Кобец П.Н. Особенности феномена биотерроризма в условиях XXI столетия и меры противодействия // Научный портал МВД России. – 2021. – № 1 (53). – С. 104–109. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-fenomena-bioterrorizma-v-usloviyah-xxi-stoletiya-i-mery-protivodeystviya> (дата обращения: 16.11.2025); Ткаченко Н.Н., Ищенко Д.П. К вопросу о понятии и мерах по борьбе с биологическим терроризмом // Юристъ-Правоведъ. – 2019. – № 4 (91). – С. 83–88.

²⁹⁷Савин А.В. Экологический экстремизм как новый вызов экономической безопасности промышленных организаций в России // Вестник ГУУ. – 2016. – № 6. – С. 213–217. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskij-ekstremizm-kak-novyy-vyzov-ekonomicheskoy-bezopasnosti-promyshlennyh-organizatsiy-v-rossii> (дата обращения: 16.11.2025).

²⁹⁸См.: Дубовик О.Л. Экологическая конфликтология (предупреждение и разрешение эколого-правовых конфликтов) : монография. – Москва : Норма, 2019. – 280 с.; Каус Н.А. К вопросу об особенностях эколого-правовых конфликтов // Правопорядок: история, теория, практика. – 2014. – № 2 (3). – С. 42–46. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-osobennostyah-ekologo-pravovyh-konfliktov> (дата обращения: 16.11.2025).

²⁹⁹См.: Вилейкис А.И. Экологический радикализм: насилие ради общего блага? // Социодиггер. – 2022. – Т. 3, № 7 (19). – С. 25–31. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskij-radikalizm-nasilie-radi-obshchego-bлага> (дата обращения: 10.07.2023); Березина И.С., Цвериганашвили И.А., Шутман Д.В.

большое разнообразие определений «экологическое или стихийное бедствие», «техногенная катастрофа», «чрезвычайная ситуация» и др. Не останавливаясь подробно на характеристике всех этих понятий, отметим лишь, что полагаем верной точку зрения А.И. Проскурякова, И.Р. Шикула о том, что «понятие «экологическая катастрофа» должно получить свое легальное определение»³⁰⁰ и о необходимости определения понятия «экологическая катастрофа» в примечании к ст. 358 УК РФ как «экстремальную ситуацию антропогенной природы, влекущую за собой разрушение локальных экосистем либо их резкое и существенное негативное изменение».

Ограничение предлагаемого понятия локальной экологической катастрофой продиктовано обычной логикой: при наступлении глобальной катастрофы ни размышлять о ней, ни отвечать за нее, ни реализовывать ответственность будет некому.

Законодатель отказался от дифференциации ответственности за экоцид, закрепив формальный состав в ст. 358 УК РФ. При отсутствии судебной практики важно определить момент окончания преступления при наступлении экологической катастрофы. Считаем, что несмотря на большой угрожающий потенциал экоцида, его фактическая реализация несравнима по общественной опасности с созданием угрозы и требует самостоятельной оценки в рамках квалифицированного состава. В связи с этим предлагаем дополнить ст. 358 УК РФ частью второй следующего содержания: «Те же деяния, повлекшие экологическую катастрофу, наказываются...».

Экологический радикализм в общественных организациях ФРГ на современном этапе // Управленческое консультирование. – 2022. – № 1. – С. 115–123; Логинова Л.В., Щепланова В.В. Феномен экологического активизма в перспективе социологического дискурса // Logos et Praxis. – 2021. – № 3. – С. 60–68. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-ekologicheskogo-aktivizma-v-perspektive-sotsiologicheskogo-diskursa> (дата обращения: 10.07.2023).

³⁰⁰Шикула И.Р., Проскуряков А.И. Указ. соч.

Считаем целесообразным кратко остановиться еще на одной особенности экоцида, тесно связанной с его объективной стороной, а именно возможности его совершения как продолжаемого преступления.

Понятие и специфика продолжаемого преступления, бесспорно, основываются и на субъективных признаках конкретного деяния, и на его объекте. В связи с этим обоснование экоцида как продолжаемого преступления в данной части исследования вытекает из очередности уголовно-правовой характеристики элементов его состава, в которой объективная сторона предшествует рассмотрению субъективных признаков.

Как видим, каждая из трех форм преступного деяния *экоцид* допускает с языковой точки зрения «множественность» соответствующих действий. Так, массовое уничтожение растительного или животного мира может складываться из нескольких деяний, лишь в совокупности отвечающих критерию «массовости». То же самое можно допустить и в отношении «отравления» атмосферы или гидросферы. Что касается «иных действий», то даже при их описании в ст. 358 УК РФ использовано множественное число, что максимально облегчает толкование таких действий как нескольких.

Понятие продолжаемого преступления сформулировано в п. 4 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 43): «Продолжаемым является преступление, состоящее из двух или более тождественных противоправных деяний, охватываемых единым умыслом. При этом продолжаемое преступление может быть образовано как деяниями, каждое из которых в отдельности содержит все признаки состава преступления ... так и деяниями, каждое или часть из которых не содержат всех признаков состава преступления, но в своей совокупности составляют одно преступление ...». Данное определение существенно изменило подход Верховного суда РФ к продолжаемому преступлению, изложенный им в ранее действовавшем судебном акте: в настоящее время такое преступление

охватывает не только тождественные преступные, но и противоправные деяния³⁰¹. Из этого следует, что экоцид как единичное продолжаемое преступление может складываться, во-первых, из тождественных преступных деяний, каждое из которых подпадает под признаки ст. 358 УК РФ; во-вторых, из экологических преступлений (например, предусмотренных ст. 250–252 УК РФ), в совокупности образующих экоцид; в-третьих, из соответствующих противоправных посягательств на окружающую среду, также в совокупности образующих экоцид; в-четвертых, из различных комбинаций преступных и противоправных деяний, указанных в предыдущих трех случаях. При этом важное значение в обосновании продолжаемого экоцида будут иметь его субъективные признаки, о чем пойдет речь в других разделах исследования.

Выводы:

Состав экоцида является формальным. Все три альтернативные формы деяния, предусмотренные ст. 358 УК РФ (массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, иные действия, способные вызвать экологическую катастрофу), следует считать оконченными с момента совершения самих действий, а не с наступления последствий. Экологическая катастрофа не является обязательным последствием экоцида, а лишь возможным результатом «иных действий», что вытекает из языкового толкования закона и употребления союза «а также».

Термин «отравление» применительно к неживой природе является некорректным и подлежит замене на «загрязнение». В медицине, биологии и токсикологии «отравление» означает патологическое состояние живого организма, тогда как в ст. 358 УК РФ он используется применительно к атмосфере и водным ресурсам, что противоречит научному и

³⁰¹Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» (ред. от 14.03.1963 № 1) : [утратило силу в связи с принятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 43] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 06.03.2026).

общеупотребительному пониманию. Анализ судебной практики подтверждает, что «загрязнение» используется как родовое понятие, охватывающее «отравление», но четкого разграничения не содержит.

Предлагается распространить признак «способности вызвать экологическую катастрофу» не только на «иные действия», но и на загрязнение, что позволит отграничить экоцид от смежных экологических преступлений.

Оценочность понятий «массовость» и «экологическая катастрофа» неустраима, но преодолима экспертными средствами. Универсальное определение «массовости» уничтожения для столь разных объектов, как растительный и животный мир, невозможно в силу их разнородности и отсутствия чётких законодательных дефиниций. Любые количественные критерии будут оспоримы. В данной ситуации оценочность закона полезна – она преодолевается с помощью комплексных экспертиз, привлечения специалистов-экологов и профессионального правосознания следователей и судей. Аналогичная ситуация складывается с понятием «экологическая катастрофа», которое предлагается закрепить в примечании к ст. 358 УК РФ как «экстремальную ситуацию антропогенной природы, влекущую за собой разрушение локальных экосистем либо их резкое и существенное негативное изменение».

Отсутствие квалифицированного состава экоцида является пробелом, требующим восполнения. Предлагается дополнить ст. 358 УК РФ частью второй: «Те же деяния, повлекшие экологическую катастрофу, наказываются...». Кроме того, экоцид может быть совершен как продолжаемое преступление, складываясь из тождественных преступных деяний, экологических преступлений (ст. 250–252 УК РФ) или их комбинаций. Каждая из трёх форм деяния в силу языкового толкования может включать в себя: 1) тождественные преступные деяния, каждое из которых подпадает под признаки ст. 358 УК РФ; 2) экологические преступления (ст. 250–252 УК РФ), в совокупности образующие экоцид; 3) противоправные посягательства на окружающую среду, в

совокупности образующие экоцид; 4) различные комбинации преступных и противоправных деяний, указанных в предыдущих трех случаях.

§ 3.3. Субъект экоцида и его признаки в уголовном праве России.

Институт субъекта преступления занимает центральное место в системе уголовного права России. Именно через установление признаков субъекта решается фундаментальный вопрос о возможности возложения на конкретное лицо уголовной ответственности. Статья 8 УК РФ устанавливает, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом.

Субъект преступления наряду с объектом, объективной и субъективной стороной является неотъемлемым элементом этого состава.

В теории уголовного права субъект преступления определяется как вменяемое физическое лицо, достигшее установленного законом возраста, способное нести уголовную ответственность за совершение общественно опасного деяния.

Исторически понятие субъекта преступления в российском праве претерпевало значительные изменения. Например, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.³⁰² отсутствовало четкое определение субъекта. Однако ст. 98 Уложения уже тогда в качестве причин, по которым содеянное не должно быть вменяемо в вину, указывала на «малолетство в таком возрасте, когда подсудимый не мог еще иметь понятия о свойстве деяния», и «безумии, сумасшествии и припадке болезни, приводящих в умоисступление или совершенное беспамятство».

³⁰²Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – Санкт-Петербург : Тип. 2 отделения собств. е. и. в. канцелярии, 1845. – [4], IV, 898, XVII с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002889696/ (дата обращения: 20.10.2025).

Первый советский Уголовный кодекс РСФСР от 01 июня 1922 г.³⁰³, признавая преступлением «всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени» (ст. 6), уже четко определял, что действие он распространяет на «граждан и иностранцев» (ст. 1-3), т. е., говоря современным языком, физических лиц, и устанавливал, что «наказанию не подлежат лица, совершившие преступление в состоянии хронической душевной болезни или временного расстройства душевной деятельности...» (ст. 17) и «наказание не применяется к малолетним до 14 лет» (ст. 18).

Развитие уголовной науки, накопление опыта и судебной практики в результате привело к тому, что к середине XX в. в российском уголовном праве сформировались классические признаки субъекта преступления: вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Современный УК РФ, вступивший в действие с 01.01.1997 г., сохранил эту триаду.

Изучение научной разработанности в российском уголовном праве вопросов, связанных с характеристикой субъекта экоцида, анализ его обязательных и факультативных признаков показывают, что вопрос определения признаков субъекта экоцида, применительно к ст. 358 УК РФ, является достаточно сложным и неоднозначным. На сегодняшний день существуют две крупные проблемы. Первая из них заключается в крайне незначительном количестве каких-либо значимых результатов и даже просто сведений о субъекте экоцида. Последние либо представлены в очень сжатом, «не развернутом» виде, либо отсутствуют вообще. В подавляющем большинстве публикаций их авторы ограничиваются одним или двумя предложениями на этот счёт, указывая на то, что субъект экоцида – это

³⁰³ Уголовный кодекс Р.С.Ф.С.Р. // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 20.10.2025).

физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. Условно эту проблему можно именовать «количественной». Вторая проблема – «качественная» – характеризует содержательную сторону мнений о субъекте экоцида: практически все ученые считают, что он является общим, т. е. физическим лицом, вменяемым и достигшим шестнадцатилетнего возраста. Несущественным исключением из этой тенденции выглядят отдельные немногочисленные публикации, в которых среди общих признаков субъекта экоцида по каким-то неясным причинам не названа «вменяемость». Их авторы определяют субъекта как лицо (или «любое лицо»), достигшее шестнадцати лет³⁰⁴.

А.Г. Кибальник и И.Г. Соломоненко полагают, что «буквальное прочтение ст. 358 УК РФ свидетельствует о том, что за любой акт экоцида ответственности подлежит общий субъект»³⁰⁵. Им вторит О.Ю. Греченкова: «исходя из буквы УК РФ (ст. 20, 358), уголовной ответственности за экоцид подлежит *общий субъект*, т. е. любое вменяемое лицо, достигшее на момент совершения преступления возраста 16 лет. Данное положение согласуется с принципами и нормами международного права, закрепившими ответственность «всякого» за совершение преступлений против мира и безопасности человечества»³⁰⁶. Это «эталонное мнение» поддерживают также Г.А. Есаков, Л.В. Иногамова-Хегай, В.В. Каболов³⁰⁷ и др.

Вместе с тем в специальной литературе встречаются редкие попытки затронуть проблему, связанную со специальными признаками субъекта экоцида или, если говорить шире, большинства преступлений против мира и безопасности человечества. Например, В.В. Лисаускайте замечает: «можно

³⁰⁴ Слабкая Д.Н., Новиков А.В. К вопросу о преступлениях против человечности // Вопросы российского и международного права. – 2020. – Т. 10, № 11-1. – Мы склонны рассматривать данную неловкость как пробел технического свойства, поскольку оснований для упрека авторам в незнании признаков субъективной стороны преступления как будто не имеется.

³⁰⁵ Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Указ. соч.

³⁰⁶ Греченкова О.Ю. Указ. соч.

³⁰⁷ Каболов В.В. Преступления против мира и безопасности человечества : дис. ... канд. юр. наук. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 86.

предположить о возможности специального субъекта, поскольку подобные действия могут быть совершены лицом, на которое возложены определенные обязанности по обеспечению безопасности определенных объектов, нарушение которой может повлечь последствия, предусмотренные ст. 358 УК РФ»³⁰⁸. О.Ю. Греченкова, характеризуя субъект экоцида как «общий», одновременно разделяет идею уголовной ответственности за него юридических лиц, а «практическое осуществление в настоящее время уголовной ответственности государства за совершение экоцида» считает невозможным³⁰⁹. А.А. Жинкин и Т.Ю. Жинкина придерживаются примерно аналогичных взглядов³¹⁰.

По нашему мнению, субъект экоцида может быть только специальным. Обоснуем его следующими положениями.

История экоцида как преступного деяния убедительно свидетельствует о том, что акты экоцида как преступного деяния совершались в подавляющем своем большинстве во время ведения войн – именно государства принимают решения о начале военных действий и о методах ведения войны. Об этом свидетельствуют различные определения термина «война»: «вооруженная борьба между государствами или народами, между классами внутри государства»; «социально-политическое противоборство государств (коалиций государств), народов, социальных, национальных либо религиозных групп, основное содержание которого составляет широкое применение вооружённых сил (формирований)»; «общественно-политическое явление, продолжение политики насильственными средствами»; «социально-политическое явление, представляющее собой крайнюю форму разрешения социально-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и

³⁰⁸Лисаускайте В.В. Указ. соч.

³⁰⁹Греченкова О.Ю. Указ. соч.

³¹⁰Жинкин А.А., Жинкина Т.Ю. Экоцид: проблемы законодательной регламентации и квалификации // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. – 2014. – № 3-4 (63-64). – С. 137–143.

других противоречий между государствами, народами, нациями, классами и социальными группами посредством вооружённой борьбы»; «организованная вооруженная борьба между государствами, нациями (народами), социальными группами»³¹¹ и др. Таким образом, все приведенные толкования начинают перечень субъектов войны с государств или явно дают понять это, поскольку «продолжение политики насильственными средствами» возможно только со стороны государства.

Возможность ответственности государств обсуждалась еще при подготовке проекта Конвенции о геноциде 1948 г. во время работы Комиссии международного права над проектом Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Закрепление ответственности государств в этих документах было отклонено, а обоснование дано Комитетом по уголовной юстиции в 1951 г. Так, при обсуждении ст. 25 проекта Статут Международного уголовного суда указал, что в связи с тем, что «... ответственность государств за действия, составляющие международные преступления, имеет преимущественно политический характер...» и «... не дело суда решать подобные вопросы». На основании этого единственной мерой ответственности, которая рассматривалась в то время в этой связи, была репарация³¹².

Продолжавшиеся десятилетиями обсуждения проблемы в рамках Комиссии международного права ООН в 1996 г. увенчались завершением работы над документом под названием «Проект Кодекса преступлений

³¹¹ См. Война // Толковый словарь Ожегова : [сайт]. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3653> (дата обращения: 07.08.2024); Война // Большая российская энциклопедия : [сайт]. – 03.08.2022. – URL: <https://bigenc.ru/c/voina-911cd6> (дата обращения: 07.08.2024); Война // Словарь военных терминов. – Москва : Воениздат, 1988. – URL: <https://rus-military-terms-dict.slovaronline.com/search?s=война> (дата обращения: 07.08.2024); Война // Гражданская защита : энциклопедический словарь / под общ. ред. В.А. Пучкова ; МЧС России. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2015. – С. 79.; Война // Большой российский энциклопедический словарь. – 2012. – URL: <https://slovar.cc/enc/bolshoy-rus/1701940.html> (дата обращения: 21.10.2025).

³¹² Абдрашитов В.М. Ответственность государств за международные преступления и защита прав человека // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. – 2005. – № 4-1. – С. 58–60.

против мира и безопасности человечества». Но и он оставил открытым ключевой для международного правосудия вопрос об уголовной ответственности государств. Комиссия решила ограничиться рассмотрением вопросов индивидуальной ответственности за международно-преступные деяния³¹³.

Таким образом, в существующей на сегодняшний день мировой правовой системе невозможно решить вопрос о привлечении государств к уголовной ответственности. К международно-правовой ответственности безусловно – да, но не к уголовной.

Наиболее четко эту мысль сформулировала Е.Ю. Антонова, которая констатирует: «Уголовной ответственности не подлежат государство, федеральные органы государственной власти, органы местного самоуправления, иные юридические лица, осуществляющие возложенные на них федеральным законом отдельные государственные полномочия, а также иностранные государства, органы государственной власти иностранных государств, иные иностранные государственные органы и юридические лица, осуществляющие отдельные государственные полномочия»³¹⁴.

Другим «кандидатом» на роль субъекта экоцида можно было бы назвать юридическое лицо.

Масштаб деятельности коллективных субъектов, нацеленность их на извлечение прибыли любыми средствами, имеющиеся в арсенале мощные инструменты и даже результаты их деятельности, приведшие к масштабным экологическим катастрофам, свидетельствуют о том, что данный вопрос не является праздным. Более того, возможность привлечения к уголовной ответственности юридических лиц за совершение экологических преступлений уже решена в целом ряде стран с развитыми правовыми

³¹³ Манасян А. Государство в реалиях международно-уголовных деяний // AAPSC.info : [сайт]. – 29.05.2023. – URL: <https://www.aapsc.info/post/государство-в-реалиях-международно-уголовных> (дата обращения: 15.10.2025).

³¹⁴ Полный курс уголовного права : в 10 т. / Е.Ю. Антонова, Г.А. Есаков, И.Э. Звечаровский [и др.]. – Санкт-Петербург : Юридический центр Академия, 2021. – 660 с.

системами: США, Великобритании, Франции, Португалии, Дании, Индии, Канаде, Австралии, Австрии, Бельгии и т. д. Например, уголовное преследование было возбуждено правительством США в отношении британской нефтедобывающей компании BP (до мая 2001 г. British Petroleum) за произошедшую в 2010 г. по ее вине аварию на шельфовой платформе Deepwater Horizon в Мексиканском заливе, что привело к выплате компанией колоссальных штрафов³¹⁵ для урегулирования всех гражданских исков, в том числе связанных с гибелью 11 человек, очистку залива и покрытие экономических потерь³¹⁶.

В Германии, Италии и Швеции установлена квазиуголовная (административно-уголовная) корпоративная ответственность.

Правовые системы Испании, Мексики, Перу, Кыргызской Республики предусматривают применение к юридическим лицам иных мер уголовно-правового характера: так называемых «мер безопасности».

Стоит сказать о том, что впервые в международном праве возможность привлечения к уголовной ответственности юридических лиц была установлена в Конвенции о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства ETS № 172³¹⁷ (далее – Конвенция, Конвенция 1998 г.), заключённой в г. Страсбурге 04 ноября 1998 г. правительствами государств – членов Совета Европы и других государств, подписавших Конвенцию. Конвенция так и не вступила в силу и осталась «мертвой»: государства-участники, разрабатывавшие её, в конечном итоге её так и не ратифицировали. Однако некоторые положения этой Конвенции, в том числе о привлечении к уголовной ответственности юридических лиц за

³¹⁵BP заплатит \$4,5 млрд штрафа за разлив нефти в Мексиканском заливе // ЭнергоНьюс : [сайт]. – URL: <https://energo-news.ru/archives/87541> (дата обращения: 17.10.2025).

³¹⁶15 лет прошло с начала крупнейшей утечки нефти в Мексиканском заливе // Нефть и капитал : [сайт]. – 22.04.2025. – URL: <https://oilcapital.ru/news/2025-04-22/15-let-proshlo-s-nachala-krupneyshey-utechki-nefti-v-meksikanskom-zalive-5374984> (дата обращения: 17.10.2025).

³¹⁷Конвенция о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства : [заключена в г. Страсбурге 04.11.1998] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901909718> (дата обращения: 05.12.2025).

экологические преступления, нашли отражение в национальных правовых системах.

Сегодня тенденция к введению уголовной или сопоставимой с ней квазиуголовной ответственности для юридических лиц за экологические преступления становится достаточно распространённой и является мировым трендом. Например, в 2024 году Европейским союзом была принята Директива (ЕС) 2024/1203, которая является рамочной для государств-участниц. Тем не менее в контексте настоящего параграфа диссертации рассмотрим, как этот вопрос с точки зрения определения Директивой круга субъектов преступления, привлекаемых к ответственности за «действия, сопоставимые с экоцидом».

Директива устанавливает ответственность для физических и юридических лиц. При этом уголовное преследование юридических лиц не исключает, а дополняет ответственность физических – механизм не препятствует привлечению к ней же физических лиц, и наоборот.

Следует отметить, что Директива не предусматривает привлечение к ответственности физических лиц, не наделённых управленческими функциями, т. е., говоря на языке российского законодателя, «простого субъекта», – во всех случаях речь идёт о специальных субъектах, под которыми понимаются:

- 1) члены совета директоров корпораций, совершающие, подстрекающие или соучастники уголовных преступлений (п. 38 Преамбулы, п. 3 ст. 6);

- 2) любые лица, занимающие руководящую должность в юридическом лице, действующие как индивидуально, так и в составе органа этого юридического лица, на основании права представительства юридического лица или наделённые полномочиями принимать решения от имени юридического лица или по осуществлению контроля в рамках юридического лица (п. 1 ст. 6);

3) лица, находящиеся под руководством лиц, занимающих руководящую должность в юридическом лице, действующие как индивидуально, так и в составе органа этого юридического лица, на основании права представительства юридического лица или наделённые полномочиями принимать решения от имени юридического лица или по осуществлению контроля в рамках юридического лица, когда отсутствие контроля с их стороны сделало возможным совершение уголовного преступления в интересах юридического лица (п. 2 ст. 6).

Другими словами, ответственности подлежат:

- 1) руководители компаний – члены совета директоров;
- 2) лица, наделённые определёнными полномочиями по совершению действий от имени юридического лица;
- 3) лица среднего звена, если преступление было совершено ими при отсутствии контроля со стороны их руководителей, наделённых полномочиями по совершению действий от имени юридического лица.

Тем самым Директива фактически признает, что совершить преступные «действия, сопоставимые с экоцидом», простому гражданину невозможно – сделать это может лишь физическое лицо, наделённое властными полномочиями и действующее от имени юридического лица или в составе его органов управления или контроля.

При решении вопроса о привлечении к ответственности юридических лиц Директива специально оговаривает, что в их состав не включены государства или государственные органы, осуществляющие государственную власть, или публичные международные организации, но с оговоркой, что это минимальные предписания и государства-члены могут принимать более строгие правила, в том числе об уголовной ответственности государственных органов.

Таким образом, Директива, устанавливая уголовную ответственность для юридических лиц, формы вины, смягчающие и отягчающие обстоятельства, наказание и т. д. неразрывно связывает ее с действиями их

руководителей, умышленно или «как минимум с серьезной неосторожностью» совершивших, подстрекавших или содействовавших совершению экологического преступления, в том числе квалифицированного.

Представляется, что само по себе принятие Европейским союзом этой Директивы фактически является признанием того, что привлечения только физических лиц за «действия, сопоставимые с экоцидом», зачастую недостаточно для предотвращения масштабного экологического вреда, источником которого являются корпоративные структуры.

Вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности юридических лиц последние годы интенсивно обсуждается среди российских ученых-правоведов. Например, имеются исследования института корпоративной уголовной ответственности в зарубежных правовых системах, сформирован корпус аргументов в пользу корпоративной уголовной ответственности³¹⁸, предложена ее теоретическая модель³¹⁹. Вопросами научной разработки этих идей занимались Е.Ю. Антонова, Г.И. Богуш, Л.В. Головкин, С.Г. Келина, А.И. Коробеев, А.В. Наумов, В.А. Номоконов, Н.В. Щедрин и другие ученые. В 2026 году А. В. Федоровым защищена докторская диссертация на тему: Теоретические основы уголовной ответственности юридических лиц (сравнительно-правовое исследование)³²⁰.

Помимо этого, нормы об административной ответственности коллективных субъектов уже закреплены в КоАП РФ, а в области уголовного права были подготовлены несколько проектов законов, нацеленных на включение в УК РФ института уголовной ответственности юридических лиц. Например, в 2015 году депутатом Государственной Думы ФС РФ А.А.

³¹⁸ Антонова Е.Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности : монография. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2011. – 421 с. – С. 402–404.

³¹⁹ Антонова Е.Ю. Теоретическая модель корпоративной (коллективной) уголовной ответственности // Lex Russica. – 2013. – № 8. – С. 884–897.

³²⁰ Федоров А.В. Теоретические основы уголовной ответственности юридических лиц (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2026. – 1866 с.

Ремезковым был внесен проект Федерального закона № 750443-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц»³²¹. Однако при обсуждении и голосовании согласованного проекта в первом чтении в Государственной Думе данное предложение не прошло, и УК РФ 1996 года остался на прежних позициях по этому вопросу³²².

Российское уголовное законодательство последовательно исходит из того, что субъектом преступления может быть только физическое лицо. Статья 19 УК РФ прямо устанавливает, что уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее установленного возраста. Принцип личной виновной ответственности (ст. 5 УК РФ) исключает возможность привлечения коллективного субъекта, поскольку юридическое лицо не обладает сознанием и волей, необходимыми для формирования вины. В случае совершения преступления в процессе деятельности юридического лица ответственности подлежит конкретное физическое лицо (должностное лицо, руководитель, иной работник), действовавшее от его имени. Данное положение согласуется с принципами международного права, закрепившими ответственность «всякого» за преступления против мира и безопасности человечества³²³, и разделяется всеми ведущими российскими учеными-правоведами. Несмотря на доктринальные дискуссии о возможности введения института уголовной ответственности юридических лиц, законодатель пока эту позицию не разделяет.

³²¹Паспорт проекта Федерального закона № 750443-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц» (внесен депутатом Государственной Думы ФС РФ А.А. Ремезковым) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=123321> (дата обращения: 27.02.2026).

³²²Наумов А.В. Уголовная ответственность юридических лиц // Lex Russica. – 2015. – № 7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-yuridicheskikh-lits> (дата обращения: 27.02.2026).

³²³Греченкова О.Ю. Указ. соч.

Однако признание того, что субъектом ответственности может быть только физическое лицо, не означает, что любое физическое лицо способно совершить экоцид. Место экоцида в структуре Особенной части УК РФ, его статус как преступления против мира и безопасности человечества несоизмеримы с «физическим вменяемым лицом, достигшим шестнадцати лет». Представляется, что у обычного гражданина нашей страны, не обладающего специальными знаниями, значительными материальными ресурсами, позволяющими приобрести химические вещества или боеприпасы, способные уничтожить животных и растения, отравить воду и атмосферу на значительной территории, нет совершенно никаких шансов как совершить акт экоцида, так и понести за него уголовную ответственность. В конечном счете даже мировая история не знает примеров совершения такого рода преступлений обычным человеком, не облеченным специальными полномочиями и не находящимся на вершине властных структур государств.

Единственной попыткой применить ст. 358 УК РФ на практике стало дело 2001 г. на Камчатке, где двое граждан потравили хлоркой несколько миллионов мальков лосося. Возбужденное по ст. 358 УК РФ дело впоследствии было переквалифицировано на экологическое преступление, поскольку искусственно выращенные мальки не были признаны предметом экоцида³²⁴.

Объективные признаки экоцида: объект – мир и безопасность человечества; объективная сторона – массовое уничтожение растительного или животного мира; отравление атмосферы или водных ресурсов; иные действия, способные вызвать экологическую катастрофу, уже сами по себе свидетельствуют, что совершить такое преступление невозможно общему субъекту, не обладающему специальными признаками, характеризующими его особую социальную роль и правовое положение.

³²⁴Неизвестные уничтожили 12 миллионов мальков лосося // Комсомольская правда : [сайт]. – 06.02.2001. – URL: <https://www.kp.ru/daily/22487/7458/> (дата обращения: 08.08.2024).

Из изложенного следует вывод, что субъектом экоцида на практике может стать лишь специальный субъект – лицо, которое наряду с общими признаками обладает дополнительными юридическими признаками, указанными в диспозиции уголовно-правовой нормы.

В современной теории российского уголовного права признаки специального субъекта преступления условно принято делить на три основные группы:

- 1) характеризующие социальную роль и правовое положение субъекта, служебное положение лица, участие в судебном процессе, осуждение лица или его заключение под стражу, судимость, наличие административной преюдиции, отношение к воинской службе (нормы гл. 33 УК), профессия, род деятельности, характер выполняемых работ;
- 2) фиксирующие взаимоотношения виновного лица с потерпевшим (родственные отношения, материальная зависимость, педагоги и др.);
- 3) описывающие психофизиологические свойства субъекта (пол, состояние здоровья и т. д.).

Полагаем, что применительно к субъекту экоцида исследовательский интерес представляет лишь первая группа признаков – две другие никак не связаны с его спецификой. При этом и в первой группе имеются признаки, безразличные для субъекта экоцида, например судимость, наличие или отсутствие гражданства России или иного государства и т. д. По существу, признакам субъекта экоцида соответствуют только такие специальные характеристики субъекта, как отношение к службе (государственной, муниципальной, негосударственной, военной) и профессия (род деятельности, характер выполняемых работ). Проанализируем их более подробно, оставив две последние группы за пределами настоящего исследования.

Важность учёта служебного положения субъекта экоцида вытекает из классического подхода отечественного уголовного закона к субъекту преступления – только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста

уголовной ответственности. В этой законодательной рамке рассматриваемый признак выполняет компенсаторную функцию: государство и юридических лиц привлечь к ответственности нельзя, но учесть «принадлежность» к ним физического лица можно.

Таким образом, использование служебного положения субъектом экоцида приобретает особое значение. Представляется, что использование этого признака при характеристике субъекта экоцида будет гармонично вписываться в систему права, поскольку данный признак является типовым: в статьях Особенной части УК РФ он широко применяется и имеет одинаковое содержание независимо от вида конкретного состава преступления. Иначе говоря, он универсален, хорошо изучен и объединяет такие классические виды специальных субъектов, как: должностные лица (примечания 1–3 к ст. 285 УК РФ); государственные и муниципальные служащие, не относящиеся к числу должностных лиц (примечание 4 к ст. 285 УК РФ); лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации (примечание 1 к ст. 201 УК РФ). Данный вывод корреспондирует с правовой позицией Пленума Верховного Суда РФ, выраженной в п. 3 Постановления от 18.10.2012 № 21³²⁵, где к лицам, использующим служебное положение при совершении экологических преступлений, отнесены как должностные лица, так и лица, выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческих и некоммерческих организациях.

Отметим, что эта же идея заложена и в Директиву Евросоюза, принятую в 2024 г., о которой мы писали ранее: там вопрос о привлечении физических лиц рассматривается только через призму их должностного положения и никак иначе.

³²⁵Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 26.05.2015) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Анализируя характеристики субъекта преступления, привлечение которого возможно по ст. 358 УК РФ, нельзя оставить без внимания такой его признак, как совершение преступления в период нахождения лица на военной службе или работе, приравненной к ней. Совершенно очевидно, что лицо, совершившее воинское преступление, является специальным субъектом, обладающим по отношению к общему субъекту дополнительными признаками и характерными особенностями³²⁶.

Такие характеристики определены в том числе законодателем в ч. 1 ст. 331 УК РФ, установившей, что воинские преступления могут быть совершены только военнослужащими, проходящими службу по призыву либо по контракту, а также гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов. Полный перечень лиц, относящихся к данной категории, установлен ст. 2 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», которая относит к ним в том числе граждан, проходящих службу в Вооружённых силах РФ, в войсках национальной гвардии РФ, МЧС, Службе внешней разведки Российской Федерации, органах ФСБ, ФСО, органах военной прокуратуры, военных следственных органах Следственного комитета РФ и т. д. Как видим, перечень этот является достаточно обширным, и если исходить из того факта, что акты эконоцида, как правило, совершались в период вооружённых конфликтов, и предположить, что акт эконоцида может быть совершен на территории или в отношении территории России гражданами других недружественных стран, то вопрос введения в действующее законодательство такого специального признака, как «отношение к воинской службе», по мнению автора, не является не актуальным.

Подтверждение этому выводу мы видим и в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» (далее –

³²⁶Бодаевский В.П. Понятие и признаки субъекта воинского преступления в уголовном законе Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. – 2014. – № 8 (116). – С. 126–133.

Постановление Пленума ВС РФ № 11), которое в п. 1 обращает внимание судов на то, что общественная опасность преступлений против военной службы заключается прежде всего в нарушении порядка прохождения военной службы и причинении вреда военной безопасности и обороноспособности России или создании угрозы его причинения. Вместе с тем Постановление Пленума ВС РФ № 11 совершенно ясно указывает на то, что «в статьях главы 33 УК РФ охраняются и иные социальные ценности, например безопасность жизни и здоровья, безопасность собственности, экологическая безопасность, причинение или угрозу причинения вреда которым необходимо учитывать при квалификации преступлений против военной службы и оценке характера и степени общественной опасности при назначении наказания за них».

Формализовать профессиональный признак субъекта экоцида крайне сложно из-за многообразия профессий и их постоянной динамики, особенно в условиях появления новых технологий. Так, полный перечень специальностей и направлений подготовки только высшего образования включает более пятисот наименований³²⁷. Кроме него есть еще и среднее профессиональное образование, дополнительное образование, а также профессии, не требующие каких-либо специальных навыков.

С 1 января 2026 г. приказом Росстандарта от 16.05.2025 № 423-ст введен в действие «ОК 016-2025 Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов», содержащий 9 935 записей о наименованиях профессий³²⁸.

³²⁷Приказ Министерства образования и науки РФ от 12 сентября 2013 г. № 1061 «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³²⁸Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 16 мая 2025 г. № 423-ст «Об утверждении Общероссийского классификатора профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов ОК 016-2025» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В этих условиях выявление, анализ и систематизация профессиональных характеристик, связанных с возможностью реализации угроз, которые заключает в себе экоцид, достаточно сложная задача.

Однако ее нерешённость на сегодняшний день не исключает учета таких характеристик при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности за совершение экоцида в рамках более общего признака, закреплённого в некоторых статьях Особенной части УК РФ. Например, ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118 и ч. 4 ст. 122 УК РФ устанавливают более строгую ответственность, если перечисленные преступления были совершены вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей. С учётом того, что указанные преступления являются неосторожными, а экоцид предполагает прямой умысел, представляется, что применительно к субъекту экоцида возможно применение формулировки «использование профессиональных обязанностей» при совершении преступления.

Как уже было обосновано в настоящем параграфе, экоцид является умышленным преступлением с формальным составом, совершить которое может только лицо, обладающее властными полномочиями, доступом к значительным ресурсам и возможностью принимать решения на государственном или корпоративном уровне. В связи с этим представляет интерес вопрос о том, какие из обстоятельств, исключающих преступность деяния (глава 8 УК РФ), могут быть применены к лицу, совершившему акт экоцида. Помимо обстоятельств, предусмотренных главой 8 УК РФ, к числу исключающих преступность деяния также относятся малозначительность (ч. 2 ст. 14), невменяемость (ст. 21) и невиновное причинение вреда (ст. 28). Однако применительно к экоциду, который является умышленным преступлением против мира и безопасности человечества, эти обстоятельства не имеют практического значения.

Из шести обстоятельств, предусмотренных ст. 37-42 УК РФ (необходимая оборона, причинение вреда при задержании, крайняя

необходимость, физическое или психическое принуждение, обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения), применительно к экоциду реальное значение имеют лишь два: обоснованный риск (ст. 41 УК РФ) и исполнение приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ). Остальные обстоятельства не характерны для ситуации совершения экоцида в силу его масштабности, подготовительного характера и специфики субъектного состава.

Статья 41 УК РФ устанавливает, что не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели. Однако в части 3 той же статьи законодатель прямо указал: риск не признается обоснованным, если он заведомо был сопряжен с угрозой экологической катастрофы. Следовательно, действия, способные вызвать экологическую катастрофу (а именно такую способность законодатель связывает с «иными действиями» в ст. 358 УК РФ, а также, по нашему мнению, с загрязнением атмосферы, гидросферы или почвы), не могут быть оправданы ссылкой на обоснованный риск. Более того, с учетом оценочности понятий экоцида такие действия также вряд ли могут быть признаны обоснованным риском. Таким образом, обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния, к экоциду не применим.

Статья 42 УК РФ предусматривает, что не является преступлением причинение вреда лицом, действующим во исполнение обязательного для него приказа или распоряжения. Уголовную ответственность за причинение такого вреда несет лицо, отдавшее незаконный приказ. Лицо, совершившее умышленное преступление во исполнение заведомо незаконного приказа, подлежит ответственности на общих основаниях. Неисполнение заведомо незаконного приказа или распоряжения исключает уголовную ответственность.

Следует отметить, что в контексте экоцида исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния,

представляет интерес потому, что оно ориентировано прежде всего на военную службу, в основе которой лежит принцип единоначалия, т. е. «право командира (начальника), исходя из всесторонней оценки обстановки, единолично принимать решения, отдавать в установленном порядке соответствующие приказы и обеспечивать их выполнение»³²⁹. Исторически экоцид «вырос» из войны и продолжительное время рассматривался как исключительно военное преступление. Лишь в XXI в. стали высказываться совершенно обоснованные точки зрения о том, что акты экоцида могут быть совершены не только в военное, но в мирное время и не обязательно военными – это могут быть и гражданские лица. Эта точка зрения главенствует сейчас и в международном праве. Историческим подтверждением этой точки зрения могут служить события войны во Вьетнаме: решение о начале распыления дефолиантов вооруженными силами США в 1961 г. над Вьетнамом принималось не только военными, но и гражданскими лицами на уровне членов Правительства США³³⁰.

В связи с этим встает закономерный вопрос: возможно ли применить ст. 42 УК РФ в отношении гражданского лица и военнослужащего, исполнивших обязательные для них приказы по выполнению действий, подпадающих под понятие экоцид?

Полагаем, что ч. 1 ст. 42 УК РФ (причинение вреда лицом, действующим во исполнение обязательного приказа или распоряжения) вполне может быть применена на практике, и главным критерием здесь будет являться не вид службы (гражданская или военная), а обязательность приказа для конкретного исполнителя, предполагающая соблюдение определенных нормативных требований (к форме и содержанию приказа, процедуре его доведения до подчиненного и т. п.). Именно это обстоятельство должно

³²⁹ П. 33 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 47 (ч. I). – Ст. 5749. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³³⁰ Кузнецов Д.В. Роберт С. Макнамара – «архитектор» войны во Вьетнаме // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. – 2020. – № 20. – С. 151–170.

будет исследоваться в ходе расследования уголовного дела при решении вопроса о привлечении к ответственности конкретного лица, наличии или отсутствии в его действиях состава преступления, и именно ответ на него будет являться ключевым для установления виновности или невиновности исполнителя.

Что касается ч. 2 ст. 42 УК РФ (совершение умышленного преступления лицом во исполнение заведомо незаконного приказа или распоряжения), то ответ, как представляется, может быть только отрицательным. В его основе – два неразрывных обстоятельства: характеристика приказа в ч. 2 ст. 42 УК РФ как «заведомо незаконного»³³¹ и оценочность объективных признаков экоцида. Представляется, что в условиях тотальной дискуссионности последних заведомую незаконность «экоцидного» по содержанию приказа установить будет практически невозможно – любое утверждение можно будет оспорить из-за неточности терминологии. Немаловажным здесь будет также позиция лиц, подозреваемых или обвиняемых в экоциде: их социальное и должностное положение, уровень образования, общего кругозора, профессиональные навыки, поведение и поступки в период до исполнения «заведомо незаконного приказа» и после совершения преступных действий, отношение к последствиям, стремление загладить вину и т. д. Факторов здесь может быть очень много, и все будет зависеть от конкретных обстоятельств. Но, учитывая, что подавляющее количество лиц, совершивших преступления, желает уклониться от уголовной ответственности, особенно за совершение тяжких преступлений, не имеющих сроков давности, доказать, что лицо, исполнившее приказ, знало о его «заведомой незаконности», если оно само не признает это и не окажет помощь в доказывании своей вины (что маловероятно), будет практически невозможно.

³³¹П. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2023. – № 7. – С. 12–25. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Одновременно с этим очевидно, что при оценке действий лица, отдавшего такой заведомо незаконный приказ, при аналогичных обстоятельствах привлечение его к ответственности за экоцид будет вполне реально и осуществимо.

Рассуждения относительно специального субъекта экоцида были бы неполными без ответа на вопрос о том, следует ли закреплять специальные признаки в ст. 358 УК РФ и если да, то как именно? Полагаем, несомненна правота тех ученых, которые утверждают, что если из диспозиции статьи можно сделать вывод о субъекте преступления, то его можно не упоминать. Нет нужды описывать его каждый раз, если он общий. Но в тех случаях, когда есть специальный субъект, его описание обязательно.

Таким образом, проведенный анализ приводит к однозначному выводу: субъект экоцида является специальным: совершить массовое уничтожение растительного или животного мира, загрязнение атмосферы или гидросферы либо иные действия, способные вызвать экологическую катастрофу, невозможно без обладания властными полномочиями, доступа к значительным ресурсам и возможности принимать решения на государственном или корпоративном уровне.

Следовательно, признак, характеризующий специального субъекта, должен быть закреплён не в квалифицированном, а в основном составе ст. 358 УК РФ. Иной подход – когда основной состав предполагает общего субъекта, а специальный выводится в квалифицированный – логически противоречив и создает иллюзию возможности совершения экоцида рядовым гражданином, что не соответствует действительности.

Исходя из изложенного, предлагается следующая редакция ст. 358 УК РФ:

«Статья 358. Экоцид

1. Массовое уничтожение растительного или животного мира, а равно загрязнение атмосферы, гидросферы или почвы, либо совершение иных действий, если такие деяния способны вызвать экологическую

катастрофу, совершенные лицом с использованием своего служебного положения и (или) профессиональных обязанностей, –

наказываются...

2. Те же деяния, повлекшие экологическую катастрофу, –

наказываются...».

При такой конструкции основной состав (ч. 1) с самого начала ориентирован на специального субъекта, что соответствует криминологической реальности, а квалифицированный состав (ч. 2) учитывает фактическое наступление наиболее тяжких последствий — экологической катастрофы.

Выводы:

Субъект экоцида является специальным, а не общим. Вопреки доминирующему в доктрине мнению, рассматривающему субъекта экоцида как любое вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет, объективные признаки преступления (объект – мир и безопасность человечества, объективная сторона – массовое уничтожение, отравление, действия, способные вызвать экологическую катастрофу) свидетельствуют о невозможности совершения экоцида рядовым гражданином. Исторические примеры и сама природа деяния указывают на то, что субъектом экоцида могут быть лишь лица, обладающие властными полномочиями и доступом к значительным ресурсам.

Государство и юридические лица не могут выступать субъектом уголовной ответственности. Ответственность государств носит международно-правовой характер. Российское уголовное законодательство не допускает привлечения юридических лиц к уголовной ответственности поскольку статья 19 УК РФ прямо ограничивает круг субъектов преступления вменяемыми физическими лицами, а принцип личной виновной ответственности, закрепленный в ст. 5 УК РФ, исключает уголовное преследование коллективных субъектов. В случае совершения преступления в процессе деятельности юридического лица ответственности

подлежит конкретное физическое лицо (руководитель, должностное лицо, иной работник), действовавшее от его имени. Несмотря на дискуссии, российский законодатель не воспринял мировой тренд на введение корпоративной уголовной ответственности.

К числу специальных признаков субъекта экоцида следует относить служебное положение и профессиональные обязанности. Наиболее релевантными характеристиками являются: отношение к службе (государственной, муниципальной, военной) и профессия (род деятельности, характер выполняемых работ). Признак «использование служебного положения» универсален для российского уголовного права и может быть применён к экоциду.

Из обстоятельств, исключающих преступность деяния, к экоциду применимы лишь два: обоснованный риск (ст. 41 УК РФ) и исполнение приказа (ст. 42 УК РФ). Обоснованный риск полностью исключен прямым указанием закона (ч. 3 ст. 41 УК РФ – угроза экологической катастрофы). Исполнение приказа: ч. 1 ст. 42 УК РФ может быть применена к исполнителю при условии, что приказ был для него обязательным, а его незаконность не осознавалась; ч. 2 ст. 42 УК РФ (исполнение заведомо незаконного приказа) в силу оценочности признаков экоцида практически недоказуема в отношении исполнителя. При этом лицо, отдавшее такой приказ, подлежит ответственности на общих основаниях.

Поскольку субъект экоцида является специальным, признак «использование служебного положения и (или) профессиональных обязанностей» подлежит включению в основной состав (ч. 1 ст. 358 УК РФ), а не в квалифицированный. Это устраняет разрыв между юридической конструкцией состава и криминологической реальностью.

Предлагается следующая редакция ст. 358 УК РФ: часть первая – массовое уничтожение растительного или животного мира, а равно загрязнение атмосферы, гидросферы или почвы, либо совершение иных действий, если такие деяния способны вызвать экологическую катастрофу,

совершенные лицом с использованием своего служебного положения и (или) профессиональных обязанностей; часть вторая – те же деяния, повлекшие экологическую катастрофу.

§ 3.4. Субъективная сторона экоцида и проблемы её квалификации в правоприменении.

Анализ степени научной разработанности проблемы субъективной стороны экоцида и её квалификации в правоприменении показал, что большинство ученых относят экоцид к умышленным преступлениям и лишь иногда высказываются мнения о возможности совершения экоцида с косвенным умыслом. Прежде чем обосновать свою позицию по данному вопросу, проанализируем высказанные на сегодняшний день точки зрения на эту проблему.

Большинство криминалистов и криминологов считают, что умысел может быть только прямым.

М.Д. Давитадзе указывает, что «с субъективной стороны преступление совершается с прямым умыслом. Лицо сознает общественную опасность своих действий, предвидит, что произойдет массовое уничтожение растительности или животных, но желает наступления этих последствий либо сознает, что отравляет водные объекты, атмосферу, совершает иные действия, могущих вызвать экологическую катастрофу, и желает их совершить»³³².

А.Г. Кибальник и И.Г. Соломоненко при исследовании преступлений против мира и безопасности человечества уверенно говорят: «То, что экоцид совершается умышленно, ни у кого не вызывает сомнений. Так как это преступление окончено при совершении любого из перечисленных действий, то в их отношении должен быть установлен прямой умысел»³³³.

³³²Давитадзе М.Д. Указ. соч.

³³³Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Указ. соч.

Другие же, напротив, допускают как прямой, так и косвенный умысел. Так, В.В. Лисаускайте указывает, что «поскольку норма не содержит указания на форму вины, исходя из правил Общей части УК РФ, субъективная сторона экоцида может быть выражена как в форме умысла, так и в форме неосторожности»³³⁴.

Мысль о возможности наличия у субъекта экоцида не только прямого, но и косвенного умысла развивают А.А. Жинкин и Т.Ю. Жинкина, отмечая, что «последствия, указанные в ст. 358 УК РФ, можно причинить, действуя как с прямым, так и с косвенным умыслом, в то время как «иные действия», образующие объективную сторону экоцида, возможно совершить только с прямым умыслом»³³⁵.

На фоне общего дефицита аргументированных рассуждений на эту тему заслуживают внимания работы авторов, приводящих обоснование своей позиции. Прежде всего, это делают ученые, характеризующие состав экоцида как формально-материальный: прямой умысел они обосновывают применительно к «иным действиям», свидетельствующим о формальности состава, а косвенный — по отношению к массовому уничтожению растительного или животного мира и к отравлению атмосферы или водных ресурсов, которые считают проявлениями материального состава рассматриваемого преступления. Например, О.Ю. Греченкова полагает, что «указанные в ст. 358 УК РФ последствия можно причинить, действуя как с прямым, так и с косвенным умыслом. Установление вида умысла применительно к «иным действиям», составляющим объективную сторону экоцида, не представляет особой сложности: данные признаки объективной стороны экоцида являются формальными действиями и могут быть совершены лишь с прямым умыслом»³³⁶. Одновременно автор разделяет

³³⁴Лисаускайте В.В. Указ. соч.

³³⁵Жинкин А.А., Жинкина Т.Ю. Экоцид: проблемы законодательной регламентации и квалификации // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. – 2014. – № 3-4 (63-64). – С. 137–143.

³³⁶Греченкова О.Ю. Указ. соч.

мнение о том, что «наряду с возможностью прямого умысла в отношении указанного последствия допустимо психическое отношение в виде косвенного умысла (т. е. допущение реальной возможности наступления экологической катастрофы)».

Другую точку зрения обосновывают сторонники позиции о том, что состав экоцида – формальный состав преступления. Но и они признают возможность его совершения как с прямым, так и с косвенным умыслом. В частности, А.Г. Кибальник и И.Г. Соломоненко, отмечая особую сложность установления психического отношения виновного к экологической катастрофе как к «угрожающему последствию», утверждают: «Если лицо желало наступления экологической катастрофы, то наличие прямого умысла в отношении последствия дает право квалифицировать содеянное как экоцид», а «допущение реальной возможности наступления такого последствия также дает основание для вменения экоцида, совершенного с косвенным умыслом по отношению к угрожающей экологической катастрофе»³³⁷.

Как видим, общим для двух изложенных подходов является вывод о возможности косвенного умысла в отношении грозящей экологической катастрофы, который, в свою очередь, обуславливает такую возможность применительно к экоциду в целом.

Следует отметить, что описанные ранее типы преступников различаются по мотивации, социальному статусу и способам действий. Но есть то, что их принципиально сближает с точки зрения права – чрезвычайная сложность доказывания их вины и установление ее формы. Если для военно-политического руководства основным барьером является юрисдикционный иммунитет, то для корпоративного менеджера главная проблема – установление его реального психического отношения к преступным последствиям. Принимал ли он решение, заведомо зная о неотвратимости экологической катастрофы (прямой умысел), или же

³³⁷Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Указ. соч.

относился к возможному вреду безразлично, надеясь на благополучный исход (косвенный умысел)? Разграничение этих форм вины и анализ современных законодательных подходов к их интерпретации составляют основу дальнейшего исследования субъективной стороны экоцида. В конечном счете основная сложность заключается в том, чтобы разграничить прямой умысел, косвенный умысел, неосторожность и случайное стечение обстоятельств – категории, которые в реальных жизненных ситуациях часто переплетены и трудно различимы

Приступая к обоснованию нашей точки зрения, прежде всего, считаем необходимым опровергнуть несостоятельную во всех отношениях конструкцию «неосторожного экоцида». Она резко диссонирует с семантикой слова «экоцид», которое образовано от греч. «*οικος*» – дом и лат. «*caedo*» – убиваю. Следовательно, неосторожный экоцид – это такой же наглядный уголовно-правовой пример сочетания несочетаемого, как «неосторожный грабеж», «неосторожный шпионаж» и др.

Кроме этого, мы не можем согласиться с тем, что допущение неосторожности при экоциде с необходимостью вытекает из ст. 24 УК РФ, которая, закрепляя две формы вины, уточняет во второй части, что «деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса». Из этого можно сделать лишь один абсолютно бесспорный вывод: признать преступление исключительно неосторожным можно только в том случае, когда неосторожная форма вины указана в статье Особенной части УК РФ. В нашем случае – ст. 358 УК РФ.

Вместе с тем следует отметить, что отсутствие такого указания в статьях Особенной части УК РФ далеко не всегда означает возможность как умышленной, так и неосторожной вины. Уяснить форму вины в ситуациях, когда она не закреплена в уголовном законе, помогают прежде всего объективные признаки конкретного преступления. В случае с экоцидом само значение термина, вынесенного законодателем в название ст. 358 УК РФ, и

признаки объективной стороны, свидетельствуют об умышленной форме вины.

Исследование вопроса о виде умысла применительно к составу экоцида не позволяет пройти мимо неоднократно высказывавшегося в науке уголовного права мнения о невозможности косвенного умысла в формальных составах преступлений: умысел может быть только прямым. Так, А.И. Рарог полагает, что «в преступлениях с формальным составом признаком объективной стороны, воплощающим общественную опасность деяния, во всех случаях является само запрещенное законом действие или бездействие. Поэтому в формальных составах волевое содержание умысла исчерпывается волевым отношением к самим общественно опасным действиям (бездействию)... Следовательно, при совершении преступлений с формальным составом волевой элемент умысла всегда заключается в желании совершить общественно опасные действия, запрещенные уголовным законом, т. е. он может быть только прямым»³³⁸.

Ссылка на мнение ученого, длительное время исследующего проблемы субъективной стороны преступления, в связке с ранее обоснованным нами выводом о конструкции экоцида как формального состава, в принципе, могла бы поставить точку в рассматриваемой проблеме. Однако представляется, что этого недостаточно по нескольким причинам. Во-первых, никакая даже самая авторитетная доктринальная трактовка прямого умысла по отношению к преступлениям, состав которых не предусматривает наступление общественно опасных последствий, не может устранить вопиющего противоречия между законодательной формулой умысла (включающей в себя психическое отношение к последствиям) и конструкцией составов таких преступлений (исключающей последствия из признаков объективной стороны). Во-вторых (и это главное), не только в науке, но и в мировой практике найдено оптимальное, на наш взгляд, решение для данного

³³⁸ Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. – Москва : Проспект, 2015. – 232 с.

противоречия. Оно состоит в легальном закреплении особенностей вины в преступлениях, не связанных с наступлением последствий.

В качестве примера обратимся к опыту Республики Беларусь, которая несколько иначе, чем у нас, решила проблему вины в формальных составах. Напомним: действующая редакция ст. 24 УК РФ устанавливает, что виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности. Деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ. В соответствии со ст. 21, 22 Уголовного кодекса Республики Беларусь вина – это психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности. Преступлением, совершенным умышленно, признается общественно опасное деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом. Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо, его совершившее, сознавало общественную опасность своего действия или бездействия, предвидело их общественно опасные последствия и желало их наступления. С косвенным умыслом – если лицо, его совершившее, сознавало общественную опасность своего действия или бездействия, предвидело их общественно опасные последствия, не желало, но сознательно допускало наступление этих последствий либо относилось к ним безразлично.

Определяя вину в преступлении, не связанном с наступлением последствий, Уголовный кодекс Республики Беларусь указывает, что в преступлении, для наличия которого не требуется наступления общественно опасных последствий, форма вины устанавливается по отношению лица к общественно опасному деянию и в ч. 2 конкретизирует, что преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее,

сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия и желало его совершить³³⁹.

То есть при наличии формального состава белорусский законодатель допускает наличие косвенного умысла. Российским законодателем этот же вопрос решен иначе, и, по мнению автора, в достаточной степени определенно: он должен быть специально предусмотрен соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Если такой оговорки нет, то умысел прямой.

Данный подход к определению формы вины корреспондирует с разъяснениями п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21, который указал, что если в диспозиции статьи главы 26 УК РФ форма вины не конкретизирована, то соответствующее преступление может быть совершено умышленно или по неосторожности, однако это должно вытекать из содержания деяния, способов его совершения и иных признаков объективной стороны состава.

При решении же вопроса об учете мотивов и целей формальных составов преступлений российский законодатель предусмотрел возможность учета их в качестве обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, а также характеризующих личность виновного лица. Например, ч. 1 ст. 6 (наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного), ч. 3 ст. 47 (лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может назначаться в качестве дополнительного вида наказания если с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного суд признает

³³⁹Уголовный кодекс Республики Беларусь : [принят Палатой представителей 02.06.1999, одобрен Советом Республики 24.06.1999] : от 9 июля 1999 г. № 275-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 20.10.2025).

невозможным сохранение за ним права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью), ст. 48 (при осуждении за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления.... с учётом личности виновного суд может лишить его специального, воинского или почётного звания, классного чина и государственных наград), ч. 1 ст. 55 (содержание в дисциплинарной воинской части назначается военнослужащим ... в случаях, когда характер преступления и личность виновного свидетельствуют о возможности замены лишения свободы на срок не свыше двух лет содержанием осужденного в дисциплинарной воинской части на тот же срок), ч. 3 ст. 60 (при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи), ч. 1 ст. 64 (при наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств наказание может быть назначено ниже низшего предела или суд может назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрен этой статьей, или не применить дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного), ч. 2 ст. 73 (при назначении условного осуждения суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного, в том числе смягчающие и отягчающие обстоятельства) УК РФ и т. д.

Обоснование вины в виде прямого умысла как единственного обязательного признака субъективной стороны экоцида может быть усилено, помимо изложенного, опровержением неоднократно высказывавшегося в уголовно-правовой доктрине мнения о том, что необходимо или вообще отказаться от понятия косвенного умысла, или объединить его с понятием легкомыслия.

Нельзя не заметить также, что отдельные ученые хотя и не высказывают прямо подобных радикальных предложений, но весьма явно приближаются к ним. Так, А.И. Рарог подчеркивает, что с косвенным умыслом совершается всего примерно 10–12 % всех умышленных преступлений, поскольку он не совместим с формальными составами, с указанной в законе целью; невозможен при покушении и приготовлении, в деятельности организатора, подстрекателя и пособника и т. п.³⁴⁰ Г. А. Злобин и Б.С. Никифоров обращали внимание на недопустимость «игнорирования невозможности разграничения на основе действующего законодательства прямого и косвенного умысла в формальных преступлениях» и рассматривали в связи с этим ряд проблемных вопросов, касающихся неточностей в определении субъективной стороны покушения, вероятности косвенного умысла при измене Родине, при определении вины подстрекателя и др.³⁴¹ Е.С. Стешич и Д.А. Корецкий анализируют многочисленные трудности разграничения косвенного умысла и неосторожности в преступлениях, связанных с причинением смерти потерпевшему³⁴². Важным сегментом научных исследований являются проблемы законодательного описания вины и его понимания в судебной практике, включающие в том числе аргументированную критику соответствующих норм УК РФ и их применения³⁴³.

Отдельного рассмотрения требует, на наш взгляд, довольно распространенное мнение о том, что при экоциде в форме «иных действий» вина может быть выражена только в прямом уме, а «психическое отношение к угрожающему последствию в виде экологической катастрофы»

³⁴⁰Рарог А.И. Указ. соч.

³⁴¹Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы / Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. – Москва : Юридическая литература, 1972. – 262 с. – С. 84–87.

³⁴²Стешич Е.С., Корецкий Д.А. Теоретические и практические проблемы разграничения неосторожности и косвенного умысла в преступлениях, связанных с убийством // Восточно-Европейский научный журнал. – 2016. – Т. 7, № 4. – С. 180–185.

³⁴³Ошибки в квалификации преступлений : монография / В.К. Андрианов, Д.А. Дорогин, Д.С. Корсун [и др.] ; под ред. Ю.Е. Пудовочкина. – Москва : РГУП, 2020. – 350 с.

может характеризоваться как прямым, так и косвенным умыслом. Другими словами, некоторые ученые считают возможным существование не совпадающих видов умысла (прямого и косвенного) в одном преступном деянии. Данная точка зрения, на наш взгляд, не имеет под собой ни законодательных, ни теоретических оснований. Уголовный закон в соответствии со ст. 27 УК РФ относит к преступлениям с двумя формами вины исключительно умышленные деяния, в результате совершения которых причиняются тяжкие последствия, влекущие более строгое наказание и не охватываемые умыслом виновного лица. Вменение таких последствий законодатель обосновывает неосторожной формой вины: психическое отношение к последствиям, лежащим за пределами умысла, должно быть выражено в легкомыслии либо в небрежности. Никаких других вариантов сочетания форм или видов вины в преступлении (в том числе соединение прямого и косвенного умысла, как в рассматриваемом случае) уголовный закон не предусматривает.

В уголовно-правовой доктрине в результате исследования особенностей вины в умышленных преступлениях с квалифицированным составом, предполагающим умысел и в отношении более тяжкого последствия, также неоднократно подчеркивалась недопустимость сосуществования двух видов умысла: прямого – по отношению к деянию, предусмотренному основным составом преступления, и косвенного – по отношению к последствиям, имеющим квалифицирующее значение. Так, А.И. Рарог пишет: «Еще меньше оснований признавать умысел косвенным, если сознательное допущение устанавливается по отношению к признаку, имеющему квалифицирующее или особо квалифицирующее значение. Например, последствием преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 165 УК, является *любой* имущественный ущерб собственнику или иному владельцу имущества, причиненный путем обмана или злоупотребления доверием. Это преступление корыстное, оно совершается только с прямым умыслом, и для его субъективной оценки не имеет никакого значения волевое отношение к

такому *квалифицирующему* последствию, как причинение крупного ущерба (п. «б» ч. 3 ст. 165 УК)»³⁴⁴. Не подлежит сомнению, что этот верный вывод имеет общее значение, а ссылка на ст. 165 УК РФ выполняет лишь вспомогательную, иллюстрирующую его роль. Трудно переоценить его важность и для нашего исследования: обоснованно опровергая возможность наличия обоих видов умысла одновременно в квалифицированных составах, он, на наш взгляд, абсолютно исключает аналогичную возможность в составе экоцида, в котором к тому же статус экологической катастрофы как «угрожающего последствия» является весьма спорным, а в нашей ситуации – неприемлемым. Исходя из этого еще раз подчеркнем: взгляд на вину при экоциде как на прямой умысел по отношению к «иным действиям» и одновременно косвенный умысел по отношению к грозящей экологической катастрофе невозможно верифицировать ни с точки зрения уголовного законодательства, ни с точки зрения науки уголовного права, что, в свою очередь, лишает его убедительности.

Теория состава преступления обязывает нас зафиксировать еще одну значимую особенность субъективной стороны экоцида: его мотивы и цели не имеют квалифицирующего значения, и единственным обязательным признаком субъективной стороны является вина в виде прямого умысла. Факт исключения законодателем из содержания вины в преступлении мотивов и целей критикуется в науке уголовного права. Например, А.И. Рарог подчеркивает, что «законодатель относит к содержанию вины ... лишь психическое отношение – сознание и волю, не оставляя ни в интеллектуальном, ни в волевом элементах ... места для мотива, цели и иных признаков, характеризующих психическую активность субъекта в связи с совершением преступления». Солидаризируясь с высказанным мнением, отметим, что, безусловно, в психологии и философии мотивы и цели имеют

³⁴⁴Рарог А.И. Указ. соч.

очень тесную связь как с сознанием, так и с волей³⁴⁵. В российском уголовном праве законодателю удалось от нее дистанцироваться.

Однако приведенный вывод о прямом умысле как единственной юридически значимой форме вины при экоциде не снимает проблемы доказывания реального психического отношения к содеянному применительно к отдельным категориям субъектов. Если для военно-политического руководства основным барьером выступает юрисдикционный иммунитет, то для корпоративного типа преступника главная сложность заключается в установлении его истинного психического отношения к наступившим последствиям. При формальной конструкции состава экоцид считается оконченным с момента совершения действий, независимо от фактического наступления экологической катастрофы. Однако это не означает, что умысел исполнителя всегда носит исключительно прямой характер по отношению к каждой форме деяния. Напротив, в ситуациях, когда речь идет о корпоративной преступной деятельности, направленной на извлечение прибыли, психическое отношение менеджера к экологическим последствиям может выражаться в форме косвенного умысла, что порождает серьезные проблемы доказывания. Для этого субъекта экоцид, как правило, не является самоцелью – чаще всего речь идет о косвенном умысле. Руководитель предприятия, принимая решение об экономии на фильтрах или о продолжении работы опасного оборудования, предвидит возможность экологической катастрофы, но не желает ее наступления. Однако он сознательно допускает эти последствия или относится к ним безразлично ради достижения своей главной цели – получения прибыли или выполнения

³⁴⁵ См.: Леонтьев Д.А. Понятие мотива у А.Н. Леонтьева и проблема качества мотивации // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2016. – № 2. – С. 3–18; Глазунов Ю.Т. Целеполагание и мотивация // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. – 2013. – Т. 16, № 2. – С. 288–299; Глазунов Ю.Т. Роль и значение воли в процессах целеполагания // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. – 2013. – Т. 16, № 2. – С. 279–287; Глазунов Ю.Т., Сидоров К.Р. Целеполагание, целедостижение и волевая регуляция // СПЖ. – 2017. – № 64. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tselepolaganie-tseledostizhenie-i-volevaya-regulyatsiya> (дата обращения: 02.11.2025).

плана. Именно в таких случаях проявляются «техники нейтрализации», позволяющие блокировать осознание преступного характера своих действий. Доказать наличие косвенного умысла у корпоративного преступника можно, собрав доказательства того, что лицо осознавало риск и имело возможность его предотвратить, но целенаправленно этого не сделало

Анализируя формы умысла для экоцида, следует проанализировать также решение этого вопроса в основных международных актах, устанавливающих ответственность за составы преступлений, близких к экоциду.

В зависимости от обстоятельств разделим их на две части: совершенные в период ведения вооруженных конфликтов и в мирное время. Для первых это будет Римский статут, хотя и не поддерживаемый крупнейшими мировыми державами, но все же признаваемый 125 странами мира. Для вторых – Директива (ЕС) 2024/1203, вступившая в силу 20 мая 2024 г.

Для действий, совершенных в военное время, пп. «b» (iv) п. 2 ст. 8 Римского статута к военным преступлениям относит «умышленное совершение нападения, когда известно, что такое нападение явится причиной случайной гибели или увечья гражданских лиц, или ущерба гражданским объектам, или обширного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей природной среде, который будет явно несоизмерим с конкретным и непосредственно ожидаемым общим военным превосходством». Как видим, здесь предусмотрена исключительно прямая форма умысла – косвенный умысел не рассматривается.

Для того чтобы привлечь лицо, отдавшее приказ или запланировавшее и осуществившее нападение, следует доказать, что это лицо:

- 1) обладало конкретной информацией (разведданные, карты, отчеты) о наличии гражданских лиц/объектов или уязвимости окружающей среды в районе удара;

2) достоверно знало и отдавало отчет высокой степени вероятности, граничащей с неизбежностью (т. е. что при обычном ходе событий ущерб наступит), что в результате атаки погибнут гражданские лица, а ущерб заранее очевиден и явно несоизмерим с военным преимуществом, и, несмотря на это осознание, все равно отдало приказ на проведение атаки.

Учитывая, что МУС является постоянным международным органом, уполномоченным осуществлять юрисдикцию в отношении лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества, такая высокая планка доказывания умысла в отношении обширного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей природной среде, очевидно, совершенно обоснована. На практике, однако, суд столкнулся с проблемой доказывания этого состава преступления и, как следствие, умысла, поскольку для этого необходимо исследовать внутренние документы, свидетельские показания, перехваты связи, разведданные и т. д., которые доказывают, что предполагаемый преступник знал о масштабах неизбежного ущерба для окружающей среды и все равно осуществил задуманное. Представляется, что эта крайне сложная и практически невыполнимая задача.

Для действий, совершенных в мирное время, Директива, принятая совсем недавно и еще не ратифицированная странами-участницами, с точки зрения настоящего раздела представляет интерес как первый международный акт, устанавливающий уголовную ответственность за «действия, сопоставимые с экоцидом» совершенные в мирное время.

Описывая «действия, сопоставимые с экоцидом», Директива определяет их как уголовные преступления, если они могут привести к катастрофическим последствиям, таким как широкомасштабное загрязнение, промышленные аварии с серьезным воздействием на окружающую среду или крупномасштабные лесные пожары; если такие преступления приводят к уничтожению или широкомасштабному и существенному ущербу, который является необратимым или долговременным, экосистеме значительных

размеров, или экологической ценности, или среде обитания в пределах охраняемой территории, или причиняют широкомасштабный и существенный ущерб, который является необратимым или долговременным, качеству воздуха, почвы или воды (п. 21 Преамбулы).

Следует отметить, что еще в своей преамбуле Директива говорит об умышленных противоправных действиях в отношении серьезных нарушений законодательства Союза, касающихся защиты окружающей среды, и указывает, что такое деяние должно представлять собой уголовное преступление, если оно является умышленным, и в некоторых случаях также если оно совершено «как минимум с серьезной неосторожностью». Такая же форма вины установлена и для действий, повлекших смерть (человека) или причинение тяжких телесных повреждений, существенный ущерб или значительный риск существенного ущерба окружающей среде, или иным образом считающиеся особенно вредными для окружающей среды, т. е. «квалифицированные уголовные преступления» (п. 8, 9 Преамбулы, п. 1 и 3 ст. 3).

Директива предусматривает еще одну форму вины: «тяжкую неосторожность», но относится она к составам, повлекшим смерть или убийство человека, и потому не входит в сферу настоящего исследования.

Таким образом, Директива устанавливает прямой умысел для всех составов, а для тяжких и квалифицированных предусматривает еще одну форму вины – косвенную, которую формулирует как «минимум серьезную неосторожность».

Тем самым, в отличие от Римского статута, где требуется исключительно прямой умысел и знание о неизбежности последствий, она существенно снижает порог доказывания психического отношения виновного к преступным действиям. Ответственность может наступить не только при умысле, но и при серьезном отступлении от требуемой стандартной меры заботливости (серьезная неосторожность), что, как предполагается, должно значительно облегчить правоприменение в сложных

случаях причинения экологического вреда корпорациями или коммерческими структурами.

Кроме того, включение ответственности за серьезную неосторожность демонстрирует более реалистичный подход европейского законодателя к охране окружающей среды – многие экологические катастрофы (промышленные аварии, масштабные разливы нефти) происходят не вследствие прямого намерения причинить ущерб, а из-за грубого пренебрежения мерами безопасности, преступной самонадеянности или систематической экономии на необходимых природоохранных мерах. Ярким примером здесь служит пример аварии на шельфовой платформе Deepwater Horizon в Мексиканском заливе в 2010 г., произошедшей по вине британской нефтедобывающей компании BP (до мая 2001 г. British Petroleum). В итоге комиссия, расследовавшая инцидент, пришла к выводу, что причиной аварии стало сокращение расходов на обеспечение безопасной эксплуатации оборудования скважины BP и ее партнерами и действия технического персонала на грани допустимого³⁴⁶.

Подводя итог анализа этих двух международных актов, хочется отметить, что предложенные в них формы вины пока не реализованы на практике – Римский статут не признают крупнейшие страны мира, в том числе Россия, а Директива хотя и вступила в действие, должна быть сначала ратифицирована странами-участницами Евросоюза, а потом имплементирована в национальное законодательство, что пока не сделано. При таких обстоятельствах делать окончательные выводы о преимуществах или недостатках их позиции в определении формы умысла при совершении действий, близких по своей правовой природе к экоциду, не представляется возможным.

³⁴⁶ См. Сотрудники BP отдадут под суд за разлив в Мексиканском заливе по уголовным статьям // ЭнергоНьюс : [сайт]. – 29.12.2011. – URL: <https://energo-news.ru/archives/87541> (дата обращения: 10.01.2026); Грандиозная катастрофа в Мексиканском заливе: причины, реальные последствия и выводы // TechInsider : [сайт]. – 24.04.2022. – URL: <https://www.techinsider.ru/technologies/10977-kak-vse-eto-sluchilos-meksikanskiy-zaliv/> (дата обращения: 19.02.2026).

Таким образом, несмотря на внешнюю привлекательность европейской модели, снижающей порог доказывания, она размывает границы между умыслом и неосторожностью, что противоречит принципу виновной ответственности (ст. 5 УК РФ). Российский подход, требующий доказывания прямого умысла, в большей степени соответствует природе экоцида как осознанного, целенаправленного преступления против безопасности человечества. Именно строгость российского подхода позволяет адекватно оценивать степень вины лиц, принимающих решения, и ограничивать экоцид от неосторожных экологических преступлений. Поэтому российская правовая конструкция является предпочтительной, так как исключает произвольное толкование форм вины и сохраняет высокий порог ответственности за наиболее опасные посягательства на окружающую среду.

Выводы:

Субъективная сторона экоцида характеризуется исключительно прямым умыслом. Экоцид является преступлением с формальным составом, оконченным с момента совершения указанных в законе действий. Лицо осознает общественную опасность своих действий и желает их совершить. Ни косвенный умысел, ни тем более неосторожность не соответствуют понятию и объективным признакам данного преступления, а также не имеют под собой законодательного и теоретического фундамента в российском уголовном праве.

Коллизия между законодательным определением прямого умысла (ст. 25 УК РФ), включающим психическое отношение к последствиям, и конструкцией формального состава, не предусматривающего последствий, требует разрешения. Целесообразно заимствование опыта Республики Беларусь, где в законе прямо закреплено, что для преступлений, не связанных с наступлением последствий, умысел определяется через осознание общественно опасного характера деяния и желание его совершить.

Разграничение форм вины применительно к разным типам субъектов экоцида имеет принципиальное значение. Если для военно-политического

руководства основной барьер – юрисдикционный иммунитет, то для корпоративного менеджера главная проблема – доказывание его реального психического отношения к последствиям. В корпоративной преступной деятельности, направленной на извлечение прибыли, психическое отношение менеджера к экологическим последствиям часто выражается в форме косвенного умысла, что порождает серьезные трудности доказывания.

Международные подходы к форме вины при экоциде существенно различаются. Римский статут требует прямого умысла и достоверного знания о неизбежности обширного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей среде, что создает практически невыполнимые требования к доказыванию. Директива ЕС 2024/1203, напротив, вводит более гибкую конструкцию, допуская ответственность за «действия, сопоставимые с экоцидом» не только при умысле, но и при «серьезной неосторожности», что существенно снижает порог доказывания. Однако ни один из этих подходов пока не реализован на практике.

Несмотря на внешнюю привлекательность европейской модели, снижающей порог доказывания, она размывает границы между умыслом и неосторожностью, что противоречит принципу виновной ответственности (ст. 5 УК РФ). Российский подход, требующий доказывания прямого умысла, в большей степени соответствует природе экоцида как осознанного, целенаправленного преступления против безопасности человечества. Именно строгость российского подхода позволяет адекватно оценивать степень вины лиц, принимающих решения, и отграничивать экоцид от неосторожных экологических преступлений (глава 26 УК РФ). Российская правовая конструкция является предпочтительной, так как исключает произвольное толкование форм вины и сохраняет высокий порог ответственности за наиболее опасные посягательства на окружающую среду.

§ 3.5. Проблемы квалификации экоцида и совершенствования законодательства.

Проведенный в настоящей главе уголовно-правовой анализ состава экоцида выявил ряд проблем квалификации, обусловленных несовершенством законодательной конструкции ст. 358 УК РФ, отсутствием легальных определений оценочных понятий, а также пробелами в правовом регулировании смежных институтов. Эти проблемы в совокупности превращают норму об экоциде в «мертвую», неприменимую на практике. В настоящем параграфе систематизированы выявленные проблемы и сформулированы предложения по совершенствованию законодательства (*de lege ferenda*), направленные на преодоление существующих препятствий и трансформацию ст. 358 УК РФ в реально работающий инструмент уголовно-правовой охраны окружающей среды и безопасности человечества.

Анализ судебной практики, доктринальных источников и материалов немногочисленных уголовных дел, возбужденных по ст. 358 УК РФ, позволяет выделить следующие основные проблемы квалификации экоцида.

Оценочность ключевых понятий. Диспозиция ст. 358 УК РФ оперирует понятиями «массовое уничтожение», «экологическая катастрофа», «иные действия», которые не имеют легальных определений. Как справедливо отмечает Ю.А. Тимошенко, «недостатки законодательной регламентации уголовной ответственности за экологические, а также смежные с ними преступления способствуют снижению эффективности противодействия противоправным посягательствам на окружающую среду и росту латентности данных уголовно наказуемых деяний». Отсутствие четких критериев порождает неопределенность уголовно-правового запрета, затрудняет квалификацию и создает предпосылки для избирательного правоприменения.

Восполняя этот пробел применительно к экологическим преступлениям, Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 18.10.2012 № 21 разъяснил, что при оценке последствий по статье 246 УК РФ «массовой гибелью (заболеванием) животных считается превышение среднестатистического уровня гибели (заболевания) животных в три или

более раза» (п. 5). Однако применительно к экоциду, который является преступлением против мира и безопасности человечества, данный критерий не может быть применен без существенной корректировки. Характер и масштаб общественной опасности экоцида несопоставимы с рядовыми экологическими преступлениями. Если при «обычном» экологическом преступлении порог в три раза позволяет отграничить уголовно наказуемое деяние от административного проступка, то для квалификации деяния как экоцида требуется принципиально иной, гораздо более высокий уровень «массовости» – уничтожение на огромных территориях, в масштабах популяций или видов.

Аналогичный подход к преодолению оценочности закреплен в п. 6 указанного Постановления, где разъясняется, что для установления признака массового заболевания людей (ч. 3 ст. 247 УК РФ) рекомендуется привлекать соответствующих специалистов либо экспертов. Это подтверждает, что оценочные признаки, включая «массовость» при экоциде, могут устанавливаться не произвольно, а на основе заключений компетентных специалистов.

Некорректность термина «отравление». Применительно к неживой природе (атмосфере, водным ресурсам) термин «отравление» противоречит его общеупотребительному и специальному (медико-биологическому) смыслу, согласно которому отравление – это патологическое состояние живого организма.

Анализ разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, содержащихся в Постановлении от 18.10.2012 № 21, показывает, что судебная практика при квалификации преступлений, связанных с химическим воздействием на окружающую среду, использует термин «загрязнение» как родовое понятие, охватывающее в том числе и его крайнюю форму — «отравление», при этом четкой границы между ними не проводится. Правоприменительная практика рассматривает «отравление» как частный случай наиболее опасных последствий загрязнения. Следовательно, использование законодателем в ст.

358 УК РФ термина «отравление» применительно к неживым объектам является юридико-технической ошибкой.

Отсутствие квалифицированного состава. Конструкция формального состава экоцида не дифференцирует ответственность в зависимости от фактического наступления экологической катастрофы. Как справедливо отметил КС РФ в Постановлении от 1 декабря 1997 г. № 18-П, масштабный вред окружающей среде не является изолированным. Он напрямую влечет нарушение широкого круга конституционных прав граждан: «В результате были существенно нарушены не только право на благоприятную окружающую среду (статья 42 Конституции Российской Федерации), но и, как следствие этого, другие конституционные права и интересы граждан, связанные с охраной жизни, здоровья, жилища, имущества». Здесь же КС РФ квалифицировал вред от масштабной экологической катастрофы как «реально невозполнимый и неисчисляемый». Эти правовые позиции подтверждают необходимость выделения квалифицированного состава для деяний, повлекших фактическое наступление экологической катастрофы.

Международные акты (Директива ЕС 2024/1203, Конвенция Совета Европы 2025 г.) признают такие деяния «квалифицированными преступлениями», требующими более сурового наказания.

Несовершенство определения предмета экоцида. Перечень предметов экоцида («растительный и животный мир, атмосфера, водные ресурсы») является неполным: отсутствуют почва, микроорганизмы, грибы. Понятие «животный мир» необоснованно ограничено только дикой фауной (ст. 1 Федерального закона от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире»), а «растительный мир» не имеет легального определения на федеральном уровне. Понятие «водные ресурсы» в ст. 1 Водного кодекса РФ сужено до поверхностных и подземных вод в водных объектах.

Проблема субъекта экоцида. Доктринальный подход к субъекту экоцида как к любому вменяемому физическому лицу, достигшему 16 лет (поддерживаемый, в частности, О.Ю. Греченковой, А.Г. Кибальником, И.Г.

Соломоненко, и многими другими учеными), не соответствует криминологической реальности. Исторические примеры (действия США во Вьетнаме, Ирака в Кувейте) и сама природа экоцида свидетельствуют о том, что фактически экоцид совершается специальным субъектом – лицами, обладающими властными полномочиями.

Разъясняя понятие «использование служебного положения» применительно к экологическим преступлениям, Пленум Верховного Суда РФ в п. 3 Постановления от 18.10.2012 № 21 отнес к таким лицам не только должностных лиц, но и лиц, выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческих и некоммерческих организациях. Эта правовая позиция может быть использована для обоснования признака специального субъекта экоцида.

Коллизия определения умысла с формальным составом. В преступлениях с формальным составом (каковым является экоцид) определение прямого умысла, данное в ч. 2 ст. 25 УК РФ, включает психическое отношение к последствиям, которые в формальном составе отсутствуют. Это противоречие требует разрешения.

Неопределенность обстоятельств, исключających преступность деяния. Из шести обстоятельств, предусмотренных гл. 8 УК РФ, к экоциду потенциально применимы лишь два (обоснованный риск и исполнение приказа), причем обоснованный риск прямо исключен в случаях угрозы экологической катастрофы (ч. 3 ст. 41 УК РФ). Однако механизмы применения ст. 42 УК РФ (исполнение приказа) к экоциду доктринально не разработаны.

Отсутствие экоцида в перечне преступлений против безопасности РФ. Примечание к ст. 104.1 УК РФ не включает ст. 358 в перечень преступлений, направленных против безопасности Российской Федерации, что противоречит объекту экоцида (мир и безопасность человечества) и противоречит концептуальным основам уголовного права.

Отсутствие методик расследования и расчета ущерба. Правоприменитель не имеет специальных методик расследования экоцида, адаптированных к масштабному, трансграничному и отсроченному характеру вреда, а также методик расчета ущерба, учитывающих системный характер последствий (утрата биоразнообразия, деградация экосистем).

Между тем, как справедливо отмечает В.И. Плохова, происходящая трансформация общественных отношений требует изменения в правовом регулировании ³⁴⁷. Этот тезис напрямую обосновывает необходимость совершенствования ст. 358 УК РФ.

На основе выявленных проблем квалификации и с учетом правовых позиций Верховного и Конституционного судов Российской Федерации, а также положительного зарубежного опыта представляется необходимым внесение следующих изменений в законодательство Российской Федерации.

1. Изменения в бланкетное законодательство. Уточнение понятия «животный мир». Абзац 2 ст. 1 Федерального закона от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» изложить в следующей редакции: «животный мир – совокупность живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию Российской Федерации и находящихся в состоянии естественной свободы, а также домашних животных и животных, находящихся в неволе, относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации».

2. Закрепление легального определения понятия «растительный мир». Разработать и принять на федеральном уровне закон (или внести дополнения в Федеральный закон «Об охране окружающей среды»), содержащий легальное определение «растительного мира» как совокупности всех видов растений, грибов, лишайников и водорослей, произрастающих на территории Российской Федерации, во всем их биологическом разнообразии и во

³⁴⁷ Плохова В.И. Конституционное обоснование уголовного закона (общие вопросы). — Барнаул : Алтайский государственный университет, 2025. — С.175

взаимодействии с другими компонентами природной среды. В качестве ориентира можно использовать определение, содержащееся в законе Республики Крым «О растительном мире» от 25 декабря 2014 г. № 50-ЗРК/2014.

3. Новая редакция ст. 358 УК РФ (часть первая). Изложить ч. 1 ст. 358 УК РФ в следующей редакции:

«Статья 358. Экоцид

Массовое уничтожение растительного или животного мира, а равно загрязнение атмосферы, гидросферы или почвы, либо совершение иных действий, если такие деяния способны вызвать экологическую катастрофу, совершенные лицом с использованием своего служебного положения и (или) профессиональных обязанностей, –

наказываются...»

Обоснование: замена «отравления» на «загрязнение» (устранение юридико-технической ошибки, подтвержденное анализом судебной практики); расширение предмета за счет включения почвы; замена «водных ресурсов» на «гидросфера» (приведение в соответствие с естественно-научными подходами); распространение признака «способности вызвать экологическую катастрофу» также на загрязнение; включение признака специального субъекта в основной состав.

4. Дополнение ст. 358 УК РФ частью второй (квалифицированный состав). Дополнить ст. 358 УК РФ частью второй следующего содержания:

«2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, повлекшие экологическую катастрофу, –

наказываются...»

Обоснование: дифференциация ответственности в зависимости от фактического наступления экологической катастрофы, что соответствует правовой позиции КС РФ, выраженной в Постановлении от 1 декабря 1997 г. № 18-П и международным подходам. Признак специального субъекта, в

отличие от ранее предлагавшихся в доктрине подходов, включен в основной состав, что устраняет логическое противоречие.

5. Дополнение ст. 358 УК РФ примечанием (легальное определение экологической катастрофы). Дополнить ст. 358 УК РФ примечанием следующего содержания:

«Примечание. Экологической катастрофой в настоящей статье признается экстремальная ситуация антропогенной природы, влекущая за собой разрушение локальных экосистем либо их резкое и существенное негативное изменение, повлекшее необратимые последствия для окружающей среды и здоровья человека».

Обоснование: легальное определение оценочного понятия, что согласуется с предложениями А.И. Проскурякова, И.Р. Шикеры и других исследователей. Ограничение локальной экологической катастрофы продиктовано обычной логикой: при наступлении глобальной катастрофы реализация ответственности будет невозможна.

6. Дополнение ст. 25 УК РФ (уточнение умысла для формальных составов). Дополнить ч. 2 ст. 25 УК РФ следующим предложением:

«В преступлении, для наличия которого не требуется наступления общественно опасных последствий, прямой умысел устанавливается по отношению лица к общественно опасному деянию, то есть когда лицо, его совершившее, осознавало общественно опасный характер своего деяния и желало его совершения».

Обоснование: устранение коллизии между определением прямого умысла и конструкцией формального состава преступления (опыт Республики Беларусь – ст. 21, 22 УК Республики Беларусь).

7. Дополнение примечания к ст. 104.1 УК РФ. Включить ст. 358 «Экоцид» в перечень преступлений, предусмотренных примечанием к ст. 104.1 УК РФ (деятельность, направленная против безопасности Российской Федерации).

Обоснование: экоцид посягает на мир и безопасность человечества, что включает и безопасность Российской Федерации. Исключение экоцида из указанного перечня является законодательной ошибкой, противоречащей родовому, видовому и непосредственному объектам данного преступления.

8. Изменение структуры раздела XII УК РФ. Раздел XII УК РФ целесообразно переименовать в «Преступления против мира и глобальной безопасности», включив в него две главы: «Преступления против мира» и «Преступления против глобальной безопасности». Состав экоцида предусмотреть в главе о преступлениях против глобальной безопасности.

Обоснование: родовым объектом экоцида является мир и безопасность человечества, однако видовым объектом следует считать безопасность человечества (глобальную безопасность), что требует выделения самостоятельной главы. Как отмечалось в § 3.1, раздел XII УК РФ позволяет выделить два видовых объекта: мир и безопасность человечества.

Помимо законодательных изменений, необходимо:

Разработать методику расследования экоцида, адаптированную к масштабному, трансграничному и отсроченному характеру вреда, с участием специалистов в области экологии, биологии, химии, гидрологии, почвоведения и медицины.

Создать методику расчета ущерба от экоцида, учитывающую системный характер последствий (утрата биоразнообразия, деградация экосистем), а не только вред отдельным компонентам окружающей среды. Как указал КС РФ в Постановлении от 1 декабря 1997 г. № 18-П, вред от масштабной экологической катастрофы является «реально невозполнимым и неисчислимым», что требует особых подходов к его оценке.

Развивать международное сотрудничество в области расследования трансграничных актов экоцида, включая обмен информацией, совместные следственные группы и взаимную правовую помощь. Как показал анализ, проведенный в главе 1, экоцид до сих пор не признан самостоятельным

международным преступлением, поэтому особое значение приобретает двустороннее и многостороннее сотрудничество государств.

Обеспечить учет правовых позиций КС РФ при квалификации экоцида, в частности выводов о том, что масштабный экологический вред нарушает не только экологические, но и иные конституционные права граждан, а также о невосполнимом характере вреда от экологической катастрофы.

Выводы:

Проведенный анализ выявил комплекс проблем квалификации экоцида, включая оценочность ключевых понятий («массовость», «экологическая катастрофа»), некорректность термина «отравление» применительно к неживой природе, отсутствие квалифицированного состава, несовершенство определения предмета экоцида, коллизию определения умысла с формальным составом, отсутствие экоцида в перечне ст. 104.1 УК РФ, а также пробелы в методическом обеспечении расследования.

Для устранения этих проблем предлагается комплекс изменений *de lege ferenda*: новая редакция ст. 358 УК РФ (замена «отравления» на «загрязнение», расширение предмета, включение признака специального субъекта в основной состав, введение квалифицированного состава), легальное определение экологической катастрофы в примечании к ст. 358 УК РФ, уточнение ст. 25 УК РФ для формальных составов (по опыту Республики Беларусь), включение ст. 358 в примечание к ст. 104.1 УК РФ, а также изменение структуры раздела XII УК РФ.

Реализация предложенных изменений позволит трансформировать ст. 358 УК РФ из «мертвой» нормы в реально работающий инструмент уголовно-правовой охраны окружающей среды и безопасности человечества, а также устранил выявленные противоречия между юридической конструкцией состава и криминологической реальностью экоцида.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое диссертационное исследование, посвящённое уголовно-правовой и криминологической характеристике экоцида, позволило провести анализ теоретических положений уголовного права, криминологии и международного права, изучить доктринальные источники, исторические примеры актов экоцида, а также международные договоры и инициативы в области противодействия экологическим преступлениям и экоциду как наиболее тяжкому преступлению, угрожающему миру и безопасности человечества. В результате исследования выявлены пробелы и коллизии в законодательной регламентации состава экоцида, установлены его детерминанты, особенности личности преступника и последствия совершения данного деяния, а также сформулированы предложения по совершенствованию уголовного законодательства Российской Федерации и практики его применения.

1. **О месте экоцида в системе прав человека.** Выявлено, что в российском законодательстве отсутствует легальное определение ключевых понятий – «экологическая катастрофа», «чрезвычайная экологическая ситуация», «растительный мир», что создаёт терминологическую неопределённость и затрудняет правоприменение. Исследование генезиса понятий («экологическая катастрофа», «экологический кризис», «экоцид») показало, что их содержание формировалось под влиянием реальных экологических катастроф, однако до сих пор не получило законодательного закрепления. Биологические и экологические права человека занимают подчинённое положение по отношению к личным и экономическим правам, что не соответствует их фундаментальной роли в обеспечении жизни. В системе соотношения экологических прав и угроз экоцид занимает особое место: в отличие от всех остальных деяний, он посягает не на отдельные компоненты окружающей среды, а на безопасность человечества, совершается специальным субъектом, отличается трансграничным и

необратимым масштабом последствий. Криминологическая взаимосвязь экологических прав и экологических угроз проявляется в двух аспектах: борьба за экологические права в неправовых формах может трансформироваться в преступления (экологический экстремизм, экологический терроризм), а любые преступления могут повлечь экологические последствия и нарушение экологических прав человека.

Предложения к теории: предлагается уточнить понятийное поле экологической безопасности применительно к экоциду путём введения в научный оборот легальных определений оценочных понятий («экологическая катастрофа», «растительный мир»). Рекомендуется дополнить теорию экологической криминологии положением о криминологической взаимосвязи экологических прав и экологических угроз, проявляющейся в двух аспектах. Предложения о введении в УК РФ составов «экологического терроризма», «экологического экстремизма» и «биотерроризма» проявлением избыточной криминализации, не следует поддерживать.

Предложения к практике: рекомендуется внести изменения в уголовное и экологическое законодательство, закрепив легальное определение «экологической катастрофы» в примечании к ст. 358 УК РФ, а легальное определение «растительного мира» в Федеральный закон «Об охране окружающей среды». Предлагается отказаться от введения в УК РФ составов «экологического терроризма», «экологического экстремизма» и «биотерроризма» ввиду их дублирования с уже существующими нормами.

2. **Об истории и международно-правовых основах экоцида.** На основе историко-правового анализа установлено, что осознание зависимости человека от природы сформировалось ещё в античности, однако правовые механизмы охраны окружающей среды возникли лишь в XIX–XX вв. под влиянием реальных экологических катастроф. Эволюция международно-правового регулирования ответственности за экоцид прошла несколько этапов: от Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. и Конвенции о запрещении военного воздействия на природную среду (1976 г.) и Дополнительного

протокола I к Женевским конвенциям (1977 г.) до Директивы (ЕС) 2024/1203 и Конвенции Совета Европы 2025 г. Установлено, что Россия, криминализовав экоцид одной из первых в мире (1996 г.) и активно участвуя в разработке ключевых международных соглашений (от Гаагских конвенций до Римского статута), внесла значительный вклад в формирование международно-правовых основ противодействия этому преступлению. Вместе с тем экоцид до настоящего времени не признан самостоятельным международным преступлением, а его криминализация в международном праве остаётся фрагментарной.

Предложения к теории: рекомендуется дополнить теорию международного уголовного права систематизацией этапов эволюции международно-правовых основ криминализации экоцида (от Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. до Конвенции Совета Европы 2025 г.) и обосновать тезис о фрагментарности и отсутствии единого подхода к криминализации экоцида в современном международном праве, а также о лидирующей роли России в криминализации экоцида на национальном уровне.

Предложения к практике: рекомендуется использовать выводы об этапах эволюции и фрагментарности международно-правового регулирования при разработке предложений по гармонизации национальных законодательств государств-участников СНГ в рамках исполнения Модельного уголовного кодекса. Предлагается включить результаты историко-правового анализа в учебные курсы по международному уголовному праву и истории уголовного права.

3. О международно-правовых инициативах в рамках МУС. Проведён анализ международно-правовых инициатив по признанию экоцида преступлением в рамках Международного уголовного суда. Установлено, что Римский статут ограничил юрисдикцию МУС четырьмя составами (геноцид, преступления против человечности, военные преступления, агрессия), а ущерб окружающей среде рассматривается лишь как квалифицирующий

признак военного преступления. Принятая в 2025 году Политика Офиса Прокурора, хотя и содержит положения о возможности квалификации экологического ущерба как преступления против человечности, сознательно дистанцируется от создания нового состава преступления. Перспективы признания экоцида пятым международным преступлением остаются неопределёнными.

Предложения к теории: рекомендуется дополнить теорию международной уголовной ответственности положением о том, что многолетние усилия по признанию экоцида пятым международным преступлением не привели к успеху ввиду отсутствия поддержки со стороны крупнейших мировых держав (Россия, США, Китай, Индия) и признать, что Политика Офиса Прокурора МУС 2025 г., оставаясь в рамках существующих норм Римского статута, сознательно дистанцируется от создания нового состава преступления.

Предложения к практике: рекомендуется исходить из приоритетности совершенствования национального уголовного законодательства об ответственности за экоцид перед попытками международно-правовой криминализации.

4. О европейском подходе к криминализации экоцида. Проанализирован европейский подход к криминализации экоцида, реализованный в Директиве (ЕС) 2024/1203 и Конвенции Совета Европы 2025 г. Установлено, что европейская модель представляет собой «криминализацию экоцидных деяний без криминализации экоцида», что является временным компромиссным решением. Достоинствами модели являются чёткие критерии квалификации, распространение действия на мирное время и включение юридических лиц в круг субъектов. Недостатками выступают отсутствие единого понятия экоцида, зависимость от имплементации норм в национальные законодательства, а также нерешённость вопроса о квалификации экоцида как преступления против безопасности человечества.

Предложения к теории: предлагается ввести в научный оборот понятие «модель криминализации экоцидных деяний без криминализации экоцида» для характеристики сущности европейского подхода и использовать выявленные достоинства и недостатки этой модели в теории сравнительного правоведения в области экологического уголовного права.

Предложения к практике: рекомендуется учитывать достоинства европейской модели (чёткие критерии квалификации, распространение действия на мирное время, ориентация на восстановление окружающей среды) при совершенствовании российского уголовного законодательства.

5. О сравнительно-правовом анализе российского и европейского подходов. Проведён сравнительно-правовой анализ российского и европейского подходов к криминализации экоцида, позволивший выделить принципиальные различия: по субъекту ответственности (европейские акты предусматривают ответственность юридических лиц, УК РФ – только физических); по форме вины (российский законодатель установил исключительно прямой умысел, европейский подход допускает «серьёзную неосторожность»); по критерию незаконности действий; по квалификации последствий; по срокам давности; по принципу территориальности. Установлено, что российский подход является предпочтительным, поскольку он соответствует осознанному, целенаправленному характеру экоцида и сохраняет высокий порог ответственности.

Предложения к теории: предлагается дополнить теорию квалификации преступлений против мира и безопасности человечества положением о принципиальных различиях между российским и европейским подходами к криминализации экоцида по шести критериям (субъект ответственности, форма вины, критерий незаконности действий, квалификация последствий, сроки давности, принцип юрисдикции).

Предложения к практике: рекомендуется использовать результаты сравнительно-правового анализа в законотворческой деятельности при доработке ст. 358 УК РФ и смежных норм.

6. О методологических основах криминологической характеристики экоцида. Разработаны методологические основы криминологической характеристики экоцида. Установлено, что криминологическое исследование экоцида сталкивается с методологической трудностью, обусловленной отсутствием официальной судебной статистики и практики привлечения к ответственности по ст. 358 УК РФ. Выявлено, что экоцид не может быть полностью поглощен системой экологической преступности (глава 26 УК РФ), поскольку его родовым объектом выступают мир и безопасность человечества. Обосновано, что наиболее релевантным теоретическим методом для анализа экоцида выступает концепция устойчивого развития.

Предложения к теории: предлагается разработанные методологические основы криминологической характеристики экоцида (включая обоснование возможности её построения в отсутствие официальной судебной статистики) включить в теорию криминологии, признать концепцию устойчивого развития наиболее релевантным теоретическим методом для анализа экоцида, а также обосновать, что экоцид не может быть полностью поглощён системой экологической преступности (глава 26 УК РФ).

Предложения к практике: рекомендуется использовать предложенную методологическую рамку при проведении дальнейших криминологических исследований экоцида и иных транснациональных экологических преступлений. Предлагается включить разработанные методологические подходы в учебные курсы криминологии и экологического права.

7. О детерминантах экоцида. Выявлены детерминанты экоцида, включающие три группы взаимосвязанных факторов. Военно-политические

факторы создают условия для катастрофических экологических разрушений в период вооружённых конфликтов. Экономические факторы («расовый капитализм», «мусорный колониализм») формируют системный фон многолетней деградации в мирное время. Коррупционные факторы (лоббизм, попустительство контролирующих органов) обеспечивают среду безнаказанности. Правовые детерминанты – отсутствие легальных определений понятий «массовость», «экологическая катастрофа», «иные действия», а также методик расследования и расчёта ущерба – создают препятствия для правоприменения. Обосновано, что эффективное противодействие экоциду требует комплексного подхода и политической воли.

Предложения к теории: предлагается ввести в учение о причинности в криминологии двухуровневую систему детерминант экоцида: факторы, непосредственно продуцирующие акты экоцида (военно-политические, экономические), и факторы, обеспечивающие латентность и безнаказанность (коррупционные, правовые) и использовать выявленную систематизацию детерминант для развития теории экологической криминологии.

Предложения к практике: рекомендуется использовать результаты анализа детерминант при разработке мер профилактики экоцида как на национальном, так и на международном уровне, учитывать коррупционные и правовые факторы при планировании антикоррупционной политики и реформировании правоохранительной системы, а также при разработке методик расследования экоцида.

8. О личности лица, совершающего экоцид. Дана криминологическая характеристика лица, совершающего экоцид. Вопреки доминирующему в доктрине подходу, рассматривающему субъекта экоцида как любое вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет, доказано, что реальный субъект экоцида характеризуется высоким социальным статусом, властными полномочиями и доступом к значительным ресурсам. Выделены четыре типа: военно-политический руководитель, корпоративный менеджер,

коррупционный посредник и транснациональный координатор. В цепочке, ведущей к экоциду, выделяются три уровня субъектов: непосредственные исполнители, организаторы среднего звена и лица, принимающие решения. Выявленные криминологические особенности требуют смещения акцента с преследования непосредственных исполнителей на выявление и нейтрализацию лиц, принимающих решения.

Предложения к теории: предлагается включить в учение о личности преступника разработанную криминологическую характеристику лица, совершающего экоцид, включая выделение четырёх типов (военно-политический руководитель, корпоративный менеджер, коррупционный посредник, транснациональный координатор) и признать, что реальный субъект экоцида не является общим, что опровергает доминирующую доктринальную позицию.

Предложения к практике: рекомендуется использовать типологию личности преступника при разработке методик выявления, расследования и профилактики экоцида, сместить акцент в правоприменительной практике с преследования непосредственных исполнителей на выявление и нейтрализацию лиц, принимающих решения, а также на разрушение коррупционных сетей.

9. О латентности экоцида и феномене «медленного насилия». Исследована проблема латентности экоцида, феномен «медленного насилия» и «псевдолатентности» при совершении актов экоцида в военное время. Обосновано, что латентность экоцида обусловлена тремя ключевыми факторами: отсроченным и диффузным характером вреда, особым субъектным составом и совершением деяний в условиях вооружённых конфликтов. Концепция «медленного насилия» Роба Никсона объясняет криминологическую невидимость «мирного» экоцида. Для военного экоцида характерен феномен «политически мотивированной латентности» (псевдолатентности), когда масштабные экологические разрушения очевидны, однако правовая реакция отсутствует. Преодоление латентности

требует развития экологической криминологии и формирования новых подходов к выявлению и расследованию.

Предложения к теории: предлагается ввести в теорию латентной преступности применительно к экоциду феномен «политически мотивированной латентности» (псевдолатентности) для характеристики военного экоцида, обосновать различие между классической латентностью («медленное насилие» Р. Никсона в мирное время) и псевдолатентностью в военное время.

Предложения к практике: рекомендуется учитывать выявленные механизмы формирования латентности при разработке мер по её преодолению: развитие экологической криминологии, формирование новых подходов к выявлению и расследованию экоцида.

10. О последствиях экоцида. Проанализированы последствия экоцида на экологическом, социальном, экономическом и политическом уровнях. Доказано, что последствия экоцида не ограничиваются экологическим вредом, а представляют собой сложный многоуровневый комплекс взаимосвязанных разрушительных эффектов. Экологические последствия характеризуются необратимостью или крайней трудновосстановимостью; социальные выражаются в массовых заболеваниях, вынужденной миграции и уничтожении традиционного уклада коренных народов; экономические проявляются в колоссальной диспропорции между финансированием разрушения природы и её восстановлением; политические последствия являются наиболее трудно обратимыми, запуская цепную реакцию дестабилизации: экоцид выступает катализатором государственной несостоятельности, триггером вооружённых конфликтов за ресурсы и фактором кризиса глобального управления.

Предложения к теории: предлагается систематизировать последствия экоцида по четырём уровням (экологическому, социальному, экономическому, политическому) и включить эту систематизацию в теорию квалификации преступлений и обосновать, что политические последствия

являются наиболее трудно обратимыми и системными (экоцид как катализатор государственной несостоятельности, триггер вооружённых конфликтов за ресурсы, фактор кризиса глобального управления).

Предложения к практике: рекомендуется использовать выводы о многоуровневом характере последствий экоцида при оценке ущерба от экологических катастроф, при разработке методик расчёта ущерба, а также при планировании мер по ликвидации последствий и восстановлению окружающей среды.

11. **Об объекте и предмете экоцида.** Определены объект и предмет экоцида в уголовном праве России, установлена трехуровневая структура объекта. Обосновано, что родовым объектом экоцида является «мир и глобальная безопасность», видовым – «безопасность человечества», непосредственным – «экологическая безопасность». Ключевое отличие экоцида от экологических преступлений (гл. 26 УК РФ) заключается в качественной характеристике угрозы: если экологические преступления посягают на экологическую безопасность как на условие благополучия, то экоцид – как на условие выживания человечества, что предопределяет его место в разделе XII УК РФ. Экоцид является многообъектным преступлением с дополнительными объектами (жизнь, здоровье, собственность). Выявлено, что перечень предметов экоцида является неполным, а существующие законодательные дефиниции нуждаются в уточнении.

Предложения к теории: предлагается ввести в теорию объекта преступления трехуровневую структуру объекта экоцида (родовой — «мир и глобальная безопасность», видовой – «безопасность человечества», непосредственный – «экологическая безопасность»), обосновать ключевое отличие экоцида от экологических преступлений (благополучие vs выживание человечества) и доказать многообъектный характер экоцида.

Предложения к практике: рекомендуется изменить структуру раздела XII УК РФ, выделив в нём две главы: «Преступления против мира» и

«Преступления против глобальной безопасности», включив экоцид в последнюю, скорректировать примечание к ст. 104.1 УК РФ, включив ст. 358 в перечень преступлений, направленных против безопасности Российской Федерации.

12. Об объективной стороне экоцида. Проанализирована объективная сторона экоцида и обоснована необходимость замены «отравления» на «загрязнение». Аргументировано, что состав экоцида является формальным, а все три альтернативные формы деяния, предусмотренные ст. 358 УК РФ, следует считать оконченными с момента совершения самих действий, а не с наступления последствий. Термин «отравление» применительно к неживой природе является некорректным, поскольку в медицине, биологии и токсикологии он означает патологическое состояние живого организма. Предлагается заменить «отравление» на «загрязнение» и распространить признак «способности вызвать экологическую катастрофу» не только на «иные действия», но и на загрязнение. Отсутствие квалифицированного состава экоцида является пробелом, требующим восполнения. Обосновано, что экоцид может быть совершен как продолжаемое преступление.

Предложения к теории: предлагается дополнить теорию квалификации преступлений положением о том, что состав экоцида (ст. 358 УК РФ) является формальным и альтернативным, а все три формы деяния следует считать оконченными с момента совершения самих действий, обосновать, что экоцид может быть совершен как продолжаемое преступление, и включить это положение в учение о делящихся и продолжаемых преступлениях, признать юридико-техническую некорректность термина «отравление» применительно к неживой природе.

Предложения к практике: рекомендуется заменить в ст. 358 УК РФ термин «отравление» на «загрязнение» и распространить признак «способности вызвать экологическую катастрофу» не только на «иные действия», но и на загрязнение, дополнить ст. 358 УК РФ частью второй

(квалифицированный состав): «Те же деяния, повлекшие экологическую катастрофу».

13. О субъекте экоцида. Исследован субъект экоцида и обоснован его специальный характер. Вопреки доминирующему в доктрине мнению, рассматривающему субъекта экоцида как любое вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет, доказано, что совершить экоцид невозможно без обладания властными полномочиями, доступом к значительным ресурсам и возможностью принимать решения на государственном или корпоративном уровне. К числу специальных признаков субъекта экоцида следует относить служебное положение и профессиональные обязанности. Государство и юридические лица не могут выступать субъектом уголовной ответственности в российском праве. Поскольку субъект экоцида является специальным, признак «использование служебного положения и (или) профессиональных обязанностей» подлежит включению в основной состав (ч. 1 ст. 358 УК РФ), а не в квалифицированный.

Предложения к теории: предлагается пересмотреть доминирующее в доктрине положение о субъекте экоцида как общем (любое вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет) и обосновать, что субъект экоцида является специальным, дополнить учение о специальном субъекте преступления признаками, характеризующими субъекта экоцида: служебное положение и профессиональные обязанности.

Предложения к практике: предлагается включить признак «использование служебного положения и (или) профессиональных обязанностей» в основной состав ст. 358 УК РФ (ч. 1), а не в квалифицированный, и учитывать данную позицию при доработке уголовного законодательства, а также в правоприменительной практике при определении круга лиц, подлежащих привлечению к ответственности за экоцид.

14. О субъективной стороне экоцида. Проанализирована субъективная сторона экоцида, определена форма вины и разрешена

коллизия с формальным составом. Установлено, что субъективная сторона экоцида характеризуется исключительно прямым умыслом. Ни косвенный умысел, ни тем более неосторожность не соответствуют природе данного преступления. Коллизия между законодательным определением прямого умысла (ст. 25 УК РФ), включающим психическое отношение к последствиям, и конструкцией формального состава, не предусматривающего последствий, требует разрешения путём уточнения ст. 25 УК РФ (по опыту Республики Беларусь). Российский подход, закрепляющий прямую форму умысла, является предпочтительным, так как исключает произвольное толкование форм вины и сохраняет высокий порог ответственности за наиболее опасные посягательства на окружающую среду.

Предложения к теории: предлагается обосновать, что субъективная сторона экоцида характеризуется исключительно прямым умыслом, и признать, что ни косвенный умысел, ни неосторожность не соответствуют природе данного преступления, выявить и предложить способ разрешения коллизии между определением прямого умысла (ст. 25 УК РФ) и конструкцией формального состава, что вносит вклад в теорию вины.

Предложения к практике: предлагается дополнить ч. 2 ст. 25 УК РФ положением о том, что «в преступлениях, для наличия которых не требуется наступления общественно опасных последствий, прямой умысел устанавливается по отношению лица к общественно опасному деянию» (по опыту Республики Беларусь), использовать вывод о предпочтительности российского подхода (прямой умысел) перед европейским (допускающим «серьёзную неосторожность») в дискуссиях о гармонизации уголовного законодательства.

15. О проблемах квалификации и совершенствования законодательства. Выявлены проблемы квалификации экоцида и сформулированы научно обоснованные предложения по совершенствованию уголовного законодательства Российской Федерации (*de lege ferenda*). Установлено, что действующая редакция ст. 358 УК РФ является «мёртвой»,

неприменимой на практике из-за оценочности ключевых понятий, некорректности термина «отравление», отсутствия квалифицированного состава, неопределённости в вопросе о субъекте экоцида, а также коллизии между определением прямого умысла и конструкцией формального состава. Обосновано, что реализация предложенных изменений позволит трансформировать ст. 358 УК РФ из «мёртвой» нормы в реально работающий инструмент уголовно-правовой охраны окружающей среды и безопасности человечества.

Предложения к теории: предлагается систематизировать проблемы квалификации экоцида, обусловленные несовершенством законодательной конструкции ст. 358 УК РФ, и обосновать, что действующая редакция является «мёртвой», неприменимой на практике, разработать научно обоснованную модель нормы об ответственности за экоцид, включающую квалифицированный состав и легальное определение экологической катастрофы, и включить её в теорию уголовно-правовой квалификации и законодательной техники.

Предложения к практике: рекомендуется внести соответствующие изменения в уголовное законодательство Российской Федерации.

Законодательные предложения (de lege ferenda)

По результатам проведённого исследования предлагается внести следующие изменения в уголовное законодательство Российской Федерации:

1. Изложить часть первую ст. 358 УК РФ в новой редакции: «Массовое уничтожение растительного или животного мира, а равно загрязнение атмосферы, гидросферы или почвы, либо совершение иных действий, если такие деяния способны вызвать экологическую катастрофу, совершенные лицом с использованием своего служебного положения и (или) профессиональных обязанностей».
2. Дополнить ст. 358 УК РФ частью второй (квалифицированный состав): «Те же деяния, повлекшие экологическую катастрофу».

3. Дополнить ст. 358 УК РФ примечанием, содержащим легальное определение экологической катастрофы: «Экологической катастрофой в настоящей статье признается экстремальная ситуация антропогенной природы, влекущая за собой разрушение локальных экосистем либо их резкое и существенное негативное изменение, повлекшее необратимые последствия для окружающей среды и здоровья человека».

4. Дополнить часть вторую ст. 25 УК РФ положением о том, что в преступлениях, для наличия которых не требуется наступления общественно опасных последствий, прямой умысел устанавливается по отношению лица к общественно опасному деянию.

5. Включить ст. 358 УК РФ в перечень преступлений, предусмотренных примечанием к ст. 104.1 УК РФ (деятельность, направленная против безопасности Российской Федерации).

6. Изменить структуру раздела XII УК РФ, выделив в нём две главы: «Преступления против мира» и «Преступления против глобальной безопасности», включив экоцид в последнюю.

Таким образом, поставленные в диссертационном исследовании цель и задачи выполнены. Сформулированные теоретические положения и практические рекомендации в своей совокупности решают научную задачу, имеющую значение для дальнейшего развития уголовно-правовой и криминологической науки, совершенствования законодательства об ответственности за экоцид и повышения эффективности противодействия этому наиболее опасному преступлению против мира и безопасности человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Правовые акты и официальные документы:

1. Всеобщая декларация прав человека: [принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.] // Организация Объединенных Наций: [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 20.05.2026).
2. Всемирная хартия природы: [принята 28.10.1982 Резолюцией 37/7 Генеральной Ассамблеи ООН] // Организация Объединенных Наций: [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/charter_for_nature.shtml (дата обращения: 02.12.2025).
3. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее»: док. А/42/427; пер. с англ. – Женева: Организация Объединенных Наций, 1987. – 27 с. – URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 28.04.2026).
4. Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию : [принята на Конференции ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г.] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/8308082> (дата обращения: 22.12.2025).
5. Директива (ЕС) 2024/1203 Европейского парламента и Совета от 11 апреля 2024 г. о защите окружающей среды посредством уголовного права, заменяющая директивы 2008/99/ЕС и 2009/123/ЕС // Официальный журнал Европейского союза. – 30.04.2024. – L 2024/1203. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/1203/oj> (дата обращения: 02.01.2026).
6. Директива Европейского парламента и Совета 2008/99/ЕС от 19 ноября 2008 г. об уголовно-правовой охране окружающей среды (неофициальный перевод) // WESCOOP: [сайт]. – URL: <https://wescoop.eu/wp-content/uploads/2020/04/Директива-Европейского-парламента-и-Совета-200899ЕС.pdf> (дата обращения: 02.01.2026).
7. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся жертв международных вооруженных конфликтов от 08 июня 1977 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901755843> (дата обращения: 08.12.2025).

8. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

10. Конвенция 1899 г. о мирном решении международных столкновений // Постоянная палата третейского суда: [сайт]. – URL: <https://docs.pca-cpa.org/2016/01/b01cad1e-1899-convention-for-the-pacific-resolution-of-international-disputes-russian-version.pdf> (дата обращения: 21.12.2025).

11. Конвенция о биологическом разнообразии // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50830/ (дата обращения: 02.12.2025).

12. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (рус., англ.) от 18 октября 1907 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901753259> (дата обращения: 04.12.2025).

13. Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду: [принята 10.12.1976 Резолюцией 31/72 Генеральной Ассамблеи ООН] // Организация Объединенных Наций: [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml (дата обращения: 30.11.2025).

14. Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие : [принята 10.04.1981] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/conweapons.pdf (дата обращения: 30.11.2025).

15. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml (дата обращения: 30.11.2025).

16. Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении : [принята 13.01.1993 в Париже] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. –

URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/chemweapons.shtml (дата обращения: 30.11.2025).

17. Конвенция о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства (Страсбург, 4 ноября 1998 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901909718> (дата обращения: 05.12.2025).

18. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51424/ (дата обращения: 02.12.2025).

19. Конвенция по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов : [принята 29.12.1972] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dumping.shtml (дата обращения: 02.12.2025).

20. Конвенция о запрещении биологического и токсинного оружия (справка) // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. – URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1856465&lang=ru> (дата обращения: 30.11.2025).

21. Международный пакт о гражданских и политических правах : [принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г.] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 20.05.2026).

22. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах : [принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г.] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 20.05.2026).

23. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств : [принят в г. Санкт-Петербурге 17.02.1996 Постановлением № 7–5 на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901914836> (дата обращения: 22.12.2025).

24. Повестка дня на XXI век : [принята на Конференции ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г.] //

Организация Объединенных Наций: [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21_intro.shtml (дата обращения: 02.12.2025).

25. Положение о законах и обычаях сухопутной войны (Приложение к Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны) от 18 октября 1907 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901753259> (дата обращения: 16.12.2025).

26. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» (ред. от 14.03.1963 № 1) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

27. Последствия для прав человека экологически обоснованного регулирования и удаления опасных веществ и отходов: записка Генерального секретаря // Организация Объединенных Наций: [сайт]. – Док. ООН A/80/174. – URL: <https://docs.un.org/ru/A/80/174> (дата обращения: 22.02.2026).

28. Приказ Министерства образования и науки РФ от 12 сентября 2013 г. № 1061 «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

29. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 16 мая 2025 г. № 423-ст «Об утверждении Общероссийского классификатора профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов ОК 016-2025» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

30. Программа ООН по окружающей среде // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – URL: <https://www.un.org/ru/ga/unep/> (дата обращения: 17.11.2024).

31. Распоряжение Президента Российской Федерации от 16.11.2016 № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда» // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – 16.11.2016. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201611160018> (дата обращения: 09.12.2025).

32. Рекомендация Комитета министров Совета Европы № R (88) 18 «Об ответственности за ущерб окружающей среде» : [принята 20.10.1988] // Совет Европы : [сайт]. – URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016804d3a1a (дата обращения: 01.01.2026).

33. Римский статут Международного уголовного суда : [принят в г. Риме 17.07.1998] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. –

URL: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 05.01.2026).

34. Стокгольмская декларация : [принята 16.06.1972 на Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901880141> (дата обращения: 07.12.2025).

35. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

36. Уголовный кодекс Республики Беларусь : [принят Палатой представителей 02.06.1999, одобрен Советом Республики 24.06.1999] : от 9 июля 1999 г. № 275-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь: [сайт]. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 20.10.2025).

37. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об охране окружающей среды» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

38. Федеральный закон от 04.05.1999 № 96-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об охране атмосферного воздуха» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

39. Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

40. Федеральный закон от 26.07.2019 № 195-ФЗ «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Материалы судебной практики

41. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1997 г. № 18-П // Российская газета. – 1997. – № 247-248. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

42. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2009 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения подпункта "б" пункта 4 Постановления Правительства Российской Федерации "Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия" в связи с запросом Верховного Суда Республики Татарстан» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 22. – Ст. 2752.

43. Определение Конституционного Суда РФ от 13.05.2019 № 1197-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Группа «Илим» ...» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

44. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 26.05.2015) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

45. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2023. – № 7. – С. 12–25. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

46. Обзор судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.06.2022 // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. – URL: <https://www.vsrp.ru/documents/practice/31236/> (дата обращения: 02.03.2025).

47. Определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № А40-12042/20 от 16.07.2024 // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. – URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2388544 (дата обращения: 06.03.2025).

48. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 августа 1989 г. № 330-1 «О ратификации Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) и Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II)» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Книги и монографии:

49. Антонова Е.Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности: монография. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2011. – 421 с.

50. Голубев С.И. Предмет экологического преступления : монография. – Москва : КОНТРАКТ, 2020.

51. Дубовик О.Л. Экологическая конфликтология (предупреждение и разрешение эколого-правовых конфликтов) : монография. – Москва : Норма, 2019. – 280 с.

52. Жевлаков Э.Н. Уголовное природоохранительное право России : монография. – Москва : Проспект, 2020. – С. 276–287.

53. Зверева А.И. Экологические преступления, посягающие на безопасность водных объектов: характеристика и разграничения со смежными деликтами. – Москва : Проспект, 2019. – 200 с.
54. Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Преступления против мира и безопасности человечества / под науч. ред. А.В. Наумова. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. – 383 с.
55. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) / А.И. Чучаев, А.А. Арямов, А.А. Ашин [и др.]. – Москва : Юридическая фирма «Контракт», 2011. – 1040 с.
56. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : постатейный / под ред. Г.А. Есакова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2017. – 736 с.
57. Комментарий к Уголовному кодексу РФ : в 4 т. Т. 4. Особенная часть. Разделы X–XII / В.М. Лебедев, А.В. Галахова, В.В. Дорошков [и др.] ; под ред. В.М. Лебедева. – 1-е изд. – Москва : Юрайт, 2020.
58. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В.Н. Кудрявцева. – Москва : Городец, 2007.
59. Лопашенко Н.А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 528 с.
60. Ошибки в квалификации преступлений: монография / В.К. Андрианов, Д.А. Дорогин, Д.С. Корсун [и др.] ; под ред. Ю.Е. Пудовочкина. – Москва : РГУП, 2020. – 350 с.
61. Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2020.
62. Петровский А.В. Предупреждение преступного поведения юридическими и иными социальными нормами: институциональный подход. — Краснодар : Кубанский государственный университет, 2025. — 494 с.
63. Плохова В.И. Конституционное обоснование уголовного закона (общие вопросы) : монография. — Барнаул : Алтайский государственный университет, 2025. — 246 с.
64. Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. – Москва : Проспект, 2015. – 232 с.
65. Тисленко Д.И. Экологический терроризм. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 208 с.

66. Трикоз Е.Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты. – Москва : Юрлитинформ, 2007.

67. Турчин А.В. Структура глобальной катастрофы : Риски вымирания человечества в XXI веке. – Москва : УРСС, 2010.

68. Шмонин А.В., Семькина О.И. Преступления экономической направленности: понятие и генезис уголовного законодательства: монография / отв. ред. профессор, доктор юридических наук, А.В. Шмонин. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 472 с.

Диссертации и авторефераты:

69. Ашихмин И.М. Международно-правовое обеспечение экологической безопасности в военной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1997. — С. 193.

70. Виноградова Е.В. Преступления против экологической безопасности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук. – Ставрополь, 2001. – 381 с.

71. Голубев С.И. Уголовно-правовое обеспечение экологической безопасности (законодательные и доктринальные основы, классификация видов экологических преступлений и характеристика составов) : автореф. дис. ... д-ра юр. наук. – Казань, 2022.

72. Греченкова О.Ю. Экоцид как преступление против мира и безопасности человечества : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Краснодар, 2007. – 26 с.

73. Жукова А.А. Разграничение экологических правонарушений: уголовно-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2026. – 239 с.

74. Каболов В.В. Преступления против мира и безопасности человечества : дис. ... канд. юр. наук. – Ростов-на-Дону, 2002. – 86 с.

75. Корма В.Д. Основы криминалистического учения о техногенных источниках повышенной опасности : автореф. дис. ... д-ра юр. наук. – Москва, 2006.

76. Павлик М.Ю. Уголовная ответственность за насильственные преступления против общественной безопасности: современное состояние, сущность и противоречия : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. – Санкт-Петербург, 2006. – 381 с.

77. Палий В.В. Вовлечение в совершение преступления и склонение к совершению преступления или антиобщественных действий :

специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Москва, 2006. – 23 с.

78. Плохова В.И. Криминологическая и правовая обоснованность составов ненасильственных преступлений против собственности : автореф. дис. ... д-ра юр. наук. – Екатеринбург, 2003.

79. Симонова А.Е. Международно-правовые аспекты борьбы с биотерроризмом : специальность 12.00.10 «Международное право; европейское право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2007. – 26 с.

80. Тимошенко Ю.А. Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления: проблемы теории и практика : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук. – 2019. – 537 с.

81. Туманов А.С. Уголовная ответственность за кражу, совершенную из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юр. наук. – Москва, 2022.

82. Федоров А.В. Теоретические основы уголовной ответственности юридических лиц (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2026. – 1866 с.

Научные статьи и иные публикации:

83. Абдрашитов В.М. Ответственность государств за международные преступления и защита прав человека // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. – 2005. – № 4-1. – С. 58–60.

84. Александров С.В. Экологическая катастрофа как перманентное явление современного общества // МНИЖ. – 2021. – № 1-2 (103).

85. Анисимов В.П. Проблемы современного международного экологического права и способы их решения // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2010. – № 4 (47).

86. Антонова Е.Ю. Теоретическая модель корпоративной (коллективной) уголовной ответственности // Lex Russica. – 2013. – № 8. – С. 884–897.

87. Апресян Р.Г. Морально-философский смысл дилеммы антропоцентризма и нонантропоцентризма // Этическая мысль. – 2010. – № 10.

88. Батырь В.А. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных

вооружённых конфликтов (Протокол I) // Большая российская энциклопедия : научно-образовательный портал. – URL: <https://bigenc.ru/c/i-dopolnitel-nyi-protokol-k-zhenevskim-konventsiiam-ot-12-avgusta-1949-403bc3/> (дата обращения: 28.12.2025).

89. Безверхов А.Г., Решетникова Д.В. О классификации конструкций составов преступлений по моменту их юридического окончания // Общество и право. – 2010. – № 5 (32). – С. 79–83.

90. Березина И.С., Цвериганашвили И.А., Шутман Д.В. Экологический радикализм в общественных организациях ФРГ на современном этапе // Управленческое консультирование. – 2022. – № 1. – С. 115–123.

91. Бодаевский В.П. Понятие и признаки субъекта воинского преступления в уголовном законе Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. – 2014. – № 8 (116). – С. 126–133.

92. Болтыров В.Б. Экологические последствия природных и антропогенных катастроф // Известия УГГУ. – 2012. – № 27-28. – С. 80–85.

93. Бугера Н.Н. Соотношение понятий «вовлечение» и «склонение» в уголовном праве России // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 3 (29).

94. Бураева Л.А., Дадова З.И. Биологический терроризм: понятие, сущность, проявления // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – № 2. – С. 134–136.

95. Васильева М.А. К вопросу о создании методики расследования экоцидов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 6. – С. 156-160

96. Васин Д.Ф., Петров В.В. Некоторые вопросы эколого-судебно-медицинских экспертиз по делам об экоциде // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2000. — № 2 (229). — С. 219–222.

97. Веденин Н.Н. Животный мир: проблемы охраны и использования // Журнал российского права. – 2002. – № 12. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

98. Веревичева М.И. К вопросу об уголовной ответственности за экоцид // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2010. – № 2 (8). – С. 64–66.

99. Вилейкис А.И. Экологический радикализм: насилие ради общего блага? // Социодиггер. – 2022. – Т. 3, № 7 (19). – С. 25–31.

100. Виноградова Е.В. Конституционные приоритеты экологического образования и воспитания экологической культуры – инвестиции в будущее

России // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 3. – С. 199–206. – DOI 10.24412/1608-8794-2022-3-199-206.

101. Виноградова Е.В. Экологическая безопасность как элемент системы российских конституционных ценностей // Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса : сборник материалов Международной научно-практической конференции «Лазаревские чтения–2022», Москва, 24 февраля 2022 года. – Москва : Институт государства и права РАН, 2022. – С. 244–249.

102. Винокуров В.Н., Грамматичков М.В., Федорова Е.А. Квалификация незаконной разработки недр // Современное право. – 2021. – № 3 // СПС КонсультантПлюс.

103. Гаврилова Ю.А. К вопросу о классификации норм и источников международного экологического права // Вестник КАСУ. – 2009. – № 4.

104. Геворкян С.Г., Геворкян И.С. Экоцид как высшая форма антропогенной экологической катастрофы. К постановке проблемы // Электронное научное издание Альманах «Пространство и Время». – 2018. – Т. 16, № 3-4. – С. 1.

105. Гегер А.Э., Гегер С.А. Факторы эоактивизма в России // Петербургская социология сегодня. – 2018. – № 10.

106. Герасимов А.Н., Зюзин С.Г., Соловьев А.И. География военных конфликтов современного мира и экологические последствия войны // Научная мысль. – 2021. – Т. 17, № 3-1 (41). – С. 40–49.

107. Глазунов Ю.Т. Роль и значение воли в процессах целеполагания // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. – 2013. – Т. 16, № 2. – С. 279–287.

108. Глазунов Ю.Т. Целеполагание и мотивация // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. – 2013. – Т. 16, № 2. – С. 288–299.

109. Глазунов Ю.Т., Сидоров К.Р. Целеполагание, целедостижение и волевая регуляция // СПЖ. – 2017. – № 64.

110. Голубев С.И. Экологическое преступление: в лабиринте определений // Lex Russica. – 2017. – № 9 (130). – С. 134–147. – DOI 10.17803/1729-5920.2017.130.9.134-147.

111. Гольбрайх В.Б. Экологический активизм: новые формы политического участия // Власть и элиты. – 2016. – Т. 3. – С. 98–120. – DOI 10.31119/re.2016.3.4.

112. Го Д. Три неувязки в теории расового капитализма // Социологические исследования. – 2021. – № 6. – С. 14–23. – DOI 10.31857/S013216250014684-5.

113. Греченкова О.Ю. Отдаленные последствия экоцида для природы и человечества // Молодой ученый. – 2017. – № 8 (142). – С. 101–103.

114. Давитадзе М.Д. Экоцид как преступление против безопасности человечества // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 7. – С. 85–89.

115. Дворецкий М.Ю., Краснослободцева Н.В. Реализация международно-правовых норм в главе 26 УК РФ «Экологические преступления» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. – 2016. – № 1 (5). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/implementatsiya-mezhdunarodno-pravovyh-norm-v-glave-26-uk-rf-ekologicheskie-prestupleniya> (дата обращения: 26.11.2025).

116. Дворянсков И.В. Наказание: смена парадигмы // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : Материалы Всероссийской научно-практической конференции (к 145-летию со дня образования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации), Томск, 25–26 апреля 2024 года. – Томск, 2024. – С. 15.

117. Делевер А.В. Биоцид и экоцид: проблемы международно-правового регулирования // Ступени роста : Материалы 73-й межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых / сост. и отв. ред. Л.А. Исакова. – Кострома : Издательство Костромского государственного университета, 2021. – С. 142.

118. Дубовик О.Л. Экологическая преступность в Российской Федерации: состояние, тенденции и связи с транснациональной, коррупционной и организованной преступностью // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2010. – № 1. – С. 17–29.

119. Дубовик О.Л. Экологическая криминология: тенденции развития, методология, новые направления (на примере исследования незаконной торговли окружающей средой) // Современное уголовное право и криминология. – 2007.

120. Дятлова А.В. Экоцид как международное преступление // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 1А. – С. 382–388.

121. Ежов Д.А. К проблеме типологизации технологий экологического протеста // АНИ: экономика и управление. – 2019. – № 4 (29).

122. Жинкин А.А., Жинкина Т.Ю. Экоцид: проблемы законодательной регламентации и квалификации // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. – 2014. – № 3-4 (63-64). – С. 137–143.

123. Жукова А.А. Уголовно-правовая характеристика экоцида (ст. 358 УК РФ): целесообразность отнесения к альтернативно-экологическим транснациональным преступлениям // Юридическая наука. – 2024. – № 1. – С. 157–162.
124. Ибрагимов А.М., Самович Ю.В. Репрессалии в современном международном праве: понятие и возможные меры // СибСкрипт. – 2013. – № 4 (56). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/repressalii-v-sovremennom-mezhdunarodnom-prave-ponyatie-i-vozmozhnye-mery> (дата обращения: 04.12.2025).
125. Казаков Д.В. Система экологических преступлений // Современное общество и право. – 2014. – № 2 (15). – С. 114–116.
126. Казарин П.С. О соотношении понятий «война» и «вооруженный конфликт» // Вестник военного образования : [сайт]. – 12.11.2018.
127. Каламбаев А.Г. О некоторых особенностях выявления и расследования хищений, совершаемых в сфере нефтегазового комплекса // Российский следователь. – 2009. – № 22 // СПС КонсультантПлюс.
128. Камалиева Л.А., Сейфетдинов М.Р. Проблемы уголовно-правового регулирования биотерроризма // Отечественная юриспруденция. – 2017. – № 4 (18). – С. 26–27.
129. Капица Л. Человеческая безопасность // Экономика, право, политика и безопасность. – 2005. – № 1.
130. Капитонова Е.А. Особенности ядерного и биологического терроризма как новых разновидностей террористического акта // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 1 (41).
131. Карабанова Е.Н. Социально-правовая природа многообъектных преступлений // Журнал российского права. – 2017. – № 1 (241). – С. 130–138. – DOI 10.12737/23713.
132. Каратуева Е.Н. Проблемы классификации экологического терроризма // ПОЛИТЭКС. – 2021. – № 4.
133. Каус Н.А. К вопросу об особенностях эколого-правовых конфликтов // Правопорядок: история, теория, практика. – 2014. – № 2 (3). – С. 42–46.
134. Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Уголовная ответственность за экоцид // Законность. – 2005. – № 6. – С. 20–22.
135. Кийко М.Ю. Концептуальные подходы определения категории «Национальная безопасность» // РППЭ. – 2012. – № 4.
136. Кириченко Н.С., Александрова Н.Г. Понятие и сущность военного экоцида // Военное право. – 2024. – № 5 (87). – С. 128–132.

137. Кишкин Н.В., Нехамкин В.А. Понятие «экоцентризм»: научно-философское содержание // Гуманитарный вестник. – 2017. – № 8 (58).
138. Князькина А.К. Международный договор как основа УК РФ // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.) : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Краснодар, 28–29 июня 2021 года / отв. ред. В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2021. – С. 384–394.
139. Кобец П.Н. Генезис опасной разновидности террористической угрозы - биологического терроризма и меры по его профилактике // Правопорядок: история, теория, практика. – 2021. – № 1 (28). – С. 72–78.
140. Кобец П.Н. Особенности феномена биотерроризма в условиях XXI столетия и меры противодействия // Научный портал МВД России. – 2021. – № 1 (53). – С. 104–109.
141. Козирник Р. Протоколы 1977 г. – важный этап развития международного гуманитарного права // Международный журнал Красного Креста. – 1997. – № 320 (октябрь). – URL: <https://international-review.icrc.org/ru/articles/1977-protocols-landmark-development-international-humanitarian-law> (дата обращения: 28.12.2025).
142. Кокунов А.И. Соотношение понятий «склонение» и «вовлечение» в современном уголовном праве России // Законность и правопорядок. – 2020. – № 1 (25). – С. 34–39.
143. Колосова Н.М. Лоббизм и коррупция // Журнал российского права. – 2014. – № 2 (206). – С. 53–59. – DOI 10.12737/2238.
144. Комлев Ю.Ю. Подростково-молодежная девиантность: объяснительный потенциал субкультурного подхода на примере теории нейтрализации // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2019. – № 2 (8). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podrostkovo-molodezhnaya-deviantnost-obyasnitelnyy-potentsial-subkulturnogo-podhoda-na-primere-teorii-neytralizatsii> (дата обращения: 08.02.2026).
145. Коняхин В.П. Экоцид в контексте международного, зарубежного и российского уголовного права: сравнительно-правовой анализ // Реализация и защита экологических прав граждан : сборник материалов Всероссийской конференции по вопросам реализации и защиты экологических прав граждан, Самара, 19 октября 2017 года / под ред. А.Г. Безверхова, А.В. Юдина. – Самара : Вектор, 2018. – С. 66–73.
146. Коняхин В.П., Жук М.С. Система институтов Особенной части российского уголовного права и возможные перспективы ее оптимизации // Уголовное право. — 2012. — № 1. — С. 32–39.

147. Креймер М.А. Эрнст Геккель и экология // Вестник СГУГиТ. – 2013. – № 4 (24). – С. 112–119.
148. Кузнецов Д.В. Роберт С. Макнамара – «архитектор» войны во Вьетнаме // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. – 2020. – № 20. – С. 151–170.
149. Кузнецова Н.И. Криминологическая характеристика экологической преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 2 (74).
150. Кузнецова Н.И. Новая уголовная политика в сфере обеспечения экологической безопасности // Актуальные проблемы квалификации и предупреждения экологических преступлений : Материалы всероссийского научно-практического круглого стола, Москва, 28 марта 2025 года. – Москва : Московская академия Следственного комитета, 2025. – С. 76–80.
151. Кургузкина Е.Б. К вопросу о криминологической характеристике преступности // Научный портал МВД России. – 2008. – № 2.
152. Курсаев А.В. Состав поставления в опасность в уголовном праве // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 3. – С. 166–180.
153. Куфлева В.Н., Гончаренко А.И. Экстрадиция как средство противодействия транснациональной организованной преступности // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения) : сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 30 сентября – 1 октября 2019 года / под общ. ред. Н.А. Лопашенко. — Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2019. — С. 209–213.
154. Лазутин Л.А. Римский статут международного уголовного суда и конституция Российской Федерации: грани несоответствия // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2016. – № 6.
155. Левитанус Б.А., Стрельников С.В. Правовое регулирование «экоцида» в России и зарубежных странах // Ленинградский юридический журнал. – 2020. – № 3 (61). – С. 69–79.
156. Леонтьев Д.А. Понятие мотива у А.Н. Леонтьева и проблема качества мотивации // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2016. – № 2. – С. 3–18.
157. Лисаускайте В.В. Преступления со специфическим статусом по международному уголовному праву // Сибирский юридический вестник. – 2010. – № 2 (49). – С. 107–115.
158. Лобач Д.В., Углова Е.А. Перспективы криминализации экоцида в практике международных отношений // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2022. – Т. 24, № 4. – С. 136–148.

159. Логинова Л.В., Щепланова В.В. Феномен экологического активизма в перспективе социологического дискурса // *Logos et Praxis*. – 2021. – № 3.
160. Малышев А.И., Пивоваров Ю.Ф., Хахалев В.Ю. Категории «война» и «вооружённый конфликт»: сходство и различие // *Военная мысль*. – 2022. – № 2. – С. 21–30.
161. Манасян А. Государство в реалиях международно-уголовных деяний // *AAPSC.info* : [сайт]. – 29.05.2023. – URL: <https://www.aapsc.info/post/государство-в-реалиях-международно-уголовных> (дата обращения: 15.10.2025).
162. Матузов Н.И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов // *Правоведение*. – 1998. – № 1. – С. 198–212.
163. Мацкевич И.М., Мацкевич О.В. Организованная преступность и коррупция: что нового? // *Антикоррупционная безопасность: выявление угроз и стратегия обеспечения : сборник научных статей по итогам V Сибирского антикоррупционного форума, Красноярск, 19–20 декабря 2020 года / ответственные редакторы И.А. Дамм, Е.А. Акунченко*. — Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2020. — С. 136–144.
164. Мацкевич И.М. Транснациональная организованная преступность: понятие и признаки [Электронный ресурс] // *Союз криминалистов и криминологов* : [сайт]. — 24.02.2021. — URL: <https://crimescience.ru/articles/Актуальные-материалы-членов-Союза-4.html> (дата обращения: 13.04.2026).
165. Минина Е.Л. Тенденции развития законодательства о растительном мире // *Журнал российского права*. – 2016. – № 5 (233). – С. 108–117.
166. Минина Е.Л., Шуплецова Ю.И. Лес и растительный мир: правовые проблемы разграничения // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. – 2021. – № 51. – С. 84–104.
167. Миннекаева Д.Р. «Повестка дня на XXI век – путь к устойчивому развитию». Теоретические основы перспективной программы Организации Объединенных Наций // *Вестник ТИСБИ*. – 2003. – № 4.
168. Морозов В.И., Пушкарев В.Г. Экологический терроризм: понятие, сущность, квалификация // *Уголовное право*. – 2007. – № 2. – С. 122–124.
169. Муленков Д.В., Филина Н.В. Понятие, формы и виды экстремизма // *Журнал прикладных исследований*. – 2023. – № 1. – С. 146–149. – DOI 10.47576/2712-7516_2023_1_146.

170. Наумов А.В. Уголовная ответственность юридических лиц // *Lex Russica*. – 2015. – № 7.
171. Номоконов В.А. О криминогенности российской политики в сфере борьбы с преступностью // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2016. – Т. 10, № 3. – С. 438–446. – DOI 10.17150/2500-4255.2016.10(3).438-446.
172. Панкратова Л.С. «Зеленая» криминология // *Международные процессы*. – 2016. – Т. 14, № 4 (47). – С. 176–179.
173. Панфилов Н., Дохов Р. Не только природные ресурсы: экстрактивизм как обобщающая концепция // *Социологическое обозрение*. – 2024. – № 2.
174. Плешаков А.М., Осипов В.А. Уголовная ответственность за хищение нефти или нефтепродуктов и за их незаконное приобретение: вопросы квалификации // *Вестник экономической безопасности*. – 2018. – № 3. – С. 155.
175. Плохова В.И. Особенности природных объектов и их отражение в правовом регулировании // *Российская юстиция*. – 2002. – № 6. – С. 28–30.
176. Подчерняев А.Н. О предмете хищения в нефтяной отрасли // *Российский следователь*. – 2007. – № 8 // СПС КонсультантПлюс.
177. Полупан Г.Ю. Квалификация преступлений по признаку создания опасности // *Российский криминологический взгляд*. – 2012. – № 2. – С. 393–396.
178. Проскуряков А.И. Экоцид в уголовном праве России: истоки зарождения, перспективы развития // *Образование и право*. – 2023. – № 6. – С. 368–375. – DOI 10.24412/2076-1503-2023-6-368-375.
179. Прохорова М.Л., Полтавец В.В. Личность виновного в системе общих начал назначения наказания // *Общество и право*. — 2016. — № 3 (57). — С. 62–68.
180. Прохорова М.Л., Князькина А.К., Сильченко Е.В. Действие международного уголовного права в пространстве // *Общество: политика, экономика, право*. — 2022. — № 8 (109). — С. 43–52. — DOI 10.24158/per.2022.8.6.
181. Проценко С.В. О законодательной конструкции объективной стороны преступления в составах «поставления в опасность» // *Российский следователь*. – 2014. – № 10. – С. 23–27.
182. Рожковский В. Право как ценность и правовые ценности // *Thesaurus : зб. наук. пр. / Магілєўскі інстытут МУС. – Магілєў, 2017. – Вып. 4: Міждысцыплінарныя даследаванні*. – С. 227–234.

183. Рыженков А.Я. Экологический терроризм как глобальная проблема современности // Legal Concept. – 2017. – № 2.
184. Рууска Т., Хейккуринен П., Левассер Т., Гар А. Переосмысление насилия в антропоцене: от экоцида к экологической цивилизации // Экопозис: экогуманитарные теория и практика. – 2026. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pereosmyslenie-nasiliya-v-antropotsene-ot-ekotsida-k-ekologicheskoy-tsivilizatsii> (дата обращения: 14.02.2026).
185. Савин А.В. Экологический экстремизм как новый вызов экономической безопасности промышленных организаций в России // Вестник ГУУ. – 2016. – № 6. – С. 213–217.
186. Саранкина Ю.А. Биологический терроризм: понятие, сущность и основные направления противодействия // Крымский научный вестник. – 2016. – № 4.
187. Сахаб А.А.Н. Ирако-кувейтский вооруженный конфликт 1990-1991 гг. и его международные последствия // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2011. – № 8. – С. 139–144.
188. Саямов Ю.Н. О Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг. // РСМ. – 2017. – № 3 (96).
189. Серебренникова А.В. К 70-летию Нюрнбергского процесса: «формула Радбруха» (radbruchsche Formel) и опыт ее применения на практике после объединения Германии // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-70-letiyu-nyurnbergskogo-protssessa-formula-radbruha-radbruchsche-formel-i-opyt-ee-primeneniya-na-praktike-posle-obedineniya-germanii> (дата обращения: 30.11.2025).
190. Символоков О.А. Правовое обеспечение развития технологий использования возобновляемых источников энергии // Журнал российского права. – 2020. – № 9 // СПС КонсультантПлюс.
191. Слабкая Д.Н., Новиков А.В. К вопросу о преступлениях против человечности // Вопросы российского и международного права. – 2020. – Т. 10, № 11-1.
192. Соболева Е.А. Уголовная ответственность за экоцид в законодательстве России и Германии // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2017. – № 4. – С. 13–15.
193. Соколова С.Н. Безопасность человека и общества // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2013. – № 2. – С. 16–22.
194. Соколова С.Н., Соколова А.А. Феноменология безопасности: проблемы и перспективы // Вестник Полесского государственного

университета. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2012. – № 2. – С. 44–50.

195. Солопова М.А. Гиппократ // Античная философия : энциклопедический словарь. – Москва : Прогресс-Традиция, 2008. – С. 275–280.

196. Стешич Е.С., Корецкий Д.А. Теоретические и практические проблемы разграничения неосторожности и косвенного умысла в преступлениях, связанных с убийством // Восточно-Европейский научный журнал. – 2016. – Т. 7, № 4. – С. 180–185.

197. Субетто А.И. Диктатура кажимости или симуляции в современных «демократиях» на фоне рыночного экоцида основ жизни человечества на Земле // Уровень жизни населения регионов России. – 2019. – Т. 15, № 3. – С. 82–93. – DOI 10.19181/1999-9836-2019-10075.

198. Тимофеев А.Д. Семантика понятий «Экологический кризис» и «Экологическая катастрофа» // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2015. – № 176.

199. Тимошенко Ю.А. Детерминанты экологической преступности // Российский журнал правовых исследований. – 2020. – Т. 7, № 2. – С. 84–92. – DOI 10.17816/RJLS46436.

200. Тимошенко Ю.А. Юридические конструкции составов экологических преступлений как средство законодательной техники // Юристъ-Правоведъ. – 2015. – № 6 (73). – С. 15–22.

201. Тишутина И.В. К вопросу о социально-правовом контроле над организованной преступностью // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 1. – С. 162–163.

202. Ткаченко Н.Н., Ищенко Д.П. К вопросу о понятии и мерах по борьбе с биологическим терроризмом // ЮП. – 2019. – № 4 (91).

203. Третьяков А.В., Углова Е.А. Становление уголовно-правового запрета экоцида: международные истоки и российская реализация // Актуальные вопросы обеспечения законности в сфере сохранения природных комплексов и находящихся под угрозой исчезновения редких видов объектов растительного и животного мира : Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. – Владивосток, 2025. – С. 117–123.

204. Трусов Н.А. Методологические акценты понимания феномена национальной безопасности России // Марийский юридический вестник. – 2016. – № 3 (18). – С. 48–53.

205. Турская Е.Р., Козина А.А. Экологический терроризм как современная угроза человечеству // Бизнес. Образование. Право. – 2022. – № 3 (60). – С. 266–270. – DOI 10.25683/VOLBI.2022.60.379.
206. Углова Е.А. Анализ объективной стороны экоцида: проблемы квалификации и пути совершенствования // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 11 (210). – С. 370–372.
207. Углова Е.А. Имплементация международно-правовых норм об ответственности за экоцид в российском уголовном праве // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2024. – Т. 26, № 3. – С. 182–194.
208. Углова Е.А. Пробелы и коллизии российского законодательства при определении предмета экоцида // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 5. – С. 610–613.
209. Углова Е.А. Экологическая катастрофа как признак объективной стороны экоцида: анализ и перспективы определения // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 12. – С. 805–808.
210. Углова Е.А. Криминализация экоцида в деятельности Международного уголовного суда: история, современное состояние и перспективы // Вопросы российского и международного права. – 2026. – Т. 16, № 2А. – С. 700–709. – DOI 10.34670/AR.2026.50.86.077.
211. Углова Е.А. Субъективная сторона экоцида: в защиту прямого умысла // Право и государство: теория и практика. 2026. № 3. С. 423-425. – DOI 10.47643/1815-1337_2026_3_423.
212. Улезько С.И. Классификация объектов преступления // Общество и право. – 2013. – № 4 (46). – С. 70–74.
213. Фабрика И.В. К вопросу о ценности права // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2011. – № 40 (257). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tsennosti-prava> (дата обращения: 30.11.2025).
214. Фархутдинов И.З. Гаагские мирные конференции 1899 и 1907 гг. Кто развязал Первую мировую войну. Опыт доктринального исследования проблем формирования современной модели международных отношений в контексте развития международного права // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 4 (143).
215. Федышина П.В. Составы поставления в опасность в системе составов преступлений // КриминалистЪ. – 2015. – № 1 (16). – С. 14–19.
216. Филиппов В.Р. «Франсафрик» и этика в международных отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т. 17, № 2. – С. 402–415. – DOI 10.22363/2313-0660-2017-17-2-402-415.

217. Филиппов В.Р. «Франсафрик» и французский неокOLONиализм // Ученые записки Института Африки РАН. – 2021. – № 4 (57). – С. 13–27.
218. Филиппов В.Р. Политика Франции в Габоне // Право и политика. – 2016. – № 1. – С. 71–82. – DOI 10.7256/1811-9018.2016.1.16066.
219. Филиппов В.Р. Политика Франции в Камеруне // Политика и общество. – 2015. – № 4 (124). – С. 531–542. – DOI 10.7256/1812-8696.2015.4.14955.
220. Фоменко В.Л. Правовое регулирование объектов животного мира // Общество и право. – 2015. – № 2 (52). – С. 59–62.
221. Хабриева Т.Я. Право и экология: цели и механизмы взаимодействия // Право и экология : материалы VIII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 23–24 мая 2013 г.) / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.А. Боголюбов. — М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2024. — С. 28.
222. Чернявский С.И. Вторая Гаагская конференция мира 1907 года: взгляд через 110 лет // Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. – 2017. – Т. 4, вып. 1.
223. Шабельников М.П., Михайлов В.Г., Комратов А.В. и др. К вопросу о биотерроризме в современных условиях // Военно-медицинский журнал. – 2018. – Т. 339, № 1. – С. 24–29.
224. Шалаев В.С., Хуторова Н.А. Энвайронментализм как движение в защиту окружающей среды // Вестник Московского государственного университета леса - Лесной вестник. – 2013. – № 7. – С. 6–22.
225. Шешнев А.С. Что такое «антропоцен»? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. – 2017. – № 3.
226. Шикула И.Р., Проскуряков А.И. Актуальные вопросы уголовно-правового регулирования экоцида // Вопросы российского и международного права. – 2024. – Т. 14, № 6-1. – С. 388–395.
227. Шикула И.Р., Проскуряков А.И. Уголовно-правовой анализ экоцида: объективные и субъективные признаки, вопросы квалификации // Право: история и современность. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 200–212.
228. Шулико Г. Седрик Робинсон и антропология «чёрного марксизма» // Философская антропология. – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 126–134. – DOI 10.21146/2414-3715-2021-7-2-126-134.
229. Шуплецова Ю.И. Перспективы и направления развития лесного законодательства Российской Федерации // Журнал российского права. – 2015. – № 3 (219). – С. 72–79.

230. Шуплецова Ю.И. Правовые проблемы реализации прав на лесные участки // Журнал российского права. – 2016. – № 12 (240). – С. 151–161.

231. Эриашвили Н.Д., Иванова Ю.А., Ращенко А.С. К вопросу об ответственности за нарушение международно-правовых норм по охране окружающей среды // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 1.

232. Этте О. Александр фон Гумбольдт: кочующая мысль и жизненная наука // Epistemology & Philosophy of Science. – 2018. – № 1. – С. 206–217.

Литература на иностранных языках

233. Council of Europe Convention on the Protection of the Environment through Criminal Law // Verdragen.nl : [сайт]. – URL: https://verdragen.nl/en/Treaty/Details/014150_p (дата обращения: 18.05.2026).

234. Dantzer P., Hackworth J. Racial Capitalism and the Propaganda of Conservative Economics // Journal of Black Studies. – 2025. – Vol. 0, No. 0. – DOI: 10.1177/00219347251350966.

235. Dasbach A.B. How the ICC is Using International Criminal Law to Prosecute Suspects of Eco Crimes // Legal Planet : [сайт]. – 01.05.2024. – URL: <https://legal-planet.org/2024/05/01/how-the-icc-is-using-international-criminal-law-to-prosecute-suspects-of-eco-crimes/> (дата обращения: 14.02.2026).

236. Falk R.A. Environmental warfare and ecocide facts, appraisal and proposals // Belgian Review of International Law. – 1973. – Vol. 9. – P. 1–27.

237. Frank N.K., Lynch M.J. Corporate Crime, Corporate Violence. – Albany : Harrow and Heston, 1992.

238. Global Finance Still Favours Nature-Damaging Activities Over Protection, Says Report // Outlook Business : [сайт]. – 22.01.2026. – URL: <https://www.outlookbusiness.com/news/global-nature-finance-imbalance-unep-report> (дата обращения: 22.02.2026).

239. Gray M.A. The International Crime of Ecocide // California Western International Law Journal. – 1996. – Vol. 26, No. 2. – Art. 3. – P. 215–276.

240. Kihlberg M. The Revised EU Environmental Crime Directive: Changes and Challenges in EU Environmental Criminal Law with Examples from Sweden // eucrim – The European Criminal Law Associations' Forum. – 2024. – No. 4. – P. 263–271. – DOI: 10.30709/eucrim-2024-013.

241. Lekander J. The Creation of an Autonomous Environmental Crime through the New EU Environmental Crime Directive // eucrim – The European Criminal Law Associations' Forum. – 2024. – No. 4. – P. 254–262. – DOI: 10.30709/eucrim-2024-011.

242. Luise F. Small islands at COP30: Setbacks, Unstoppable Truths, and New Climate Superpowers // Greening the Islands : [сайт]. – 04.12.2025. – URL: <https://greeningtheislands.org/small-islands-at-cop30-setbacks-unstoppable-truths-and-new-climate-superpowers/> (дата обращения: 17.03.2026).

243. Minkova L.G. The Fifth International Crime: Reflections on the Definition of "Ecocide" // Journal of Genocide Research. – 2023. – Vol. 25, No. 1. – P. 62–83. – DOI: 10.1080/14623528.2021.1964688.

244. National transposition measures concerning Directive (EU) 2024/1203 // EUR-Lex : [сайт]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/NIM/?uri=OJ:L_202401203 (дата обращения: 18.05.2026).

245. Notable Supporters // Stop Ecocide International : [сайт]. – URL: <https://www.stopecocide.earth/notable-supporters> (дата обращения: 05.01.2026).

246. Pereira R. A Critical Evaluation of the New EU Environmental Crime Directive 2024/1203 // eucrim. – 2024. – DOI: 10.30709/eucrim-2024-012.

247. Stop Ecocide International. Historic ICC Policy Puts Ecological Harm at the Centre of International Criminal Law // Stop Ecocide International : [сайт]. – 04.12.2025. – URL: <https://www.stopecocide.earth/bn-2025/historic-icc-policy-puts-ecological-harm-at-the-centre-of-international-criminal-law> (дата обращения: 06.02.2026).

248. Venkat R. Ecocide: Can The International Criminal Court Hold Polluters Accountable For Mass Environmental Destruction? // Vermont Journal of Environmental Law : [сайт]. – 2021. – URL: <https://vjel.vermontlaw.edu/top-ten/2021/12/ecocide-can-the-international-criminal-court-hold-polluters-accountable-for-mass-environmental-destruction/> (дата обращения: 23.02.2026).

Электронные ресурсы:

249. Агент Оранж: химические атаки США во время войны во Вьетнаме // TechInsider : [сайт]. – URL: <https://www.techinsider.ru/history/1642677-agent-orange-kak-ssha-vo-vremya-voiny-vo-vetname-ispolzovali-odin-iz-samyh-opasnyh-dlya-cheloveka-himikatov/> (дата обращения: 26.10.2025).

250. Agent Orange последствия // Вьетнамский дом : [сайт]. – 10.07.2025. – URL: https://viet-house.ru/news/agent_orange/ (дата обращения: 26.02.2026).

251. Базы данных по международному гуманитарному праву // ICRC : [сайт]. – URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/geneva-gas-prot-1925/state-parties> (дата обращения: 21.12.2025).

252. Белло Х. Последний шанс спасти Амазонию // Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) : [сайт]. – 22.05.2023. –

URL: <https://www.unep.org/ru/novosti-i-istorii/blog/posledniy-shans-spasti-amazoniyu> (дата обращения: 26.01.2025).

253. Бесконечное настоящее: кто является носителем времени // Идеономика : [сайт]. – 26.06.2025. – URL: <https://ideanomics.ru/articles/34925> (дата обращения: 14.02.2026).

254. Биотерроризм : информация Комиссии по охране здоровья // Boston Public Health Commission. – URL: https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/language_portal/btfacts_russian.pdf (дата обращения: 18.01.2026).

255. Борбат А.В., Завидов Б.Д., Ендольцева А.В., Милевский А.И. Состав преступления как основание уголовной ответственности // СПС КонсультантПлюс. – 2005.

256. Бостром Н. Угрозы существованию. Анализ сценариев человеческого вымирания и других подобных опасностей / пер. А.В. Турчина // Проза.ру : [сайт]. – 04.04.2007. – URL: <https://proza.ru/2007/04/04-210> (дата обращения: 16.11.2025).

257. ВР заплатит \$4,5 млрд штрафа за разлив нефти в Мексиканском заливе // ЭнергоНьюс : [сайт]. – URL: <https://energo-news.ru/archives/87541> (дата обращения: 17.10.2025).

258. Великое зловоние // Центр гигиенического образования населения Роспотребнадзора : [сайт]. – URL: <https://cgon.rospotrebnadzor.ru/istoriya/istoriya-sanitarnogo-prosveshcheniya/iz-istorii-epidemiy/velikoe-zlovonie/> (дата обращения: 06.09.2025).

259. Война // Большая российская энциклопедия : [сайт]. – 03.08.2022. – URL: <https://bigenc.ru/c/voina-911cd6> (дата обращения: 07.08.2024).

260. Война // Гражданская защита : энциклопедический словарь / под общ. ред. В.А. Пучкова ; МЧС России. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2015. – С. 79.

261. Война // Словарь военных терминов. – Москва : Воениздат, 1988. – URL: <https://rus-military-terms-dict.slovaronline.com/search?s=война> (дата обращения: 07.08.2024).

262. Война // Толковый словарь Ожегова : [сайт]. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3653> (дата обращения: 07.08.2024).

263. ВС успокоил судей по вопросу применения утратившей силу статьи о бизнес-мошенничестве // Право.ру : [сайт]. – 31.07.2015. – URL: <https://pravo.ru/news/view/120724/> (дата обращения: 23.01.2026).

264. В тропических лесах Амазонки коренное племя борется за выживание // ООН : [сайт]. – 2022. – URL: <https://www.ohchr.org/ru/stories/2022/08/amazon-rainforest-indigenous-tribe-fights-survival> (дата обращения: 22.02.2026).

265. Вшивкова О.В. Физика Земли и атмосферы. Влияние атмосферы на результаты геодезических измерений. – URL: <https://www.miigaik.ru/upload/iblock/122/1229544d453c8322928cfe9bca7fb6b1.pdf> (дата обращения: 01.11.2025).

266. Вызвать // Значение слова : [сайт]. – URL: <https://znachenie-slova.ru/вызвать> (дата обращения: 07.11.2025).

267. Вьетнам кодифицирует экоцид в своем внутреннем законодательстве // Ecocide Law : [сайт]. – URL: <https://ecocidelaw.com/history/> (дата обращения: 22.12.2025).

268. Гаагская мирная конференция 1899 года // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона : [сайт]. – URL: <https://www.vehi.net/brokgauz/all/024/24367.shtml> (дата обращения: 21.12.2025).

269. Глоссарий. Экологические преступления. – URL: https://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_find.cgi?ph=%E3%E5%EE%E6%E8%E4&action=%CF%EE%E8%E1%EА (дата обращения: 16.01.2026).

270. Голобоков Н. Москва отказывается от международно-юридического наследия 90-х годов // Взгляд : [сайт]. – 16.11.2016. – URL: <https://vz.ru/politics/2016/11/16/844129.html> (дата обращения: 09.12.2025).

271. Государства – участники Римского статута // Assembly of States Parties to the Rome Statute : [сайт]. – URL: <https://asp.icc-cpi.int/states-parties> (дата обращения: 02.01.2026).

272. Грандиозная катастрофа в Мексиканском заливе: причины, реальные последствия и выводы // TechInsider : [сайт]. – 24.04.2022. – URL: <https://www.techinsider.ru/technologies/10977-kak-vse-eto-sluchilos-meksikanskiy-zaliv/> (дата обращения: 19.02.2026).

273. Доклад ELI об экоциде: Модельные правила для Директивы ЕС и Решения Совета / Европейский институт права. – Вена : Европейский институт права, 2023. – 49 с. – URL: https://www.europeanlawinstitute.eu/fileadmin/user_upload/p_eli/Publications/ELI_Report_on_Ecocide.pdf (дата обращения: 23.02.2026).

274. Ересь Ю. Экоцид может стать пятым международным преступлением // РБК Тренды : [сайт]. – 30.06.2021. –

URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/60dc37359a7947d3b07ff119> (дата обращения: 01.01.2026).

275. ЕС вводит уголовную ответственность за серьезное разрушение экосистем // Euronews : [сайт]. – 27.02.2024. – URL: <https://ru.euronews.com/green/2024/02/27/eu-ecocide-new-directive> (дата обращения: 04.01.2026).

276. ЕС расширяет свои усилия по борьбе с экологическими преступлениями // European Commission : [сайт]. – 03.12.2025. – URL: https://environment.ec.europa.eu/news/eu-broadens-efforts-combat-environmental-crime-2025-12-03_en (дата обращения: 17.12.2025).

277. Европейская комиссия. Рабочий документ персонала. Оценка Директивы 2008/99/ЕС Европейского парламента и Совета от 19 ноября 2008 г. о защите окружающей среды посредством уголовного права (Директива о преступлениях в сфере окружающей среды) : SWD (2020) 259 final. – Брюссель, 28.10.2020. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020SC0259> (дата обращения: 04.01.2026).

278. Животова П. 10 августа 1961 года американцы впервые применили химикат Agent Orange во Вьетнаме // Российское историческое общество : [сайт]. – 10.08.2022. – URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/10-avgusta-1961-goda-amerikantsy-vpervye-primenili-khimikat-agent-orange-vo-vietname.html> (дата обращения: 14.02.2026).

279. Заявление МИД России от 16.11.2016 // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1538221/ (дата обращения: 01.01.2026).

280. История Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду // Организация Объединенных Наций : Аудиовизуальная библиотека международного права : [сайт]. – URL: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/cpmhuemt/cpmhuemt_ph_r.pdf (дата обращения: 21.12.2025).

281. Как энергетический переход Африки может разорвать «ресурсное проклятие» // World Economic Forum : [сайт]. – 03.11.2025. – URL: <https://www.weforum.org/stories/2025/11/africa-energy-transition-resource-curse/> (дата обращения: 14.02.2026).

282. Клитики // Словарь лингвистических терминов Т.В. Жеребило : [сайт]. – URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/1485/клитики (дата обращения: 27.02.2026).

283. Лега В.П. История западной философии. Часть 1. Античность. Средневековье. Возрождение. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Viktor-Lega/istorija-zapadnoj-filosofii-chast-pervaja-antichnost-srednevekovye-vozrozhdenie/> (дата обращения: 16.01.2026).

284. Легейдо В. Артур Галстон против агента «оранж»: как американский биолог боролся против экоцида во Вьетнаме и чем его история важна для современной биоэтики // Нож : [сайт]. – 18.09.2024. – URL: <https://knife.media/galston/> (дата обращения: 03.12.2025).

285. Макарьева А.М., Горшков В.Г. Знакомьтесь, Homo sapiens – человек бесправный (о гуманитарной катастрофе вселенского масштаба) // Биотическая регуляция : [сайт]. – 14.02.2007. – URL: https://www.bioticregulation.ru/life/life3_r.php (дата обращения: 18.01.2026).

286. Март 2024 года: Европейский совет официально принимает новую директиву о преступлениях против окружающей среды, которая включает положение о криминализации дел, «сопоставимых с экоцидом» // Ecocide Law : [сайт]. – URL: <https://ecocidelaw.com/history/> (дата обращения: 02.01.2026).

287. Международные договоры и соглашения с участием Минприроды России : раздел официального сайта // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации : [сайт]. – URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/international_agreements/ (дата обращения: 02.12.2025).

288. Международные соглашения : раздел официального сайта Министерства природных ресурсов и экологии РФ // Минприроды России : [сайт]. – URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/international_agreements/ (дата обращения: 02.12.2025).

289. Международный уголовный суд. Исторический обзор // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – URL: <http://www.un.org/ru/law/icc/overview.shtml> (дата обращения: 29.12.2025).

290. Международный уголовный суд: что впереди? // Российский совет по международным делам : [сайт]. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnyy-ugolovnyy-sud-chto-vpered/> (дата обращения: 06.01.2026).

291. Международная комиссия по установлению фактов // ICRC : [сайт]. – 2018. –

URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/document/file_list/mezhdunarodnaya_komissiya_po_ustanovleniyu_faktov.pdf (дата обращения: 16.12.2025).

292. Неизвестные уничтожили 12 миллионов мальков лосося // Комсомольская правда : [сайт]. – 06.02.2001. – URL: <https://www.kp.ru/daily/22487/7458/> (дата обращения: 08.08.2024).

293. «Не мог молчать»: как Саддам напал на Кувейт // Газета.Ru : [сайт]. – 02.08.2020. – URL: https://www.gazeta.ru/science/2020/08/02_a_13174699.shtml (дата обращения: 23.02.2026).

294. Новый объяснительный словарь русского языка / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Языки славянской культуры ; Вена : Венский славистический альманах, 2004. – С. 405–408. – URL: <https://ruslang.ru/doc/noss/text.pdf> (дата обращения: 06.11.2025).

295. 15 лет прошло с начала крупнейшей утечки нефти в Мексиканском заливе // Нефть и капитал : [сайт]. – 22.04.2025. – URL: <https://oilcapital.ru/news/2025-04-22/15-let-proshlo-s-nachala-krupneyshey-utechki-nefti-v-meksikanskom-zalive-5374984> (дата обращения: 17.10.2025).

296. О выходе России из Совета Европы (справочный материал) // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1834254/ (дата обращения: 02.01.2026).

297. Окружающая среда : раздел официального сайта ООН с документами // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_environment.shtml (дата обращения: 02.12.2025).

298. Окружающая среда и национальный суверенитет – Бразилия под угрозами // Журнал «Международная жизнь» : [сайт]. – 2020. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2414> (дата обращения: 25.02.2026).

299. ООН: С января 2023 года на Западном берегу перемещено более 4700 человек // Анадолу (АА) : [сайт]. – 21.02.2026. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/оон-с-января-2023-года-на-западном-берегу-перемещено-более-4700-человек/3836225> (дата обращения: 22.02.2026).

300. Организм // Большая российская энциклопедия : [сайт]. – 19.05.2022. – URL: <https://bigenc.ru/c/organizm-98d360> (дата обращения: 05.12.2025).

301. Острова Тихого океана попросили приравнять экоцид к геноциду // Газета.Ru: [сайт]. – 10.09.2024. –

URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/09/10/23887897.shtml> (дата обращения: 01.01.2026).

302. От Золотой орды до СССР: 5 реальных случаев применения биологического оружия // Культурология РФ: [сайт]. – 21.01.2018. – URL: <https://kulturologia.ru/blogs/210118/37532/> (дата обращения: 26.02.2026).

303. Отравление // Большая советская энциклопедия: [сайт]. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/085/783.htm> (дата обращения: 05.12.2025).

304. Отравление // Ветеринарный энциклопедический словарь: [сайт]. – URL: <https://www.cnsnb.ru/AKDiL/0006/base/RO/002545.shtm> (дата обращения: 05.12.2025).

305. Отравление // Криминалистическая энциклопедия : [сайт]. – URL: <https://law.niv.ru/doc/encyclopedia/criminalistics/fc/slovar-206.htm> (дата обращения: 09.12.2025).

306. Отравления // Большая российская энциклопедия : [сайт]. – URL: <https://bigenc.ru/l/otravleniia-399011> (дата обращения: 05.12.2025).

307. Отчет по человеческому развитию 1994 / Программа развития ООН. – Нью-Йорк ; Оксфорд : Oxford University Press, 1994. – XI, 226 с. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004879607> (дата обращения: 27.10.2025).

308. Парламент Венгрии проголосовал за выход из МУС // РБК : [сайт]. – 29.04.2025. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/04/2025/6810b06d9a79473e00768355> (дата обращения: 01.01.2026).

309. Паспорт проекта Федерального закона № 750443-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=123321> (дата обращения: 27.02.2026).

310. Перминова М. «Глобальный Север и Юг»: как термины влияют на наше восприятие мира // РБК Тренды : [сайт]. – 30.11.2023. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/65671fe79a794726ec6ed946> (дата обращения: 17.03.2026).

311. Политика по противодействию ущербу окружающей среде в рамках Римского статута (Policy on Addressing Environmental Damage through the Rome Statute) // International Criminal Court : [сайт]. – 04.12.2025. – URL: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/2025-12/2025-env-eng.pdf> (дата обращения: 16.02.2026).

312. Полноударное слово // Словарь лингвистических терминов Т.В. Жеребило / под ред. Т.В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2010. – С. 289. – URL: <https://rus-lingvistics-dict.slovaronline.com/1514-клитики> (дата обращения: 06.11.2025).

313. Правовой департамент МИД России. Перечень многосторонних международных договоров Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51093/ (дата обращения: 21.12.2025).

314. Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник. Вьетнам, Социалистическая Республика Вьетнам // Юридический портал LAW.NIV.RU. – URL: <https://law.niv.ru/doc/dictionary/legal-systems-of-countries/articles/35/vietnam-socialisticheskaya-respublika.htm> (дата обращения: 29.12.2025).

315. Представители из более 70 стран приняли участие в работе XI Невского международного экологического конгресса // IACIS: [сайт]. – 23.05.2025. – URL: https://iacis.ru/novosti/tavricheskij_dvoretc_1/predstaviteli_iz_bolee_70_stran_prinyali_uchastie_v_rabote_XI_nevskogo_mezhdunarodnogo_ekologicheskogo_kongressa (дата обращения: 05.06.2026).

316. Проект политики в отношении преступлений окружающей среды в соответствии с Римским статутом // International Criminal Court : [сайт]. – 18.12.2024. – URL: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/2024-12/2024-12-18-OTP-Policy-Environmental-Crime.pdf> (дата обращения: 02.02.2026).

317. Путин призвал отказаться от потребительского подхода к природным ресурсам // Портал Союзного государства: [сайт]. – 05.06.2025. – URL: <https://soyuz.by/ekonomika/putin-prizval-otkazatsya-ot-potrebitelskogo-podhoda-k-prirodnym-resursam> (дата обращения: 06.06.2026).

318. Редакторы Британники. Теофраст // Encyclopedia Britannica: [сайт]. – 11.04.2024. – URL: <https://www.britannica.com/biography/Theophrastus> (дата обращения: 18.01.2026).

319. Сельскохозяйственный словарь-справочник / гл. ред. А.И. Гайстер. – 1934. – URL: <https://bio.niv.ru/doc/dictionary/agriculture/index.htm> (дата обращения: 09.12.2025).

320. СК возбудил уголовное дело об экоциде из-за водной блокады Крыма // РБК: [сайт]. – 24.08.2021. –

URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/08/2021/612525869a7947e9ce77e880> (дата обращения: 06.02.2026).